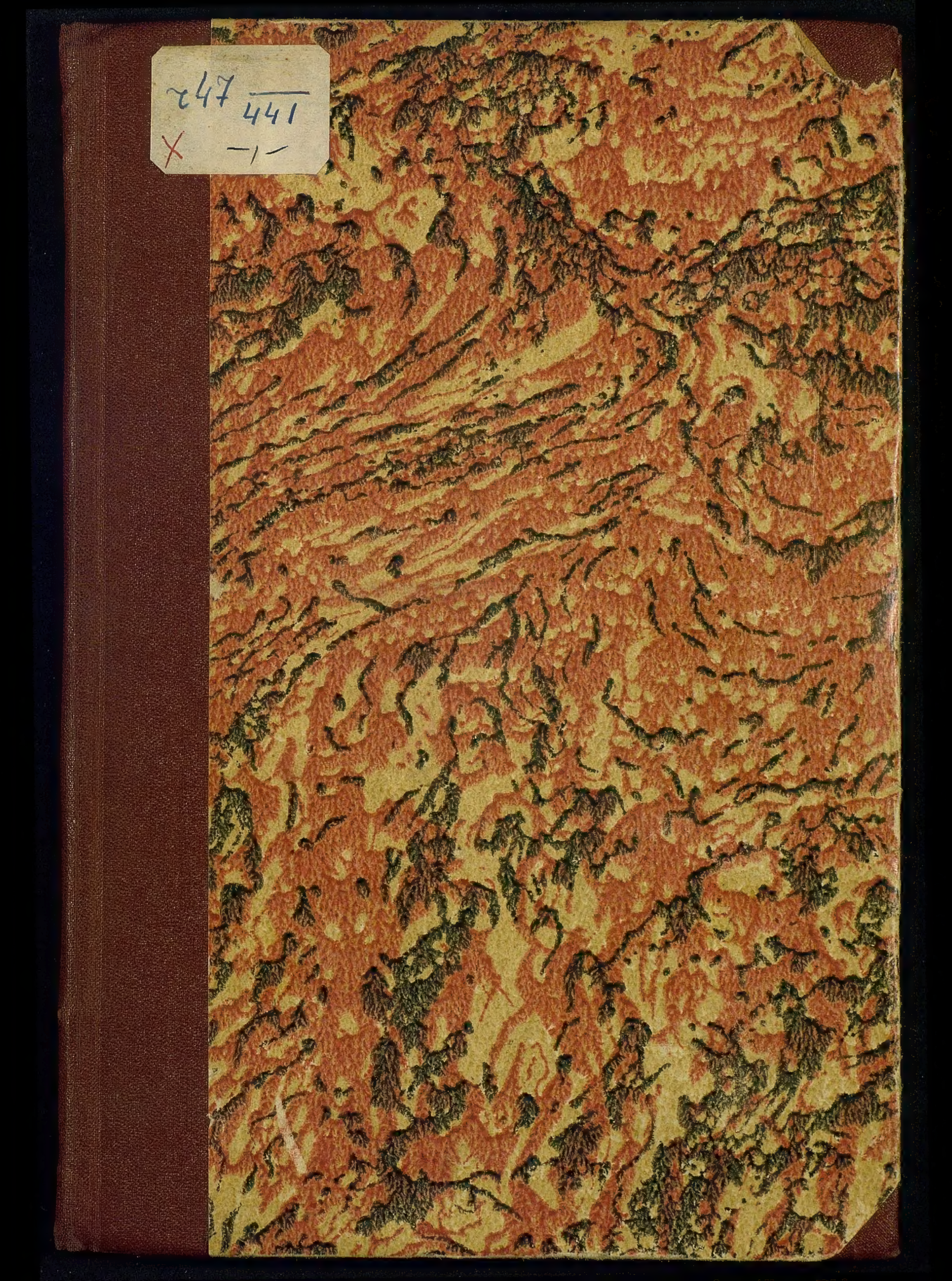

г47 441
X -1-

ИЗВЕСТИЯ
ИНСТИТУТА
ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ

№ 6.

Труды Историко-Этнографического Отдела

№ 1.

BULLETIN DE L' INSTITUT
de l'exploration de la Sibérie

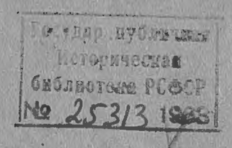
№ 6.

Travaux de la Section d' histoire et d' éthnographie

№ 1.

Издание Томского Губернского Отделения
Государственного Издательства.

СОДЕРЖАНИЕ.

Печатано по постановлению б. Совета Института исследования Сибири.
И. о. редактора изданий Института Б. П. ВЕЙНБЕРГ.

Р. В. Ц. Томск. Народная Типография № 2. Печ. 750 экз.

Проф. А. Д. Григорьев.

Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Русские говоры Сибири известны в науке очень мало. Поэтому, оказавшись первым представителем кафедры русского языка и словесности в Томском Университете, я поставил себе целью изучить русские говоры Сибири, насколько позволят мои силы, небольшое количество свободного времени и создавшаяся обстановка.

Ознакомление с немногочисленными работами о русских говорах Сибири и с записями памятников народной словесности, представляющими часто незначительное количество диалектологического матерьяла а также с историей колонизации Сибири, показало неверность создавшегося в Европейской России под влиянием данных труда акад. А. И. Соболевского, а еще ранее упоминаний в трудах Словцова [1]), Степанова [2]), Латкина [3]) и других представления о том, что русское население Сибири почти сплошь говорит по северно великорусски, т. е. окает. На самом деле оказалось, что добрая половина населения Сибири происходит из акающих губерний Европейской России и что она заняла главным образом южные части Сибири, сравнительно позже открывшиеся для русской колонизации. Об этих своих наблюдениях я уже имел честь несколько раз докладывать в Обществе Этнографии, Истории и Археологии при Томском Университете. Но, так как они общего характера, то недостаточны для составления диалектологической карты русского языка в Сибири, которая должна быть одним из результатов изучения русских говоров Сибири. Поэтому необходимо детальное ознакомление с распределением этих говоров по территории Сибири.

Затем оказалось, что состав русского населения Сибири чрезвычайно пестр, что в Сибири часты не только такие случаи, когда рядом стоят деревни неодновременного происхождения, при чем жители одной деревни говорят одним наречием, а жители другой—другим, но и такие случаи, когда в одной и той же деревне находятся жители разного происхождения и с разными наречиями и говорами. Чтобы не растеряться среди представляющегося разнообразия говоров Сибири и подметить известную закономерность в их образовании, необходимо найти такие исходные пункты, которые дали бы возможность выяснить историю образования возможно большего количества говоров русского старожилого населения Сибири. Одним из таких исходных пунктов на юге Сибири мне представляется проведение около 150 лет тому назад так называемого московского тракта. Со времени его учреждения и первоначального заселения прошло уже достаточно времени, чтобы вполне определилось то направление, в котором стали изменяться или изменились говоры многочисленных селений, оказавшихся или устроенных на тракте при его первоначальном заселении. Изучение говоров московского тракта должно дать матерьял не только для знакомства с их современным положением, но также для суждения об истории их образования, а кроме того о возможном их влиянии на говоры селений, возникших в стороне от тракта и при том в большинстве случаев позже его учреждения. Указанные только что основания заставляют меня придавать большое значение изучению на юге Сибири в первую очередь русских говоров московского тракта.

Изучение русских говоров московского тракта необходимо связать с заселением московского тракта русскими и происхождением последних. К сожалению, до сих пор нет работ, выясняющих историю заселения московского тракта и происхождение его жителей. Мало того, нет также работы, выясняющей историю постепенного устройства этого тракта на всем протяжении. Последнее обстоятельство заставило меня самого приняться за выяснение истории устройства и заселения московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров, так как такая предварительная работа даст необходимые точки опоры при изучении русских говоров, образовавшихся по тракту со времени его основания до настоящего времени.

[1]) Историческое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1886.. Стр. 79. [2]) Енисейская губернія. СПБ. 1835. Стр. 99—101. [3]) Красноярскій округъ Енисейской губерніи. СПБ. 1890. Стр. 40.

I.

Сообщение Европейской России с Восточной Сибирью до устройства московского тракта.

§ 1. Первоначальный северный, преимущественно водный, путь по Сибири.

Начав в 1579 году занятие Сибири с северо-запада, русские через сто с небольшим лет, т. е. к концу 17 го века, имели в своих руках почти всю нынешнюю Сибирь без Степного края, Алтайской губернии и Амурской области. Как во время завоевания Сибири, так и долгое время после него сообщение в русской Сибири происходило главным образом по рекам Оби, Енисею, Лене и их притокам, верховья которых близко подходили друг к другу, разделяясь лишь незначительными волоками.

Первоначальная обычная дорога из Европейской России в Тобольск, основанный в 1587 г., шла через г. Чердынь на р. Колве, притоке Камы, Растесный Камень, по рекам Лозьве, Тавде и Тоболу. Но эта северная и довольно длинная и извилистая дорога просуществовала не долго, около 10 лет. Вместо нее в 1597 году был открыт для сношения с Тобольском новый, более южный, путь. Он проходил из Соликамска на левом берегу р. Камы через Верхотурье, Туринск и Тюмень до г. Тобольска. Из Москвы в Соликамск товары обыкновенно перевозились водою; из Соликамска же их перевозили или к Ирбитской слободе (г. Ирбиту Пермской губ.), или к Верхотурью, а из последних они направлялись на Туринск, Тюмень и Тобольск. Новая дорога просуществовала до 1763 года, т. е. 166 лет, так как она представляла большие удобства для правительства при сборе пошлин: по обеим сторонам ее находились непроходимые топи и болота, вследствие чего она была безопасна от тайного провоза заповедных товаров. На ней была учреждена в г. Верхотурье таможня, через которую должны были проходить все, не исключая воевод и митрополитов[1]).

„Въ осень или по послѣднему пути“, когда новая дорога портилась, направлявшиеся наспех из Верхотурья в Москву гонцы еще до 1640 года, когда была составлена „Роспись сибирскимъ городамъ и острогамъ“, переезжали Уральские горы южнее, на Строгановские городки. Из Верхотурья они ехали сухим путем в течение трех дней до Подволочья на р. Чусовой, а из Подволочья они спускались в течение трех дней водою по реке Чусовой до Камы, т. е. к нынешней Перми, где их ждали суда и гребцы, присланные для такого случая из Соликамска. В обратном направлении, т. е., от Москвы и Казани в Верхотурье, гонцы чусовским волоком не пользовались, так как на Чусовой не было отдельного яма, а Строгановы не давали подвод, судов и гребцов[2]). Судя по 6 и 8 листу „Чертежной книги Сибири“ С. Ремезова, этот временный путь проходил через слободу Нейвинскую и Аятскую, севернее Аятского озера, пересекал верховье р. Нейвы, Урал, р. Шишим, а затем от Чусовской слободы спускался по р. Чусовой вниз через д. Мартемьянову, р. Каменку к Сулемской слободе (Утке?) вблизи устья р. Утки. Менее вероятно, что из этого объездного пути, выработался современный тракт из Верхотурья в Осу через Кунгур, вдоль р. Серебрянки и через Кушвинскій завод. Об этом, повидимому, пути идет речь в грамоте 22 февраля 1657 года, предписывающей Верхотурскому воеводе поставить заставы на летних дорогах из Осы и Уфы по случаю морового поветрия[3]).

От Тобольска более обычная дорога на восток Сибири шла зимою и летом по рекам Иртышу, Оби и Кети, затем сухопутно до Енисейска, от которого опять водою по Ангаре до устья р. Илима. Здесь дорога делилась на две ветви, северо-восточную и юго-восточную. Северо восточная проходила через Усть-Кут, по реке Лене до Якутска и далее. Юго восточная шла по Ангаре, через Байкал, на Баргузинск и на Иргенскій острог на р. Хилке (с. озеро Иргень у Читы) и Нерчинск[4].

---

[1]) П. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1886 Періодъ первый. Стр. 77—78.— Тобольская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1868—1869 годовъ. СПБ. 1871. Стр. 141.

[2]) А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Издалъ Г. Юдинъ. Москва. 1890. Стр. 10—12 [3]) Словцовъ, 94. [4]) Словцовъ, 73.

С этой главной дороги, связывавшей запад и восток Сибири, сворачивали на север и на юг, пользуясь, как судами, так и лошадьми и собаками. Но об этих боковых, как и о параллельных в некоторых местах путях, я распространяться здесь не буду, отсылая желающих ознакомиться с ними к Словцову и сборнику Татова.

Только что указанная северная дорога из Тобольска на восток Сибири не могла удовлетворять ни правительство, ни купечество, так как она страдала несколькими важными недостатками. Во-первых, передвижение по ней людей и товаров совершалось чрезвычайно медленно. Юрий Крижанич написавший около 1680 года „Историю о Сибири“ (Historia de Sibiria), говорит: „путешественники, отправляющіеся изъ Тобольска въ Москву въ зимнее время, могутъ возвратиться домой въ двѣнадцать недѣль, хотя путь этотъ вмѣщаетъ въ себѣ три тысячи русскихъ верстъ (или 600 левкъ) Путешественники же, отправляющіеся изъ Тобольска въ Даурію, къ крайней крѣпости, именуемой Нерчинскъ, обыкновенно не могутъ возвратиться зимою того же года“[1]). При подсчете данных 1672 года о продолжительности пути оказывается, что из Тобольска в Селенгинск за Байкалом путешественник мог попасть по этой дороге приблизительно через 25 недель, т. е. через 6 месяцев непрерывного пути, а в Нерчинск через 10 месяцев или самое раннее через 9 месяцев 10 дней.[2]) Передвижение же товаров происходило еще медленнее: по подсчету данных после 1683 года от Тобольска до Селенгинска на стругах и только на Енисейском волоке на лошадях они шли 40 недель и 2 или 3 дня, т. е. почти 10 месяцев[3]). Во-вторых, движение по этой дороге было связано по местам с большими трудностями. В „Описаніи новыя земли, сирѣчь Сибирского царства“, составленном после 1683 года, мы находим такое замечание: „А по Ангарѣ рѣкѣ пороги зѣло страшные: запасы и товары, вверхъ идя и на нихъ пловучи, на себѣ обносятъ—иной порогъ 4 поприща, а иные по два и полтора поприща [4])“.

Зимою были другие неудобства. В том же „Описаніи“ мы находим такое замечание: „зимнимъ же путемъ изъ Тоболска до Самаровского яму, до Сургута и до Нарыма и отъ Нарыма до Томского на нартахъ и на сабакахъ ходъ, а лошадми тѣмъ мѣстомъ дороги нѣтъ, потому что снѣги великіе и лошадми ѣздить не возможно[5]).“

§ 2. Сухопутное сообщение Тобольска с южными, пограничными, городами.

Медленность и неудобства водного пути вызывали там, где было возможно, устройство сухопутныхъ дорог. Так еще до 1640 года возникло, помимо водного, сухопутное сообщение Тобольска с Тарой. На него мы находим в „Росписи Сибирскимъ городамъ и острогамъ“ такое указание: „Изъ Тоболска къ Тарскому городу зимнимъ путемъ, лошадми, ѣзду 2 недели, а наскоро 10 дней; а лѣтнимъ сухимъ путемъ, не займуя ясачныхъ волостей, черными мѣсты, лошадми, ѣзду 3 недѣли[6]).“ Постепенно начало устанавливаться сухопутное сообщение между южными городами, поставленными на более верхнем течении Иртыша, Оби, Томи и Енисея. Такое сообщение начало устанавливаться к 1640 году, правда в экстренных случаях, между Тарой и Томском, между Тарой и Нарымом. В той же „Росписи“ мы читаем:[7]) „Изъ Тарскова города по вѣстямъ посылаютъ гонцовъ въ Томской городъ; а ходу отъ Тары до Томскова города лѣтнимъ сухимъ путемъ Тарскимъ уѣздомъ до Теренинской волости, лошедми, ѣзду 2 недѣли,[8]); а отъ Теренинской волости до Томскова городу ѣзду 2 недѣли жъ. Да съ Тары жъ по вѣстямъ посылаютъ гонцовъ въ Нарымской острогъ; а ѣзду отъ Тары до Нарымсково уѣзду лѣтнимъ сухимъ путемъ, лошадми, черными лѣсами, 3 недѣли. А гоняютъ въ Томской городъ и въ Нарымской острогъ тарскіе ясачные Татарове. А зимнимъ и водянымъ путемъ въ Томской городъ и въ Нарымской острогъ дорогъ нѣтъ.“ По „Чертежу всей Сибири“, составленному в 1667 году: „А отъ Тары черезъ Барабынскую волость степью до Томского города тихимъ ходомъ мѣсяцъ“ [9]). Несколько, повидимому, позже стало устанавливаться сухопутное сообщение Томска с Красноярском. Во всяком случае в „Описаніи новыя земли, сирѣчь

[1]) А. Титовъ. Там же, 164. [2]) Там же, 46—48. [3]) Там же, 72, 82—83. [4]) Там же, 83. [5]) Там же, 81. [6]) Там же, 14. [7]) Там же, 19. [8]) Тереиинская, конечно татарская, волость,—находилась на юге от озер Убинского и Карганского у Иткульского озёра; ср. лист 3 и 5 „Чертежной книги Сибири“ С. Ремезова и Gmelin, Reise durch Sibirien. Göttingen, 1752. 4, стр. 99). [9]) Титов, 37; Барабинская татарская волость была западнее Убинскаго озера по обеим сторонам р. Оми; ср. лист 3 и 4 „Чертежной книги Сибири“ С. Ремезова, а также Gmelin, 4, стр. 107.

Сибирского царства", составленном после 1683 года, мы находим уже такое сообщение: „Отъ Томского жъ города мимо Киргизкую жъ землю чрезъ Красноярской острогъ до Енесейского острога сухимъ путемъ; на лошадяхъ 3 недѣли ѣзды[1]."

К самому концу 17-го века уже вполне наметилось сухопутное сообщение Тобольска с некоторыми из городов, оказавшихся впоследствии на московском тракте. На это мы имеем следующее указание в „Чертежѣ всѣхъ Сибирских градовъ и земель," составленном С. Ремезовым в 1699 году на основании сибирских городовых чертежей, присланных в Москву: „От Тобольска городами сухим путем. До Тары града ѣзду 7 дней, от Тары до Барабы 2 недѣли, от Барабы до Томскаго 2 недѣли, от Томскаго чрез Чюлым до Краснаго Яру 2 недѣли, с Красного Яру до Енисейска 5 дней, от Енисейска до Братска 2 недѣли, от Братска до Иркутска недѣля, от Иркуцка чрез Байкалъ море 3 дни, до Селенгинског 7 дней, от Селенгинскаго до Иргенска 4 дни, от Иргетскаго до Нерчинскаго недѣля, от Нерчинскаго до Албазинскаго 4 недѣли, от Албазинскаго до Китайскаго царства ихъ людми ѣзду мѣсяцъ чрез степь старыхъ (?) [2]." Таким образом в 1699 году можно было доехать налегке от Тобольска до Нерчинска в теченiе 13 недель 5 дней, т. е. 3 месяцев и 6 дней. Иными словами, сообщение от Тобольска до Нерчинска по этой дороге оказывалось втрое быстрее, чем исключительно по северной речной дороге: 3 месяца шесть дней вместо 10 месяцев или 9 месяцев 10 дней. На этой дороге водное сообщение, судя по направлению и продолжительности пути, оставалось, может быть только, на участке от Енисейска до восточного берега Байкала на остальных участках оно было, несомненно, сухопутным. На указанным же участке дорога делала также большой зигзаг к северу, уклоняя от прямой линии. Затем эта дорога на значительном протяжении была заселена редким инородческим населением и не была безопасна по местам от набегов, как, напр. по Барабинской степи, а также на участке от Томска до Красноярска, где она проходила почти по границе тогдашних русских владений [3].

Указанные недостатки южной сухопутной дороги должны были сильно сказаться когда появилась мысль устроить по Сибири почтовое сообщенiе для пересылки бумаг. Уже в 1724 году Сенат хотел установить на первых порах ежемесячную, а впоследствии и еженедельную почту, повидимому только до Тобольска. Почтовая доставка бумаг была осуществлена при помощи гоньбы городских и уездных жителей. В виду сделанного в 1731 году Сибирским приказом представления о необходимости устроить, как было ранее, по Сибири почту для перевозки правительственных и частных писем и посылок, Сенат в апреле *1733 года* приказал устроить ординарную почту от Москвы до Тобольска и по разным трактам Сибири до Нерчинска с платежем за письма весовых денег. Месяцем раньше сибирскому губернатору было предписано распорядиться для удобства второй камчатской экспедиции, чтобы почта ходила от Тобольска на восток дважды в месяц от Якутска в Охотск и Камчатку раз в два месяца, а в Тобольск из Якутска раз в месяц[4]. Повидимому с этого именно времени *появился почтовый тракт на протяжении всей Сибири.* Но заботы о проведении его были и ранее. Еще в 1720 году, в виду начавшихся в Пекине при посредстве Измайлова переговоров с Китаем о пропуске русских караванов в Китай коммерц-коллегия стала заботиться о сокращении дороги в Восточной Сибири и предписала инспектору сибирских таможен рассмотреть, нельзя ли забайкальскую дорогу продолжить через Абакан и Томск или завести на Байкале два казенных судна[5]. К 1733 году когда начал свое путешествие через Сибирь Гмелин, проехавший в 1733, 34 и 35 годах от Осы на р. Каме до Нерчинска на Шилке и Нерчинска Заводского, южная сухопутная дорога, делавшаяся как раз почтовой несколько улучшилась: в значительной части она была вымерена и обезпечивалась, хотя и с трудом русскими или инородческими подводами, совершавшими местими большие перегоны [6]. Но основные недостатки ее оставались прежние.

Вследствие этого предстояла задача привести в больший порядок южное сухопутное сообщение на всем протяжении Сибири устранить наиболее важные зигзиги, устроить наметившуюся дорогу и заселить ее для охраны и организации более,

[1]) Там же, 80. [2]) „Атласъ Азiатской Россiи." Изданiе Переселенческаго Управленiя. 1914. Карта № 3. [3] До постройки в 1716—1718 г. г. Иртышской линии река Омь считалась границею русских владений в Барабѣ, и это убеждение джунгар надо было оспаривать сибирским властям еще в 1760 г. (Словцовъ, 224 и 259). [4]) Словцовъ. 1.270—271. [5]) Там же, 239, 271. [6]) Gmelin, tt. 1, 2, 3 и 4

правильной и более усиленной гоньбы русским населением. Эти задачи и были в главных чертах выполнены при проведении и заселении так называемого московского тракта.

II.

Устройство и заселение московского тракта.

К проведению московского тракта было решительно приступлено во второй половине 18 века, именно в начале царствования Екатерины Второй, когда в русских руках оказались и более южные местности Западной и Средней Сибири (северная часть Акмолинской области, восточная часть Семипалатинской области, Алтайская губерния и Минусинский уезд Енисейской губернии), прикрытые и прикрывавшиеся от степных кочевников целым рядом крепостей Пресногорьковской (1752—1755 г.г.), Иртышской (1716—1718) и Бийской линия (1741—1765) [1] Этот тракт был проложен от Екатеринбурга на западе до Кяхты и Нерчинска на востоке значительно южнее прежней северной речной дороги и во многих местах совпал с наметившейся южной сухопутной дорогой. Рассмотрим его устройство и заселение по частям, начиная с запада.

§ 1. Устройство и заселение Кунгурско-Екатеринбургско-Тобольского участка московского тракта.

Самая западная часть московского тракта до г. Тобольска прошла (до Тюмени) через Осу на Каме, основанную в 1596 году, через Кунгур, основанный в 1603 году, и Екатеринбург, основанный в 1722 году, на 200 слишком верст южнее прежней дороги через Верхотурье. Направление, по которому прошла новая дорога, было известно русским, повидимому, вскоре же после начала покорения Сибири. По крайней мере в „Росписи городамъ и острогамъ,“ составленной до 1640 года, находится следующая заметка: „Да съ Тюмени жъ посылають на Уфу для государева дѣла по вѣстямъ гонцовъ; а ѣзду съ Тюмени до Уфы лошадми сухимъ путемъ 3 недѣли; а подводы емлють отъ юртъ, до юртъ у захребетныхъ и у ясачныхъ татаръ; а зимнимъ путемъ на Уфу ходятъ на лыжахъ 5 недѣль[2]). Судя по тому, что в то время южная граница Западной Сибири проходила немного южнее Тюмени, приходится думать, что сообщение в экстренных случаях происходило не вдоль Миаса, так как местность по Миасу (до нынешнего Челябинска) еще не принадлежала русским, а вдоль реки Пышмы и Исетского озера, через верховья реки Чусовой. На этом пути, судя по „Чертежу всей Сибири“ 1667 года, уже в царствование Алексея Михайловича признали нужным поставить острог: „А отъ озера Исети черезъ Каменку (т. е. Уральские горы) до вершины Чюсовой рѣки 30 верстъ, и тутъ быти острогу, а въ немъ быть драгуновъ двѣ роты, и тутъ самопущей же проходъ воинскимъ людемъ съ тѣхъ мѣстъ, какъ Баскирцы великимъ государемъ измѣнили“[3]). Этот путь, судя по „Списку съ Чертежа Сибирскія Земли“ 1672 года, проходил большей частью степью: „Отъ Тобольска же дорога до Казани, мимо Тюмени и Уфы, степью чрезъ Башкирскую землю, ѣзду мѣсяцъ“[4]). В 1701 г., судя по 22 и 24 л. „Чертежной книги Сибири“ С. Ремезова, он проходил от Казани через р. Вятку, Сарапул, Осу, Кунгур, затем водоразделом между р. Сылвой и р. Чусовой, через Шахманаковы юрты, р.р Утку, Ялым, Шайтанку, дер. Польску, Гробову, р. Шишим, озеро Мелкое и Арамильскую слободу. Первую прокладку дороги по этому пути на Кунгур и Екатеринбург приписывают Суксунскому заводу Демидова, который, находясь между этими двумя пунктами, проложил ее около 1728 г. для собственных нужд [5]).

В 1733 и 1734 годах по этому участку позднейшого московского тракта проехал от Осы через Кунгур, Екатеринбург, Камышлов и Тюмень до Тобольска Гмелин. На обратном пути в 1741 году он проехал от Тобольска до Тюмени. В Осу Гмелин приехал из Казани через ряд татарских, вотяцких и черемиских деревень, слободу Сарапул, Ночкину на Каме, Сайгатки, Дуброву, страну башкир и Частую слободу. От Казани до Осы Гмелин насчитывал приблизительно 717 русских верст, причем расстояние между ставциями часто доходило до 60 верст [6]). Из Осы

[1]) Словцовъ. I, 223—228; II, 36, 260—262; I, 234, 67—68. [2]) А. Титовъ, 14. [3]) А. Титовъ, 29. Так как башкиры жили по обе ст ороны Урала (въ Европейской Россіи по р.р. Белой и Уфе), то острог должен был затруднять сношенія их между собою. [4]) Там же, 44. [5]) Словцов, 270. Интересно выяснить, что представляла из себя дорога через Уткинскую слободу, основанную въ 1651 г.: первоначальный вариант этого пути или особый путь для посланников, перевозимых и Строгововыми (Словцовъ, 66—67, 141—142, 168, 197. [6]) D. Iohann Georg. Gmelin Reise durch Sibrien von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Göttingen 1751 Стр. 85—103, 104.

через татарские деревни Бурму (Бырму) и Усть-Турку он прибыл в Кунгур[1]). Из Кунгура по дороге в 293 мерных версты через Сабарку, Брехово (с заездом на строившиеся Иргинские заводы) и татарскую деревню Ялым со станцией (из нескольких домов), Бисертскую избушку, заставу у Подглинной горы, Батнмирку избу, Гробово поле, Шайтанские или железные заводы Демидова и деревню Исток он прибыл в Екатеринбург. На восток от Ялыма по дороге было немного деревень; в каждой из них было по одному, двум домам, в которых помещался солдатский пост и можно было получить при смене от 6 до 8 лошадей. Застава у Подглинной горы была учреждена в царствование Анны Иоанновны для того, чтобы товары не могли ускользнуть от оплаты таможенной пошлиной. Кроме Верхотурской были еще две других заставы, на которых приходившие из Европы товары запечатывались; в городах печати снимались, товары учитывались и оплачивались пошлиной[2]). В самом Екатеринбурге была таможня, которая просматривала товары купцов, ехавших на Ирбитскую ярмарку. В виду существования боковых дорог Екатеринбургская таможня считалась ненадежной[3]).

Из Екатеринбурга Гмелин проезжал через Источную деревню, Косулину деревню (или Арамильскую слободу), Белоярскую слободу, погост Кунару, Ново-Пышминскую слободу. (или д. Волкову) в Камышловскую слободу. От Екатеринбурга до Камышлова считалось по прямой дороге 128 верст[4]).

Из Камышловской слободы Гмелин проехал через слободы Красноярск, Пышминскую или Ощепкову, Куяровскую и Беляковскую на южном берегу р. Пышмы и Лучинкину деревню в г. Тюмень[5]). На всем пространстве от Екатеринбурга до Тюмени происходила на местах остановки перемена лошадей[6]).

Из Тюмени Гмелин проезжал через Кошкаринские юрты (близ Туры за д. Мальковой). или же Виллишину (т. е Велижанскую при речке Велижанке, севернее тракта, в 23 в. от Тюмени, с полуэтапом), д. Борки. Созонову (иначе Созоновский погост), Щучью или Покровскую слободу. Большую Монастырскую деревню (иначе Подволошную), Усалку, Яркову, Искинскую д., Иевлеву д., Березовый Яр при Тоболе, Караульный Яр, Антипину д., Бачалину д., погост Липовый Яр с 10 домами и таможенной заставой, Шестакову д., Бехтеревы юрты (перед Байкаловым), Бабасанские юрты при Тоболе (перед Булашевым), Турбинские юрты (Турбинскую д.. Турбу). Миримовы юрты, Карачинскую д. и Мельянские юрты в г. Тобольск. Настоящие ямщики в то время были только в Тюмени и Тобольске; они обыкновенно возили из одного города в другой без перемены лошадей, только нанимая в пути (в Турбе) нескольких лошадей на помощь своим уставшим. Но одновременно с этим можно было ехать, правда с трудом и задержками, на переменных лошадях из попутных деревень и юрт[7]).

В 1735 году Татищев, бывший в то время начальником Уральских заводов, указывал, что Верхотурская дорога далека, грязна и недостаточно обезпечена ямщиками и что дорога через Кунгур и Екатеринбург не верно вымерена. без верстовых столбов и населения, и поэтому предложил, чтобы уездные обыватели возили по ней почту и курьеров за плакат (жалование). Точных известий об устройстве этой дороги и заселении ее, как было сказано ранее, нет. Известно только, что стоявшую на ней Ачитскую крепость в 1737 году осаждали башкиры и что по ней стали ездить также частные лица и купцы, причем последние пропускались через Екатеринбург только во время Ирбитской ярмарки. Последнее обстоятельство имело своим следствием недоборы в Верхотурской таможне, что вызвало в 1739 году указ с новым запрещением миновать Верхотурье под страхом конфискации на неуказанном тракте товаров и вещей у проезжих. Поэтому в течение многих десятилетий дорога через Кунгур и Екатеринбург оставалась дорогою только курьеров[8]). В сентябре 1754 года было приказано устроить на ней от Кунгура до Екатеринбурга для перевозки должностных бумаг и писем почтовые станции с 4 лошадьми на каждой. Запрещение ездить с товарами через Екатеринбург было подтверждено в 1758 году. Но уже в 1763 году Верхотурская таможня была упразднена и открылось сообщение по Кунгурско-Екатеринбургско-Тюменской дороге для всех[9]).

[1]) Там же. 103—106. [2]) Там же, 108—112. [3]) Там же, 113. [4]) Там же, 134, 118, 120, 121. [5]) Там же, 134. [6]) Там же, 135; т. 4, 271. [7]) Gmelin. Reise, т. IV, 220—228, 244, 245; т. I, 126—128, 132-134, 135. [8]) Имеется известие, что разрешение возить летом по Кунгурско Екатеринбургской (Уткинской) дороге на Казань нужные бумаги было но да тобольским воеводам еще в 1697 году. Словцовъ, 158.—Тобольская губернія, стр. 141. [9]) Словцовъ, 272.

Ко времени открытия в 1763 году Кунгурск-Екатеринбургско-Тобольского участка московского тракта на нем было уже много русских населенных пунктов: на реке Каме г. *Оса* со слободой, построенная под именем пригородка и заселенная выходцами из Устюга, Кайгорода и Чердыни в 1596 году[1]); г. *Кунгур*, построенный в 1624 году выходцами из Чердыни на башкирской территории[2]).; *Суксунский завод* Демидова, возникший около 1724 года[3]); крепости *Ачитская*, возникшая до 1736 года[4]), *Бисертская, Клёновская, Киргашанская* и *Грабовская*[5]); *Верхне-Шайтанский* завод, построенный в 1759 году[6]; *Верхне-Исетский* завод, начатый казною в 1726 году и проданный в 1758 году в частные руки[7]); г. *Екатеринбург*, который был основан в 1723 году, заселен крестьянами дворцового или монастырского ведомства и имел с 1754 года главное управление заводов, а в 1763 году гарнизон из 300—400 солдат, более 3000 жителей мужского пола, из коих 390 купцов и посадских и около трети старообрядцев, имевших свой центр севернее Екатеринбурга в Шарташе[8]); д.д. *Источная* и *Косулина* (и Арамильская слобода), *Белоярская* слобода, погост *Кунара* (на тракте ли?), (Ново-пышминская слобода и д. Волкова), через которые проезжал Гмелин; г. *Камышлов*, основанный в 1667 году в виде слободы[9]), на восток от Камышлова к Тюмени *Ощепково-Пышминская слобода* (основ. около 1646 года), *Курьянская* (*Кузяровская*) и *Беляковская* (основ. около 1646 года) слободы на реке Пышме, существовавшие уже в 1667 году[10]), д. *Ошкукова* (10 человек от 15 до 50 лет), с. *Тугулымское* (39 чел.), д. *Лучинкина* (51 чел.), с. *Успенское* (77 чел.), существовавшие в 1750 году[11]); д. *Мальцева* на реке М. Кармаке и д. *Зырянская* при р. Б. Кармаке, существовавшие в зачаточном виде уже в 1623 году, когда в первой был один двор, а во 2-й—5 дворов, принадлежавших ямщикам,[12]), д. *Перевалова*, (46 чел.), существовавшая в 1760 году, и г. *Тюмень*.

Тюмень возникла в 1586 году. В 1601 году, т. е. через 15 лет, в ней был устроен ям из 50 ямщиков, присланных из Европейской России и основавших в 1605 году за рекой Тюменкой Ямскую слободу. Последняя находилась в тесной связи с городом: многие ямщики жили в самом городе, а около 25 дворов посадских людей находилось в Ямской слободе. Старые ямщики к 1622 году обнищали и были обращены в пашенных крестьян, а ямская гоньба была возложена на инородцев тюменского уезда. Но уже 7 лет после этого, в виду неудобств, сопряженных с „татарской“ гоньбой, русский ям был восстановлен. По указу было надо „прибрать на Тюмени въ новые ямскіе охотники изъ посадскихъ, изъ отставленныхъ ямщиковъ, изъ захребетныхъ и прихожихъ гулящихъ людей“. Так как охотников было мало, то воевода велел писать в ямщики насильно. В 1630 году число ямщиков было увеличено, вследствие чего ям состоял из 88 дворов, в которых было 171 человек с детьми и братией. Ямщики обязаны были „гонять ямскую гоньбу отъ Тюмени до Тобольска или до Туринска или гдѣ по государеву указу и по подорожнымъ надобны будутъ подводы“. По выписи из „гонебныхъ книгъ 1633 г.“, тюменский ям „подъ соболиную казну, подъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, подъ колодниковъ до разныхъ городовъ и остроговъ, подъ ясачныхъ сборщиковъ до разныхъ татарскихъ городковъ, подъ выдѣльщиковъ хлѣба въ тюменскій уѣздъ“ дал 1476 подвод по всем дорогам сухим и водным путем, при чем 572 подводы яму пришлось нанять на свой счет[13]). В самой Тюмени в 1624 году было взрослого мужского населения 465 человек. Среди них было разных служилых людей 222 человека; посадских людей, имевших свои дворы в городе,—80; посадских людей, живших по подворьям, в Ямской слободе и по деревням,—77; вдов—14, бобылей—6, пашенных крестьян—71; кроме того в городе был двор оброчного крестьянина и 5 дворов пищных крестьян[14]). Постепенно население Тюмени увеличивалось, но данные об этом увеличении до 1645 года имеются лишь относительно служилых людей. В виду частых набегов калмыков и татар с кучумовыми внучатами на русские поселки тюменского уезда, в 1635 году было прислано в Тюмень из Холмогор 500 стрельцов вместе с семьями, которые первое время жили в домах тюменских казаков и литвы. К концу царствования Михаила Федоровича в Тюмени было 790

---

1) Словцовъ, II, 35. 2) Словцовъ, I, 69. 3) Словцовъ, I 231, 270. 4) Словцовъ, 1,272. 5) Словцовъ, II, 145. 6) Словцовъ, II, 248. 7) Словцовъ, I, 231; II, 241. 8) Словцовъ, 1, 194, 231; II ,233, 47—48. 9) Словцовъ, I, 104. 10) А. Титовъ. 27. Словцовъ I, 23 11) Тобольская губернія, 102. 12) Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ 1889, стр. 96. 13) Буцинскій, 84, 86, 88—90. 14) Буцинскій, 87.

человек служилых людей, кроме детей, братий и племянников, при чем 12 человек было боярских детей[1]). В 1741 году в Тюмени было, кроме общественных зданий, 500 других дворов, а в Ямской слободе 247 дворов[2]) В 1750 году в Тюмени было 1710 человек: посадских и цеховых—667, ямщиков—700, разночинцев—217, отставных казаков—4, отставных солдат—6, государственных крестьян—22, новокрещеных татар—15, бухарцев—10, монастырских крестьян—69[3]). В 1763 году в Тюмени было русских и татарских казаков 154, затем 2314 жителей мужского пола, из коих 490 купцов и посадских, 1317 ремесленников, 390 городовых ямщиков и 1103 пашенных крестьян[4]).

От Тюмени до Тобольска к 1763 году находились существовавшие еще в 1750 году дд. *Яровская* (40 чел. от 15 до 50 лет), с. *Малковское* (22 чел.), *Борковская* (16 чел.), *Созонова* (24 чел.), *Дубровная* (16 чел.) и *Щучья* (с Калмаковой—71 чел.[5]); с. *Покровское*, возникшее вблизи впадения Туры в Тобол в 1642 году когда тобольский архиепископ Герасим поселил там 20 семей софийских бобыльков и построил церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы на земле, подаренной в 1641 году Преображенским монастырем[6]); существовавшие в 1734 году, *Большая монастырская* деревня, *Усалка*, *Яркова*, *Иевлева*, *Караульный Яр*, *Бачалина*, *Липовый яр*, *Турба*; существовавшие уже в 1623 году с. *Булашева* в виде деревни Булаша с 2 дворами, д. *Глазкова* с 10 дворами, с. *Карачино* с 6 дворами[7]) и наконец г. *Тобольск*.

Тобольск был основан летом 1587 года письменным головою Чулковым, под начальством которого находилось 500 человек московского войска. Первый сибирский архиепископ Киприян, бывший до того архимандритом Новгородского Спасского Хутынского монастыря, привез с собою в 1621 году в Тобольск, повидимому из нынешней Новгородской губернии, монахов, протопопа, протодиакона, ключаря, нескольких священников, диаконов, причетников, певчих, детей боярских, нескольких служителей и восемь крестьянских семей. Всех тобольских служилых людей было в 1624 году в городе и в деревнях около 325 дворов, в 1633 году вместе с новоприборными и новокрещенцами—1392 человека. Посадских людей в 1624 году было 53 двора, в 1633 и 1640 гг.—88, в 1641—70. Крестьян в городе было в 1624 году—11 дворов. В 1739 году в Тобольске было 2639 дворов и 12349 жителей, из коих 5724 мужского пола. В 1763 году в нем было 6663 жителя мужского пола, из коих 75 духовных, 102 статских, 2069 купцов, 668 посадских, 168 рабочих или поденщиков, 2119 служащих в трех батальонах, 158 артиллеристов, 173 военных малолеток; 600 татар[8]).

Вообще часть тракта от Тюмени до Тобольска была заселена очень рано: уже в половине 17 века места, лежавшие по дороге из Верхотурья через Туринск и Тюмень в Тобольск, были значительно заселены и русское население разселялось тогда по ту и другую сторону дороги в отдалении, по рекам и озерам, заводя слободы и деревни[9]).

§ 2. *Устройство и заселение Тобольско-Тарского участка московского тракта.*

Тобольско-Тарский участок московского тракта создавался также постепенно. Можно думать, что направление его стало устанавливаться еще до 1640 года, если именно к нему надо относить приведенное выше указание „лѣтнимъ сухимъ путемъ, не займуя ясачных волостей, черными мѣсты, лошадми, езду 3 недѣли", предполагая, что ясачные волости лежали главным образом по р. Иртышу. Во всяком случае оно было известно к 1701 году, когда была составлена С. Ремезовым „Чертежная книга Сибири", на 20 и 22 листе которой указана дорога, идущая пустыми местами с верховья р. Вагая в Викулову слободу на р. Ишиме с веткой на Абатскую слободу и переходящая затем на другую сторону р. Ишима.

К 1701 году, судя по 2, 3 и 5 листам „Чертежной книги Сибири" Ремезова[10]), местность от Тобольска до Тары, по которой впоследствии прошел московский

[1]) Буцинскій. 99—100.—[2]) Gmelin, 4, стр. 222—223.—[3]) Тобольская губ. 101 [4]) Словцов. II.51. [5]) Тобольская губернія, 104 и 103.—[6]) Буцинскій, 133, 134.—[7]) Гмелинъ, 1 и 4 тт.; Буцинскій, 114. [8]) Буцинскій, 103—110. Словцов I 219; II, 56 [9]) Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. 7. СПБ. 1890 Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Тарскаго округа, Тобольской губерніи. Изслѣдованіе П. И. Соколова, стр. 15-16.. [10]) Чертежная книга Сибири, составленная Тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 г СПБ. 1882.

тракт, была еще слабо заселена. На ней к этому времени находились только Ивановское, Преображенское, слобода Абалак, слобода Куларовская на Иртыше, Адбашский острог на Вагае, заимка, Орлово городище (иначе Викулова слобода) на Ишиме, только одна Аёвская слобода на р. Аёве, безымянная деревня в устье р. Аёва, слобода Знаменская (с церковью), монастырские деревни у Мамышева и Петровского озер, часовни на р. Аркарке и г. Тара.

К 1741 году, когда по нему возвращался в Европейскую Россию Гмелин, на этом участке уже существовало несколько почтовых станций, о чем можно догадываться на основании указания Гмелина, что в д. Зудиловой, незадолго до его проезда, существовала почтовая станция, не действовавшая во время его проезда только потому, что дд. Зудилова и соседняя Чернолуцкая были совершенно пусты вследствие происшедшего за два месяца перед тем нападения киргиз [1]).

При своем возвращении в Европейскую Россию, Гмелин проехал в августе 1741 года только по части этого участка тракта, именно на пространстве от гор. Тары на Иртыше до Викуловой слободы на Ишиме. Именно он проехал от Тары через д. *Юрлагину* (Ерлагину), *Чередову* или *Знаменский погост*, *Оняговскую деревню* или *Малую Аевскую слободу*, лежавшую вблизи ее *Аевскую слободу*, дер. *Чаунину*, д. *Рыбину*, д. *Зудилову*, д. *Чернолуцкую* или *Подволошную* на р. Аёве, д. *Ачимову* или *Подволошную* на реке Барсюке, многие неназванные деревни (повидимому, Озеринскую, Бородину, Базаринскую и Коточиговскую), д. *Калинину*, и прибыл в *Орлово городище* или *Викуловскую* (у Гмелина: Юколовскую) слободу. На этом пространстве Гмелин менял лошадей в д. Юрлагиной, (Знаменском погосте), Аевской слободе, дд Чауниной, Рыбиной и Ачимовой. Дорога на этом пространстве была вымерена, о чем можно догадываться из слов Гмелина, что от Калининой до Викуловской слободы по прямой дороге только 13 верст. На ней были по местам болота, и она была опасна вследствие продолжавшихся нападений киргиз, уведших в последний раз в плен всех жителей Зудиловой и Чернолуцкой [2]).

По части тракта от Викуловой через Готопутово до Тобольска Гмелин не проехал, так как он повернул на Ишим и Ялуторовск, и поэтому мы лишены возможности узнать, какие населенные пункты и станции существовали в 1741 г. на указанном пространстве. Направляясь в 1734 году в Восточную Сибирь, он проехал от Тобольска до Тары по Иртышу на двух дощаниках, на каждом из которых было по 22 рабочих татарина. Из описания этой поездки видно, что он тогда побывал из русских селений в д. *Соляной*, селе *Абалаке* с Абалакской иконой Божьей Матери и *Куларовской слободе*, находящихся в начале тракта от Тобольска [3]). Об остальных селениях по тракту от Куларовской слободы до Викуловской у него нет упоминаний. Из его слов видно, что по татарским деревням проходила зимняя дорога от Тобольска до Тары, но можно думать, что здесь разумеется дорога вдоль Иртыша, так как на ней татары устраивали свои зимние юрты, имея летние юрты на летней дороге [4]).

В 1744 и 1745 годах на Тобольско-Тарском участке тракта было учреждено 20 почтовых станций, причем на каждой из них находилось по 6 лошадей, выставляемых ямщиками трех ямов: Демьянского, Самаровского и Тарского. Судя по количеству, новоучрежденные станции должны были в главных чертах совпадать с современными почтовыми станциями на этом участке, которых насчитывается 21 на 40 верстной карте Военно-Топографического Отдела Главного Штаба: Бакшеева, С-Погостинская, Копотилова, Дресвянка, Истяцкие юрты (татарские), Балахлейские юрты (татарские), Малый Кусеряк (но в „Списке“ станция не обозначена), Чистяки, Голопупово (Готопутово), Викулова, Коточигова, Ачимова, Аёвский Волок, Верх-Аёвская, Становка, с. Рыбинское, Фирстовская, Чаунина, Завьялова, Знаменское и Бутаково.

У нас имеется немного данных 17-го века о времени основания нескольких старых деревень по началу этого участка тракта, на юго-восток от Тобольска, по реке Иртышу и нижнему течению р. Вагая. К 1623 году здесь существовали д. *Иванова* с одним двором служилого человека, *Преображенский погост* в 20 верстах от Тобольска с 4 дворами причта и 16 дворами посадских, пашенных и

---

[1]) Gmelin, Reise, 4. стр. 173. [2]) Gmelin, Reise, 4, стр. 167—182. [3]) Gmelin, Reise, 1 т., стр. 171—172. [4]) Gmelin, 1 т., стр. 174.

оброчных крестьян; „деревня на Абацкомъ городищѣ попа Якова“, с одним двором; д. *Киселевская*, на р. Сугзунке с двумя крестьянами; деревня попа Андрея при *Куларовском* озере с одним двором; от этой деревни, существовавшей уже в 1623 году, надо отличать *Куларовскую слободу* в 50 верстах от Тобольска, возникшую около 1635 года и имевшую в 1640 г. 14 человек, а в 1645 году 16 человек крестьян, обрабатывавших государеву пашню; деревня *Успенского монастыря* при устье р. Вагая, состоявшая в 1623 году из 6 дворов, в которых жило 9 семей монастырских половников (вероятно, нынешняя *Старопогостинская*); *Вагайский острожек*, основанный в 1633 году и перенесенный в 1636 году, согласно желанию тобольских служилых людей, на урочище Атбаш на реке Вагае [1]).

О времени основания деревень по Вагаю и его притоку Балаклею данных у нас пока нет.

У нас имеются еще сведения 18 века о том, что на тракте в 1749 г. существовало несколько деревень, принадлежавших в то время к Ишимскому дистрикту: *Голопупова* (10 человек от 15 до 50 лет), *Калинина* (19 человек), *Озерная* (22 чел.) и *Ачимова* (32 чел. [2]); и несколько деревень, принадлежавших в то время к Тарскому воеводству: *Зудиловский* форпост, *Рыбина*, *Баслинская*, *Фирстова*, слобода *Аевская*, *Знаменский погост* [3]) и г. *Тара*, при чем относительно Зудиловского форпоста известно, что он существовал уже в начале 18 века, так как через него проходила передовая линия, охранявшая русския поселения от набегов степных кочевников [4]).

§ 3. Происхождение населения Кунгурско-Екатеринбурско-Тобольского и Тобольско-Тарского участков московского тракта.

Первое население московского тракта на Кунгурско-Екатеринбурском, Екатеринбургско Тобольском и Тобольско-Тарском участках во многих пунктах, особенно в возникших в 16 и 17 веках и в начале 18-го, происходило из северных великорусских губерний. На это у нас имеется уже достаточное количество указаний. Как мы видели ранее, г. Оса заселена выходцами из Устюга, Кайгорода, и Чердыни (в 1596 году), а Кунгур выходцами из Чердыни. Сведений о происхождении жителей пунктов по обе стороны Екатеринбурга у нас нет, но зато имеются такие сведения о Камышлове и селениях тракта на восток от Камышлова. Буцинский, исследовавший заселение 7 уездов Тобольской губернии и между прочим тюменского, тобольского и тарского уездов с завоевания Сибири до конца царствования Михаила Федоровича († 1645 г.), пришел к такому выводу об этнографическом составе сибирского населения к половине 17-го века: „оно помимо туземцевъ, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрiйскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, русскихъ и даже французовъ; эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губернiй. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить „калужанина“, „путивльца“, „рыленина“, да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ называемыхъ поморскихъ городовъ Устюга Великаго, Сольвычегодцка, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящiе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр. изъ 617 человѣкъ, присягавшихъ въ Верхотурьѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ „устюжанъ“, значительная часть „сольвычегодцевъ“ и „пѣнежанъ“, а другiе были: „вятчане“, „соликамцы“, „кайгородцы“, „важеняне“, „вычегджане“ и т. п. [5]).

На северновеликорусское происхождение первоначальных русских жителей Сибири указывают и сведения, находящиеся в работе Словцова, давшаго в своем

---

[1]). Буцинскiй: 110, 114, 110, 123, 110, 116-117, 119--120, 117--118. Против Киселевой и Куларовской на другом берегу р. Иртыша в это время уже существовали две деревни пашенных и оброчных крестьян: Яркова в 6 дворов и Полуянова в 7 дворов. (Буцинский, 113, 114).—[2]) Тобольская губерния, 112 стр. [3]) Там же, стр. 115. [4]) Там же, 80. [5]) Буцинский, 231.

„Историческомъ обозреніи Сибири“ обозрение уже всей Сибири и притом до 1765 года, т. е. за все время до проведения московского тракта и за несколько лет после проведения его. Вот его общее заключенпе: „Сибирскій говоръ есть говоръ Устюжскій, подражатель Новгородскаго. Сибирь обыскана, добыта населена, обстроена, образована все Устюжанами и ихъ собратіей, говорившею темъ же наречіемъ. Устюжане дали намъ земледельцовъ, ямщиковъ, посадскихъ соорудили намъ храмы и колокольни, завели ярмарки, установили праздники Устюжскихъ Чудотворцовъ, вошли какъ хозяева въ довѣренность у инородцовъ скупали у нихъ мягкую рухлядь на табакъ, на корольки и топоры, а къ намъ привозили серебряные кресты, перстни, запонки, финифтяныя табакерки и прочія щепеткія издѣлія своей работы. По какому-то жребію единообразія, даже казачьи команды пополнялись изъ такихъ городовъ, гдѣ говорили тѣмъ же нарѣчіемъ. Стефанъ Великопермскій, по плоти Устюжанинъ, низлагая съ 1383 по 1397 г. идоловъ Угры и Печоры, Пермяковъ и Зырянъ, кажется, съ береговъ Выма благословилъ путь къ востоку своимъ землякамъ, даже до Баранова, перенесшаго Устюжскую образованность на берегъ Америки. Какъ бы то ни было, нельзя однакожъ не видѣть причины, для чего Московскій говоръ, легкій и пріятный, какъ счастливый баловень, не успелъ въ Сибири взять поверхности. Воеводы и ихъ товарищи, дьяки и письменные головы, хотя пріѣжжали съ семьями и домочадцами, отдѣлялись степенями состоянія отъ жителей, которые, если видятъ къ себѣ презреніе, любятъ лучше передразнивать надменныхъ, чемъ имъ подражать. Много было дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, но не Москвичи урожденные“ [1]).

Имеющиеся у нас данные показывают, что общее заключение Словцова о северновеликорусском происхождении жителей верно по отношению к северной Сибири и к западным участкам тракта почти до Тары и Тарскаго уезда. Так казенными крестьянами из северных уездов современных Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний населены между прочим по р. Пышме около 1646 г. Пышминская и Беляковская слободы и некоторые починки [2]). В 17 веке переселение поморских крестьян сюда продолжалось: „Работящій народъ Поморскихъ мѣстъ... продолжаетъ, начиная с Вычегды, переселяться на Туру, Ирбитъ, Ницу, Пышму, гдѣ въ 1667 году появился Камышловъ въ видѣ слободы, переселяться далѣе на Исеть и на устье Міаса [3]). Выселение жителей поморских городов было настолько сильно во второй половине 17 века, что в короткое время из 71000 дворов этих городов выбыло, судя по указу 1686 года, две трети. Заметная часть выбывших попала в Сибирь, что видно из слов Петра I, который, не доверяя представлению Архангельского губернатора в 1714 году о том, что не с кого брать рекрут, приказал произвести новую поверку дворов и сказал при этом: „не всѣ крестьяне ушли на Донъ и въ Сибирь“ [4]). Известная часть военныхъ была, несомненно, также северновеликорусского происхождения. Так из Холмогор было прислано в Тюмень в 1635 году 500 стрельцов вместе с семьями. [5]) Из северновеликорусских областей происходило, повидимому, также духовенство, прибывшее в 1621 году в Тобольск вместе с первым сибирским архиепископом Киприяном, прежним архимандритом Новгородского Спасского Хутынского монастыря. Вольница промышленников, игравшая большую роль при завоевании северной Сибири, была по большей части „изъ Устюжскаго края“ [6]). Ямщики Демьянского и Самаровского ямов, участвовавшие в заселении 20 станций от Тобольска до Тары, были, несомненно, потомками северновеликорусов, так как говор оставшихся в Демьянске и Самарове и в настоящее время северновеликорусский. Также и в Таре было несомненно северновеликорусское население: в 1635 году в г. Тару было выселено вологжан и нижегородцев разных чинов служилых людей с женами и детьми 300 человек, которые несли здесь службу в конных и пеших казаках. [7]) Северновеликорусским могло быть и население тех селений, которые возникали подле Тары до 20 годов 18 века, в 17 веке по Иртышу, именно вверх до устья р. Тары и вниз до устья рр. Оши и Аёва, а в начале 18 века, вверх по рекам Таре и Оше, [8]) которую предпочитали р. Аёву добровольные переселенцы, спускавшиеся сюда ближе к границе главным образом из более северных селений Сибири, когда Тарский уезд был прикрыт от степных кочевников Иртышской линией [9]).

[1]) Словцовъ, 78—79. [2]) Словцовъ. 21—23. [3]) Словцовъ, 104. [4]) Словцовъ, 175. [5]) Буцинскій, 99. [6]) Словцовъ, 7. [7]) Тобольская губернія, 97. [8]) Словцовъ, 64. [9]) Словцовъ II, 171, 39.

Но, помимо северновеликорусского населения, слабо заселенный к началу 18 века [1]) Тарский уезд, как впоследствии и более восточные местности по московскому тракту вплоть до Нерчинска, также слабо заселенные северновеликорусами или совсем не заселенные, стал получать, по крайней мере с 20-х годов 18 века, а особенно с 60-х годов этого века, жителей и из других местностей Европейской России, пользовавшихся акающими (средневеликорусскими, южновеликорусскими и даже белорусскими) говорами, а не окающими, как северновеликорусы. Уже разного, повидимому, были происхождения и пользовались поэтому разными говорами те ямщики, которые в начале 18 века были высланы, по распоряжению правительства, в Тарский уезд из внутренних губерний России для устройства безпрепятственного сообщения с Восточной Сибирью. [2])То же можно сказать и о московских стрельцах, которые вместе с малороссийскими казаками были сосланы, повидимому при Петре Первом, за раскол и образовали, по догадке Словцова, центр Тарского раскола. [3]). То же надо думать и относительно „разныхъ людей", присылавшихся „на жительство", которыми с 20 х годов 18 века населялась „Тара съ своимъ околоткомъ по примеру Охотска". [4]) Особенно усилилось заселение Тары и Тарскаго уезда (воеводства), в пределы которого в 1750 году на западе входило все или почти все пространство до р. Ишима с реками Аёвом и Ошей (вместе с. с. Крутинским на западном берегу озера Тениса), а на юге р. Омь вместе с Омской крепостью [5]), людьми разного происхождения и разных поэтому говоров с 60 х годов 18 го века. С этого времени около Тары и по Барабе были селены деревнями поселенцы „трехъ статей", как определяет Словцов; с 1763 г. по 1771 год их находилось там уже 2.459 человек мужского пола и 1.399 чел. женского пола. К первой статье назначенных „для новыхъ водвореній въ Сибири", по Словцову, относились государственные, дворцовые, архиерейские, монастырские и помещечьи крестьяне, отправляемые сюда в зачет рекрутов с 1760 года вместе с женами и, детьми, за которых владельцы получали платеж из казны; ко второй статье „съ 1761 года колодники на Иртышскую линію, съ производствомъ провіанта и прочаго установленнаго снабженія"; к третьей „выводимые съ 1763 года изъ Польши бѣглые, которые, оказавшись негодными для предположенныхъ на защиту Сибири ландмилицкихъ полковъ, отсылались на поселеніе въ разныя мѣста, для распространенія хлѣбопашества" [6]). В частности ссыльные были водворены в 18 веке по Тобольско-Тарскому участку московского тракта в 4 деревнях по верхнему течению р. Аёва. [7])

§ 4. *Устройство и заселение Тарско-Томского участка московского тракта.*

Участок тракта от Тары, основанной в 1594 году, до Томска, основанного в 1604 году, был проведен и заселен постепенно.

Сухопутной дорогой, которая в основном направлении совпадала с позднейшим московским трактом между Тарой и Томском, русские стали пользоваться в летнее время вскоре же после основания г. Томска в 1604 году. Еще до 1640 года, как мы видели раньше, русские посылали из Тары в Томск в экстренных случаях гонцов при помощи тарских ясачных татар, которые везли их „лѣтнимъ сухимъ путемъ Тарскимъ уѣздомъ до Теренинской волости, лошедми" 2 недели и „от

[1]) В 1710 году въ Тарском округе вместе с городом был 1.671 двор и приблизительно 8.355 душ обоего пола (Матеріалы для изученія эконом. быта... Вып. 7, стр. 11). Даже в 1750 году во всем обширном Тарском воеводстве было только 2 024 человека въ возрасте отъ 16 до 50 лет, без 50 выписных казаков. Чернолуцкой. Тобольская губернія. 114—115. [2]) Тобольская губернія, 97. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. 7. СПБ. 1890. Экономическій бытъ госуд. крестьянъ Тарскаго округа Тобольской губ. Изслѣдованіе Н. И. Соколова, стр. 13. [3]) Словцовъ, II, 171. [4]) Словцовъ, 277. [5]) Тобольская губ. 114—115. [6]) Словцовъ, II, 40, 39. [7]. Приблизительно в 1750 году, т. е. до усиленного заселенія Тары и ее окрестностей, во всем Тарском воеводстве, обнимавшем три участка позднейшего Тарского уезда и два участка позднейшего Омского уезда, было людей от 16 до 50-тилетнего возраста 2.024, а с 50 выписными казаками в Чернолуцкой -2 074, при чем в самой Таре было 409 таких лиц (Тобольская губернія, 114—115). При третьей переписи 1763 года в Таре находилось купцов—640 ямщиков и ремесленников—199, дворцовых—39, казенныхъ крестьян—1.178, юрточных бухарцев—105, считавшихся древними обитателями татар—28, а вместе с духовными, „статскими" и казаками около 2,250 человек мужского пола. В Тарском уезде по той же переписи было податных русских—9.034, древних обитателей татар—441, барабинских татар до 1 215 луков, плативших подать рухлядью, и 669 юрточных бухарцев, плативших по 6½ коп. С 1763 до 1771 года губернатор Чичерин поселил по Барабинскому тракту 2 019 душ мужского пола. Словцовъ, II, 65. [7]) Тобольская губернія, 97.

Теренинской волости до Томскова городу“ тоже 2 недели. С такою же медленностью сообщение между этими двумя городами происходило и в 1667 году, когда считалось „от Тары черезъ Барабынскую волость степью до Томского города тихим ходом мѣсяц“[1]). Восточная часть этой дороги отмечена пунктиром в „Чертежѣ земли Томскаго города“[2]). Выходя из степи Барабинского уезда, дорога конца 17-го века, согласно обозначению Ремезова, проходила северным берегом озера Казыка, в южный конец которого впадает по современным картам р. Чик, а к северному подходит р. Оёш, левым берегом реки Иопа (Уеня, Уека?), подле Чанких (Орских?) юрт, левым берегом Оби и островами через р. Курбе: (р Куру, впадающую в Быстрый Уек справа против д. Черного Мыса?), р Аскалык (на картах нет), через южную часть Симанского луга; пересекала здесь р Обь и шла северным берегом р. Икеы через д. Круслину (что является опиской вместо Кругдину, т. е. Кругликову) и д. Пашковых (т. е. нынешнюю Зудову), затем через село Заядеево, д. Варюхину и д. Лаеву (современную Алаеву) на левом берегу р. Томи; пересекала р Томь и через д. Яр (современное село Ярское), д. Емельяновых (современную Вершинину) и село Спасское и через реку Басандайку (в „Чертеже“ по описке Рабагайдайка) и Ушайку подходила к Томскому городу

Эта летняя, по большей части степная, дорога из Тары в Томск заселялась русскими довольно медленно. Русскими были сначала заселены те части ее которые шли от Тары и Томска на юг, т. е. вверх по р. Иртышу и по р Оби. К 1701 году, судя по „Чертежу земли Тарскаго города[3])“ на юг от г. Тары существовали русские населенные пункты по левому берегу Иртыша только до р Бызовки; именно здесь находились караул у Зуева озера, проток из которого впадал слева в р. Ивенку, три безыменные деревни на р Ивенке выше Зуева озера, четыре безымянные деревни по Иртышу, из коих одна ниже устья р. Тары, а три выше этого устья, и наконец слобода Татмыцкая на северном берегу р. Бызовки. На правой стороне р. Иртыша, вверх от г. Тары русские населенные пункты находились только на р. Таре; на ней отмечены на южном берегу слобода Бергамацкая и затем три безымянные деревни, из коих последняя стоит против Угуйского озера, а на северном берегу две безымянные деревни, расположенные несколько поодаль от реки против трех указанных выше деревень. Остальное пространство между реками Иртышем и Омью, Тарой и Тартасом, Тартасом и Омью, Омью и Карганом, впадающим в озеро „Чану“, а также по озерам Чане, Тандову, Сартлану, Убе и Каргану занято деревнями ясачных татарских волостей: между Иртышем и Омью—Ялымской волости, между Тарой и Тартасом—Тукураской Куяебинской и Турасинской волостей, между реками Тартасом и Омью и озерами Чаной и Убой —Барабинской волости на север от озера Убы—Ичепинской волости, а на юг от озер Убы и Карагана-Теренинской волости. По Иртышу выше Татмыцкой слободы отмечены только урочища: Черная лука на правом берегу Иртыша ниже устья р. Оми, „Боршовъ яръ“ на левом берегу Иртыша против устья р. Оми и „яровья красны“ на правом берегу Иртыша значительно выше устья р. Оми. По данным „Тобольской губерніи,“ селения по обе стороны г. Тары, именно вверх по Иртышу до устья р. Тары и вниз до устья рек Оши и Аёва возникали до 20 годов 18 века, а вверх по рекам Таре и Оше—в начале 18 века. В начале того же 18-го века далее вверх по Иртышу существовали населенные казаками форпосты Большерецкий, Пустынный, Бетеинский и Чернолуцкий, основанный около 1670 года[4]).

Точно также и конечная часть Тарско-Томского участка московского тракта, вверх по р. Томи от Томска, заселилась русскими приблизительно на столетие ранее центральной части через Барабинскую степь.

Занятие русскими территории Томской губернии как и других сибирских губерний, началось с севера. В 1596 году сургутские служилые люди основали на остяцкой земле *Нарымский острог* на р. Оби, а в 1597 году *Кетский острог* на р. Кети. Вскоре после этого русские вступают на территорию тюркских племен, обитавших южнее, именно по реке Томи и ее левым притокам Кондоме и Мрасе. В 1604 году по просьбе Таяна князька татарского племени Еушта, был построен на правом берегу р. Томи и р. Ушайки *Томский острог*. После его постройки в 1605 году, принял русское подданство теленгутский князь Обак, в 1607 году кал

---

[1]) Ср. выше, стр. 4. [2]) Чертежная книга Сибири, лист 11 и 13. [3]) Там же, лист 3 и 5. [4]) Тобольская губернія, 80.

мыцкие послы обещали подданство своих владельцев, в 1609 году удалось взять первый ясак с кузнецких татар, дойти до Енисея ниже впадения в него Абакана и Тубы и покорить народцы маторов, тубинцев и есаров, которые до того времени платили дань монгольскому хану Алтыну, в 1617 году взять три киргизских города в верховьях Чулыма и получить от киргиз присягу на подданство. Но так как жившие выше по Томи, Кондоме и Мрасу татары, занимавшиеся выплавкою железной руды и приготовлением из нее различных предметов и получившие поэтому от русских прозвание кузнецов, несколько раз до 1615 года отказывались платить ясак, то в 1618 году в их земле, также на правом берегу р. Томи, в 524 верстах от Томска, против устья реки Кондомы на границе между равниной и горами, был построен *Кузнецкий острог*. Первые десятилетия оба эти острога, скоро превратившиеся в города, были заняты закреплением за русской властью местности, которая расположена по реке Томи и ее притокам и к 1701 году, судя по 11 и 13 листу „Чертежной книги Сибири“ Ремезова, граничила на юго-западе с Телеутской землей по р. Берди, впадающей справа в р. Обь Это закрепление давалось после упорной борьбы с инородцами, татарами и киргизами. Так даже сам Томск в течение 17 века подвергался их нападениям и опустошениям в 1609, 1614, 1624, 1630, 1654, 1674, 1680, 1682 и следующих годах. Еще в 1700 году томские служилые люди жаловались в Москве в Сибирском приказе на людей контайши Арангана, киргиз, телеут и черных калмыков за то, что они воровски приходят под деревни и слободы Томского уезда, „деревни жгуть, скотъ отгоняютъ и на пашняхъ людей убиваютъ, и не въ какие промыслы ходить не дают и на промыслахъ вверхъ по Томи рѣкѣ промышленныхъ и ясашныхъ людей разоряютъ и побиваютъ“. Конечно, эти нападения не проходили для нападавших безнаказанно, так как русские служилые люди старались нагнать их: посланный в 1680 году в погоню за отступившими киргизами—Томский сын боярский Роман Старков с отрядом в 417 человек нагнал киргиз „въ трехъ днищахъ“ от Томска и разбил их, причем многие из них были перебиты и переранены, а голова их убитого предводителя Шандычки доставлена на копье в Томск.[1]) Но они тем не менее сильно задерживали заселение русскими вновь занимаемой территории и заставляли первых русских насельников жаться ближе к Томску и Кузнецку, в надежде на их охрану.

Томск и первые русские деревни вокруг него были основаны служилыми людьми преимущественно, если не исключительно, северновеликорусского происхождения. Томск строили и заселили тобольские, сургутские и березовские служилые люди под начальством письменных голов тобольского Тыркова и сургутского Писемского. На помощь им были посланы из Тюмени под начальством атамана Дружины Юрьева „50 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ да два человѣка пушкарей“.[2]) Вскоре после своего водворения в Томске его служилые люди стали заводить вокруг него заимки, обратившиеся затем в поселки и деревни. К таким деревням, основанным служилыми людьми, принадлежат по р. Томи вниз от города Белобородова и против него Попадейкина, а вверх от города Батурино, Вершинино Саломатова, Кулакова, Поломошная, по правым притокам Томи р. Сосновой-Болтовская, р Басандайки-Аксенова и Белоусова (на левом берегу) и Магадаева (на правом берегу ее), р Ушайки-Протопопово; затем подальше от Томска по р. Ине Гутово; по р. Оби-Былина, Молчанова (на Нарымском тракте, почти против устья Чулыма), у устья Кии Серединина; кроме того Кожевникова и др.[3])

Вслед за основанием Томска правительство заботится об увеличении в нем и вокруг него служилых людей и пашенных крестьян. Уже основатели Томска Тырков и Писемский должны были „прибрать“ к новому городу в служилые люди и на пашню 50 человек из зырян, но смогли прибрать только 5 человек. Поэтому в дополнение к ним в 1605 году прибыло в Томск через Сургут из Верхотурья 50 человек, посланных туда согласно царскому указу верхотурским воеводой Пле-

---

[1]) Ал. Лучшевъ Историческія свѣдѣнія о заселеніи и географическій обзоръ Томской губерніи. Томскъ 1886 Стр. 17—22.—Проф. І. Малиновскій. Прошлое Томска. Городъ Томскъ Изданіе Сибирскаго Т-ва Печатнаго Дѣла въ Томскѣ. Томскъ. 1912). Стр. 1—5 Кн. Костровъ. Историко-статистическое описаніе городовъ Томской губерніи. Томскъ. Стр. 22—23, 35—36. [2]) Проф. І. Малиновскій. Прошлое Томска. Стр. 2. [3]) Проф. Д. Н. Бѣляковъ. Первые русскіе крестьяне-насельники Томскаго края. Томскъ. 1898. Стр. 2—3.

щеевым для томской государевой службы и на томскую пашню и набранных из охочих гулящих людей. Известная часть присылаемых крестьян погибала на новых местах: около 1617 года Томские служилые люди жалуются на то, что некому пахать пашни, так как киргизы убили многих крестьян. Поэтому такие присылки повторялись, повидимому, не раз: в 1620 годах пашенные крестьяне упоминаются не только около Томска, но и около недавно построенного Кузнецка. Так как, несмотря на это, в Томском разряде было еще мало пашенных крестьян и пахоты в то время, как около Верхотурья и вообще в местностях Тобольского разряда „крестьянъ уже довольно и хлѣбная пахота учала быть большая и хлѣбъ родился добрый“, то в конце 1631 года было из Москвы приказано верхотурскому воеводе Бояшеву послать в Томск и в остроги Томского разряда 100 пашенных крестьян „добрыхъ, заводныхъ, семьянистыхъ, лучшихъ людей“. Несмотря на страх крестьян перед этой высылкой, удалось послать 80 хозяев с женами и детьми и со всем пашенным заводом [1]. Ко второй половине 17 века хлебопашество сделало в Томске настолько крупные успехи, что Томские служилые люди, получавшие первоначально хлебное жалование в Тобольске, не находили уже расчета везти в Томск полученный хлеб, а продавали его в Тобольске, вследствие чего в 1644 г. хлебное жалование было им заменено денежным [2]. По челобитной, поданной царю около 1617 года, в Томске было служилых людей—234 человека; в 1627 году их было—481 человек; в 1635 году числилось в нем служилых людей 628 чел и прочего населения 207 чел; в 1699 году всего населения было 2000 чел., из коих служилых людей 1143 человека. Большинство Томских служилых людей было занято различными „службами и разсылками“, вследствие чего, напр. в 1635 году из 628 служилых людей в Томске постоянно жило только 150 человек, т. е. только четверть их [3].

На реке Оби, как против Томска, так и против Кузнецка, русские селения и укрепления появились, повидимому, только во второй половине 17 века. Против Томска возникает на Оби в 1692 году Уртамский острог, а в 1696 году Умревинский острог [4]. Подобное же явление имело место на Оби и против Кузнецка. Еще в 1633 году, т. е. через 15 лет после основания Кузнецка, русские, усмиряв татарские племена по рр. Кондоме и Мрасу, пытались покорить и татар, живших по Бие и Кутуни, и построить вблизи слияния этих рек острог, чтобы закрепить за собою этот край и обезопасить его от набегов калмыков. В 1653 году томские казаки под начальством Сабинского дошли до вершины реки Бии, нашли там при озере Алтын-Норе татарский род Телес, по имени которого прозвали и самое озеро Телесским [5]. Поэтому понятно присутствие во второй половине 17 века русских селений уже на правом берегу р. Оби, немного ниже современного Бийска. Это—деревни Фоминская и Соколова, из коих первая, по показанию крестьян, данному в 1789 году, основана около 1660 года, а вторая в 1695 году [6].

Заселение занятой вокруг Томска местности русскими во второй половине 17 века происходило при помощи крестьян переведенцев из других мест Сибири и России, гулящих людей, беглых, среди которых было много раскольников, и наконец ссыльных. Из грамоты 1678 года к Туринскому воеводе видно, что Тобольскому воеводству было приказано перевести в Томский уезд для десятинной пашни всех пришлых людей, водворенных без пожалования на землях монастырских или Софийского дома [7]. В 80-х годах 17 века из России были отправлены на пашни около Уртамского острога дворцовые крестьяне, для которых царевна Софья Алексеевна построила в этом остроге церковь во имя Вознесения Господня, снабдив ее утварью, книгами и колоколами [8]. Гулящие люди в Томском уезде, как и в других местностях, или сразу оседали здесь на пустых местах или предварительно делались половниками или захребетниками у более ранних русских жителей: такие половники значатся у крестьян Томского и Кузнецкого монастырей еще в начале 18 века [9]. Одновременно с гулящими людьми сюда устремились и просто беглые, ушедшие с родины по разным причинам. Хотя трудно проследить в подробностях вольную колонизацию сюда за 17 век в виду скрытности ее и

---

[1]) Там же, 3—5. Акты—историческіе; II, № 52; III, № 172 и 179.—Малиновскій. Прошлое Томска. [2]) Малиновскій. Прошлое Томска, 9.—[3]) Малиновскій. Прошлое Томска, 8.—[4]) Словцовъ, 114. [5]) Кн. Костровъ. Историко статистическое описаніе городовъ Томской губерніи, 52.—Ал. Лучшевъ Историческія свѣдѣнія о заселеніи и географическій обзоръ Томской губерніи—Томскъ 1886. 22 стр., [6]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне-насельники, 16. [7]) Словцовъ Историческое обозрѣніе Сибири, I, 114. [8]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне-насельники, 5. [9]) Тамъ же, 6.

отсутствию документов, но все таки можно установить, что она перемещала сюда людей по преимуществу из северных частей Европейской России: 1) в уцелевших письменных (особенно старинных томских синодиках) и печатных памятниках Томской старины постоянно встречаются крестьяне из Устюга, Сольвычегодска, Яренска, Кайгорода и Вятки, 2) до сих пор крестьяне Томского и Кузнецкого округов усердно празднуют 8-го июля Прокопьев день, т. е. день преп. Прокопия Устюжского, считающегося покровителем всего Вологодского края. Можно указать в 17 веке несколько моментов, когда стремление в Сибирь и Томский край особенно усиливалось. Наиболее, раннее переселение произошло около 1646 года, когда в северных частях Европейской России был большой неурожай и „государю вѣдомо учинилось, что с Руси съ поморскихъ городовъ: съ Устюга Великого, съ Соли Вычегодской, изъ Перми, съ Вятки, съ Кевроли, съ Мезени и изъ иныхъ русскихъ городовъ съ посадовъ и уѣздовъ сошли въ Сибирь посадскіе и многие крестьяне отъ хлѣбнаго недороду и бѣдности—съ женами и дѣтьми съ своихъ тяглыхъ жеребьевъ и начали жить въ Сибирскихъ городахъ и уѣздахъ на церковныхъ земляхъ и за дѣтьми боярскими, за подьячими, и за всякими служилыми людьми на пашняхъ во крестьянехъ и въ половникахъ и у ямщиковъ и пашенныхъ крестьянъ въ захребетникахъ, и денежнаго и хлѣбнаго оброку въ государеву казну не платятъ“. Их было приказано оставить в Сибири переведя в пашенные крестьяне, чтобы „никто въ избылыхъ не былъ“. Второе массовое бегство крестьян в Сибирь из тех же поморских городов произошло в 1670 году, причем было настолько сильно, что „въ уѣздахъ Устюжскомъ и Усольскомъ стала великая пустота“. Беглецы появились в Томском краю и из Западной Сибири, где в начале 1660-х годов башкиры произвели большой разгром русских селений напав между прочим на монастыри Спасский на р. Сылве, Невьянский и Далматов. Пришедшие в сентябре 1663 года с Исети от Далматова монастыря крестьяне Степановы, Петровы и др. положили начало селу Пачинскому главной вотчине Томского Алексеевского монастыря. Через 10 лет прихожие крестьяне Давыдовы с товарищами заселяли Ишитанский участок того же монастыря. В 1682 году монахи этого монастыря успели набрать несколько десятков дворов крестьян и завели деревню Тайменку южнее Томска на р. Тайменке впадающей справа в Томь, и д. Шегарку на р. Шегарке, впадающей слева в р. Обь. К концу 17 века поток беглых был увеличен раскольниками, которые от кровавых преследований власти бросились между прочим в Сибирь из поморских городов мимо Верхотурья, Верхотурского и Тобольского уездов, что вызвало приказание в 1683 году царей Петра и Иоанна Алексеевичей Верхотурскому воеводе М. Толстово поставить, где пристойно заставы, чтобы „отнудь бѣглыхъ крестьянъ въ Сибирь не пропускать“. Что раскольники достигли Томска, видно из того, что в 1690-х годах здесь произошел крупный случай раскольничьего самосожигательства. В число первых насельников Томского края в 17 веке входили и ссыльные. Уже в 1666 году Томский воевода Вельяминов получил из Москвы упрек за то, что удерживал в Томске ссыльных, назначенных указами в другие Сибирские города и уезды. Когда в конце 17 века приступили к закреплению и заселению Оби вверх от занятых ранее мест, то ссыльных стали посылать [illegible] пашни к Уртамскому острогу: в 1692 году здесь было поселено сначала 13, а затем еще 15 ссыльных, в 1694 и 1695 годах сюда были присланы „во крестьяны“ еще три партии колодников, поступивших из различных мест Европейской России. В числе ссыльных на пашню в Томском краю попал казачий атаман Янка Губарь с товарищами и поп Ипат, давший свое имя и потомство основанной им деревне Ипатовой, восточнее Спасского села на правом берегу Томи. В незначительном числе среди ссыльных попадали в Томский край литовцы и поляки: в царской грамоте 1670 года томскому воеводе Вельяминову упоминается между прочим Филипп Болтовский, а в конце 17 века в селе Пачинском надзор за монастырской пашней лежал на поляке Станиславе Осинском. [1])

К 1701 году, судя по „Чертежной книгѣ Сибири“ Ремезова, русские селения были расположены подле Томска следующим образом: по р. Томи от ее устья до Верхотомского острога и Щеглова, т. е. на расстоянии более 200 верст от устья; по левому берегу р. Оби от устья Чулыма до Уртамской слободы; на р. Ипе только

---

[1]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне-насельники, 7—15.

одно Гутовское селение; несколько селений по р. Киргизке, Яе и Кие вдоль дорог в Мелеский острог и в Красноярск. Около Кузнецка русские деревни занимали еще меньшее пространство: по Томи вниз от Кузнецка до р. Уската на расстоянии 35 верст; вверх от Кузнецка до р. Серемзяна на расстоянии 30 верст; на запад от Кузнецка по р. Кондоме на расстоянии 40 верст и по р. Обе (притоку Томи) на расстоянии 30 верст; на восток от Кузнецка вверх по Томи совсем не было русских деревень, так как уже в 5 верстах от города был отъезжий караул. К 1701 году вдоль будущего московского тракта на юг от Томска существовали вверх по Томи село Спасское, д. Емельяновых (Вершинина), д. Лаева (современная Алаева), д. Варюхина, село Залядеево, на р. Чубаре три заимки Томских служилых людей (позднейшая д. Мальцева?), [1]) на р. Лебяжьей по северному берегу д. Монастырская и Чахлова, а на южном берегу против Монастырской-Басалаева (Бусалаева, Татаринова); но далее по р. Лебяжьей и по р. Аяшу не было ни одной русской деревни. Таким образом вдоль будущего московского тракта русские населенные пункты шли к 1701 году только до д. Чахловой, а далее вплоть до Татмыцкой на р. Иртыше не было ни одного русского населенного пункта; по реке же Оби ближайшим населенным пунктом на севере от тракта была д. Кругликова у устья Иньсы, находившаяся под защитою только что (в 1696 году) основанного на правом берегу р. Оби (немного севернее современного Умревинского поселья) и не отмеченного еще в „Чертежной книгѣ Сибири“ Ремезова Умревинского острога.

В начале 18 века для охраны возникавших по р. Оби на юго-запад от Томска и Кузнецка русских селений были построены Чаусский острог (с 1822 год. г. Колывань) и Бийская крепость. Время основания их в точности неизвестно. По Словцову, Чаусский острог превращен из зимовья до 1709 года, а Бийск основан в 1709 году. [2]) По Кострову, первый был основан в 1713 году, а второй не ранее 1709 года. [3]) Под защитой Чаусского острога и Бийской крепости русские селения стали появляться и по р. Оби вокруг этих укрепленных пунктов. Но в Барабинской степи, по которой пролегает центральная часть Тарско-Томского участка московского тракта, русские не могли селиться, так как эти местности были не безопасны от нападения киргиз. Только в 1722 году, уже по возникновении в 1715-1720 годах по р. Иртышу в пределах позднейших Омской и Семипалатинской областей, так называемой Иртышской линии крепостей были построены в Барабе три укрепления под именем часов: Усть-Тартасское при впадении р. Тартаса в Омь, Каинское („Каинский Нос“ — по среднему течению р. Оми и Убинское на юго-запад от Убинского озера (превратившееся по перенесении на р. Каргат, восточнее Убинского озера, в Каргатское). Эти укрепления занимали казаки, которые на первых порах жили тут без семей и должны были меняться, по Гмелину, ежегодно. Именно в Тартасский форпост присылались казаки из Тары, а в Каинский и Убинский (впоследствии Каргатский) из Томска. На их обязанности лежало охранять от нападений калмыков и киргиз не только барабинских татар, но и все русские деревни, расположенные на западной стороне р. Оби, а также, может быть, провозить на первых порах служилых людей, ехавших „чрезъ татару“ из Тобольска и Омска в знявшего в 1716 году на Чаус (позднейшую Колывань) и Томск. [4]). После постройки упомянутых укреплений дорога через Барабу, до того времени опасная и доступная только казачьим отрядам, [5]) становится более проезжею [6]).

Большая безопасность с 1722 года дороги из Тары в Томск облегчает в свою очередь заселение обоих берегов р. Оби вокруг Чаусского острога и вверх от него к Бийску, а также правых притоков этой реки. В 1722, 1724 и в позднейшие годы в деревнях Чаусского острога поселилась большая часть тарских крестьян и разночинцев, самовольно ушедших вместе с семьями из Тары и волостей Тар-

---

[1]) В 1661 году казачий голова Зиновий Литосов получил 200 десятин земли по р. Чубуру в межах сына боярского Ягловского и конного казака Томилки Максимова с товарищи (Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне насельники, 2). [2]) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, 114. [3]) Костровъ. Историко-статистическое описаніе городовъ Томской губерніи. Стр. 2, 52.—См. также „Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне-насельники“, 2. [4]) Е. С. Филимоновъ. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Сѣверо-Западной Барабы, или Спасскаго участка Каинскаго округа Томской губерніи. СПБ. 1892. Стр. 54.— D. Iohann Georg Gmelin. Reise durch Sibirien. Von dem Jahr 1740 bis 1743. Vierter Theil. Göttingen 1752. (Sammlung neuer und merkwürdiger Reisen zu Wasser und zu Lande. Siebender Theil). Стр. 113. [5]) Словцовъ, 31—32, 238, 270. [6]) Словцовъ, 199.

ского ведомства из боязни перед строгостями розыска по делу об отказе тарян присягнуть Екатерине Первой, после коронования ее Петром в 1722 году [1]. Тяготы народной жизни во время преобразовательной деятельности Петра († 1725) заставляли многих крестьян, особенно раскольников из северо-восточных частей Европейской России, с Поволожья и даже из Тобольской губернии бежать в более глухие и спокойные места Сибири. Такими беглецами были основаны и населены в начале 18 века многие деревни по Оби, выше Чаусского острога, составившие приходы Бердский, Чингизский, Малышевский, Белоярский и Легостаевский (последний выше нынешнего Барнаула [2]. Деревни по Оби вверх, начиная с Чаусского острога, основывались и заселялись также беглецами Биронова правления [3]). Большое влияние на заселение местностей по обоим берегам р. Оби оказала находка в 1723 году в горе Синюхе, около Колыванского озера, руд партией предприимчивого владетеля уральских заводов и последовавшее затем основание здесь медиплавильных заводов Колывано-Воскресенского в 1726 году, Барнаульского в 1739 году и Шульбенского в 1744 году. Для добычи руд и работы на заводах Демидов отправлял сюда из Невьянска с приказчиками целые партии рабочих, которые обычно состояли из беглых. Так Демидовские переведенцы сюда 1744 года состояли из российских беглецов, ушедших в промежуток с 1725 по 1735 год из Архангелогородской, Нижегородской и Казанской губерний, из Устюжского и Вятского края и даже Московской губернии. В 1740 и 1742 годах к Колывано-Воскресенским заводам Демидова было приписано 400 дворов сибирских крестьян, а когда эти заводы в 1747 году были взяты в кабинет государя, к ним были приписаны все крестьяне Бердского острога, Малышевской и Белоярской слобод и Бикатунской крепости [4]).

Заселение местности по р. Оби и устройство там Колывано-Воскресенских заводов настоятельно указывало на необходимость лучшего устройства и заселения центральной части Тарско-Томского участка московского тракта, который являлся самым коротким сухопутным путем для сообщения с Уралом и Европейской Россией и чаще прежнего стал служить для передвижения русских в Томский край и Восточную Сибирь.

К лету 1741 года, когда через Томск и Тару возвращался из Восточной Сибири Гмелин, от Тары до Томска уже существовала дорога с верстовыми столбами, по которой ездили не только верхом, но и на повозках. Во многих местах своей восточной части она совпадала с современным московским трактом, но в центральной и западной частях она не совпадала с ним. Постоянным русским населением были в то время заняты только концы этой дороги: от Тары до Бергамацкой слободы (и Муромского) и от Томска до Чаусского острога и Подволошной на р. Оёше. На громадном пространстве от Муромского до Подволошной не было ни одного русского селения с гражданским населением, а существовало только три военных укрепления: Таргасское, Каинское и Убинское.

Маршрут Гмелина был таков. Переправившись через Томь у скал, т. е. на нынешнем верхнем перевозе, Гмелин проехал *Бурлаковы* (Чернореченские?) юрты, д. *Кафтанчикову*, *Калтайские юрты*, *Калтайской станок* (станец), *д. Варюхину* со станком за Малой Черной оставленную деревню *Левшикову* (Кожевникову), *д. Санкину или Панову*, *д. Черную* со станцией, *д. Елизарову или Юрьскую* (правее ее), *Зудову или Пашкову* за Иксой (за год перед тем дорога проходила через Елизарову, а не через Зудову), (Елбацкие вершины), *Жукову или Ояшскую* со станцией. *Умревинский острог* со станцией (на столбовой дороге) и плохой деревней, построенной в 1709 году (но ср. выше), *Ташеринской станок* (станец) с деревней на Оби; переправился у Ташеринского станка на другой берег Оби, где менялись лошади, проехал *Агаланское зимовье*, лес „Орскій боръ“, *Орские юрты*, часть татарского населения которых получала плату от казны, переправился через реку Уек; проехал деревню *Скалинскую*, *Чаусский острог* со слободой в 80 дворов, основанный в 1713 году и отстоящий на 58 верст от Ташеринского станка и на 122 версты от Томска [5]), *Большую Оёмскую* в 80 дворов, переправился

[1]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне насельники, 31—32. [2]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне насельники, 22—25, 29—30. [3]) Там же. 25—29. [4]) Кн. Костровъ. Историко статистическое описаніе городовъ Томской губерніи. Стр. 1.—Бѣликовъ 32. Там же,—34. [5]) В настоящее время считается до Чауса от Ташары 50 верст, а от Томска 213 верст. Очевидно, верстовые показания Гмелина основаны на словах ямщиков, а не на оффициальных данных. Сам он считал в тогдашней русской версте 500 сажен; см. двадцатую страницу в предисловии к первому тому его Reise durch Sibirien.

через реку Оёш, проехал *Малую Оёшскую* миновал вдоль Оёша 5 русских деревень и прибыл в последнюю перед Барабой деревню *Подволошную* на южном берегу реки Оёша с 10 домами крестьян-разночинцев. Дорога уставленная верстовыми столбами и совпадавшая с зимнем путем продолжалась отсюда по южному берегу реки Оёша Чаусский острог, построенный с целью защиты от нападений казачьей (киргизской) орды местностей подле Умреванского острога, был сильно укреплен и настолько успешно исполнял свою задачу, что казаки (киргизы) уже в течение нескольких лет не отваживались нападать на здешние места. Жители Чауса были зажиточные люди: у них было много скота, а кроме того они, со времени учреждения дороги через Барабу, получали большую выгоду от монопольной поставки почтовых лошадей для проезда через Барабу вплоть до Бергаматской слободы на Таре, так как в то время по дороге не было русских деревень, а татары не решались выставлять их. Деревни Б. и М. Оёшские были также укреплены. В поездку через Барабу Гмелин отправился из Чаусского острога с прикрытием в 15 казаков.

Из Подволошной Гмелин поехал не по столбовой зимней дороге, шедшей по южному берегу р. Оёша, а по летней, шедшей по северному берегу этой реки, т. е. правее зимней дороги версты на 4. Он проехал урочище *Крутые лога*; *Писаную Березу*, до которой доезжали еженедельно из Чауса три русских казака, проведывавшие про киргиз, и в которой они оставляли свою записку; севернее *Торбаева зимовья*, которое стояло на южном берегу р. Оёша и на зимней столбовой дороге и за которым соединялись зимняя и летняя дороги; подле *Полубабкина зимовья*, называвшагося ранее *Государевым двором*, в котором останавливался на несколько дней и кормил лошадей присылавшийся из Томска охранный отряд; подле *Черепанова зимовья*, стоявшаго на западном берегу озера Ебалыка в 4 верстах правее озера Ит (Иткульского), на восточном и западном берегах которого было 18 летних юрт татар *Теринской волости*; через речку Чулым; мимо сгоревшего *Тиришкина зимовья* на берегу безымянного озера, вместо которого (зимовья) было выстроено новое левее дороги; левее озера Кан, перед которым зимняя дорога с верстовыми столбами сворачивала вправо; через реку Каргат; левее большого озера Каргат по северному берегу которого проходила зимняя дорога и было расположено 20 летних юрт татар *Теринской волости*; левее Убинского озера, вокруг деревни с церковью и прибыл в *Убинское укрепление* (Pass), которое отстояло от Чаусского острога на 207 верст и подчинялось Каинскому укреплению (Pass). Гарнизон его составляли 50 русских и татар, живших здесь уже 6 лет без жен и детей и пять лет добивавшихся позволения перенести укрепление восточнее, на р. Каргат, где была хорошая вода, больше топлива и больше удобств для жизни. В нескольких верстах от Убинского острога стоял Шувур аул, летнее жилище татар *Барабинской волости*.

Отправившись из Убинского Гмелин проехал мимо Еланского озера, через лес Осиновый колок, через реку Каинку и прибыл в *Каинское укрепление* (Pass). В последнем состояло на службе 200 казаков, из которых 50 человек были отосланы в Убинское укрепление (Pass). Они должны были оберегать от нападений казачьей (киргизской) орды не только всю дорогу, но и все деревни, расположенные на западной стороне р. Оби. По дороге из Каинска Гмелин проехал мимо татарской летней деревни у озера Сары-Балыка, мимо озера Теоиса и других озер и прибыл к реке Оми против *Тартасского укрепления* у устья реки Тартаса. В Тартасском укреплении было 50 казаков с сотником из Тары между тем как казаки Каинского и Убинского укреплений были из Томска. Тогдашняя дорога от Тартасского укрепления до Тары шла значительно восточнее позднейшего тракта в Тару. В семи верстах западнее этого укрепления Гмелин переправился на северный берег р. Оми, проехал между прочим мимо (восточнее озер Узуна (ср. юрты Узунгульские) и Терекле, мимо татарской деревни Темюрчан, озера Тюсьменя, (повидимому, западнее) озер Дсуан (Суган?) Оглу (современного Утлу), у озера Ярлу, на котором лежала деревня Бакмас (совр. Яркульская?) татар *Любейской волости* из 9 юрт, аула Лабатая (совр. юрты Кумлинские) волости Туянус у озера Кунгну (совр. Кумлу); от озера Кумлу он повернул на запад и проехал мимо (севернее) озера Зицканак (совр. Чичканаклу), по южному берегу Угуйского озера мимо Тогушаского аула (современных Б. Угуйских юрт) из 8 юрт на западном конце этого озера, через р. Угуй (Уйгуз), впадающую в Угуйское

озеро, по западному берегу этого озера на безымянную речку (Чаюшку?). От северо-западного берега Угуйского озера обыкновенная дорога до Бергаматской слободы шла влево по большей части прямо на запад, но в виду ее трудности для проезда в повозках Гмелин, по указанию татар направился на северо-восток, прямо к р. Таре, по более сухой дороге, проехал мимо озера Зицкак (современного Чичкан), истока р. Кайлу (ср. озеро, М. Кайлу), южнее Ельменского аула *волости Аяла* (современных Альменевых юрт на р. Таре), севернее *Ерёмева зимовья* (современного Кошпильского?) на тогдашнем обыкновенном тракте, повернул против этого аула на юго-запад и проехал мимо р.р. Тепрена и Ку, левых притоков р. Тары, через вершину р. Ургана (на которой теперь стоит д. Низовская), мимо р. Кайлас (на которой теперь стоит д. Ушакова), Курмен (т. е Курневки, на которой теперь находятся д.д. Самохвалова и Курнева); переехал через р. Алган (повидимому, у ее вершины находится д. Котлова Дурнова), через р. Сарлал и мимо татарской деревни Чортан (современных Черталинских юрт, через речку Иг (по русски, Шайтанку), где выехал на обычный тракт, шедший далее через д. *Муромцеву* на р. Таре и д. *Кокшеневу*, южнее обеих этих деревень через р. Суктес (Сюткес), р. Канглак (по русски Тантара на которой з. Лисина) к *Бергамацкой слободе*. От Бергамацкой слободы до Тартасского форпоста по вымеренной дороге считалось 145 верст. В Бергамацкой слободе в первый раз после переезда через Барабу произошла перемена лошадей. В этой слободе в 1741 году было 52 (62?) дома и среди них 30 домов крестьян, 6 беломестных казаков и 26 разночинцев. По дороге к Таре Гмелин проехал по южному берегу р. Тары мимо озера Алгачака, р. Ина, русских деревень *Ереминой*, *Резиной*, ряда татарских деревень р. Кулука, впадающей в Иртыш, около двух верст вдоль Иртыша, переправился через Иртыш против д. *Щуевой* (*Шуевой*) из 24 дворов, проехал через д. Шуеву, где переменил лошадей, через д. *Секминову*, д. *Черняеву* д. *Бородину*, д. *Кореневу*, д. *Заливину* и прибыл 1-го іюля 1741 года в г. *Тару* через месяц после отъезда из Томска [1]).

После проезда через Барабу в 1741 году Гмелина ко времени проезда через нее в 1773 году Палласа северо-западная и центральная части Тарско-Томского участка московского тракта заметно изменились: северо-западная часть прошла западнее, а центральная в своей западной половине севернее, чем в 1741 году.

Именно северо-западная часть прошла от Тары до Такмыцкой исключительно по левому берегу р. Иртыша, у Такмыцкой перешла через Иртыш и прошла водоразделом к р. Оми, приблизительно у нынешней Усть-Тарки. Переносу сюда Бергаматско-Тартасской части тракта содействовало вероятно, то обстоятельство, что как раз по левому берегу реки Иртыша была проведена повидимому в 1744 и 1745 годах, Андреевым дорога для сообщения Тары с Омском и более южными Иртышскими крепостями и на ней было устроено 5 станций, лошади на которые выставлялись казаками более близких к Омску форпостов Большерецкого, Пустынного и Бетеинского. [2] Таким образом начало северо-западной части от Тары приблизительно до Шуевой образовалось из прежней верстовой дороги, по которой в 1741 году проехал Гмелин, а центр от Шуевой до Такмыцкой из части дороги, проведенной Андреевым; конец же от Такмыцкой до р. Оми был проложен вновь.

В 1750 году на дороге от Тары до Такмыцкой существовали селения *Заливина* (№ 2419), *Евгашина* (№ 2416), *Мешкова* (№ 2417) и *Такмыцкая* (№ 2500), все на левом берегу р. Иртыша [3]) Между 1750 и 1773 годами на водоразделе между Иртышем и Омью возникло *Копьево*, которое Паллас в 1773 году называет новозаведенным селением [4]). Копьево, как и *Резино* (повидимому на юго-востоке от Копьева, а не на р. Таре), было образовано из ссыльных за маловажные преступления [5]).

Дальнейшее заселение центральной части Тарско Томского участка тракта в течение последующих за основанием форпостов в Барабе 40 лет производилось жителями Сибири. Именно в 1746 году было приказано „на проѣзжемъ пути изъ Тары въ Томскъ поставить зимовки, на которыхъ *крестьяне вѣдомства Томскаго и Кузнецкаго* ямскую гоньбу отправляли бы“. Вследствие этого между указанными тремя форпостами появились следующие пять зимовок: *Брызгалово* (рядом с совре-

---

[1]) Gmelin. Reise, 4 том, стр. 72—140 [2]) Словцовъ, II, 35.—Тобольская губернія, 141.—[3]) Тобольская губернія, 115.—[4]) Палласъ. Путешествіе. III, 2, стр. 12. [5]) Тобольская губернія, 97.

менным Вознесенским на р. Оми), *Антошкинское*, *Убинское*, *Черепановское* [1]) и *Овсянниковское* (Овчинниково?), расположенные так, что форпосты между ними находились почти в равном расстоянии. В 1750 году, в виду существования южнее „новой линии“ [2]), указанные три форпоста были обращены в обыкновенные селения, на обязанности которых осталось только производство гоньбы. Следующее заметное увеличение русского населения барабинской части тракта произошло в 1753 г. Для заселения проезжей „чрезъ Татару“ дороги и несения подводной гоньбы Тарская воеводская канцелярия предписала указами 7 марта и 28 июня 1753 года перевести сюда новых переселенцев. Вследствие этого на проезжей дороге была размещена с одной стороны партия „крестьянъ, переведенныхъ *изъ Тарскаго вѣдомства*“, в числе которых было около 20 семейств татар, осевших потом в качестве ямщиков в Усть-Тартасском форпосте, а с другой стороны „*города Томска крестьяне*, которымъ было велѣно жительство имѣть въ Каинскомъ форпостѣ“. В том же 1753 году указами Сибирской губернской канцелярии (от 9 марта и 18 июля) было предписано перевести на Барабу „отъ Томскаго вѣдомства *крестьянъ*, кои именуются приписанными къ Колывано-воскресенскимъ заводамъ“. Благодаря указанным мерам по дороге появились в это время следующие шесть селений: д. *Назарово* (*Усть-Тарка*), д. *Тонтурово* (современное село *Вознесенское*, на месте существовавшего ранее татарского городка Тонтура), д. *Голопупово* (современное село *Спасское*) и *Булатово* на запад от Каинска, *Колмаково* и *Иткульск е* на восток от Каинска. Наконец 21 августа 1755 года было предписано из Петербурга „На Барабинской степи поставить *ямщиковъ* на имѣющіяся тамъ станціи, взявши ихъ изъ *Тобольскаго*, *Самар(о)скаго* и *Демьянскаго* ямовъ“ [3]). Во исполнение этого предписания сюда было переведено 1559 ямщиков, вследствие чего Демьянск и Самарово почти совершенно опустели [4]).

Только что указанные старания заселить барабинскую часть московского тракта жителями Сибири не давали значительных результатов, так как само население Сибири было незначительно. Поэтому 13 декабря 1760 года состоялся указ Сената о приеме на поселение в Сибирь вообще, а в Барабу в частности помещичьих крестьян с зачетом их за рекрутов. С этого времени на Барабу почти ежегодно стали являться партии *крестьян из центральной России*. К 1770 году здесь на тракте появились еще следующие населенные пункты: зимовье *Хохлово*, зимовье *Турумово*, зимовки *Ичинская* (теперь село *Покровское*) на запад от Каинска и д. *Сектинская* на восток а также повидимому, два пункта вне тракта: д. *Булатова* (прежние Булатовские юрты, а теперь с. Каменево на север от тракта) и *Новокаргатская* (на карте и в „Спискѣ“ я ее не нашел). В 1770 году была основана на р. Оми подле тракта (на юг от него и на восток от Вознесенского) д. *Игнатьева* (*Посадская* [5]). Теперь селения стали появляться уже и вне тракта. Прибывшие в 1771 году крестьяне образовали по нижнему течению р. Тартаса следующие пять селений: *Новый Тартас*, *Ключевую*, *Красноярскую*, *Орловку* и *Усть-Изецкую*. В виду Пугачевского бунта ссылка помещечьих крестьян для колонизации Сибири была временно приостановлена [6]).

В 70-х годах 18-го века, когда устройство и заселение Тарско Томского участка московского тракта в главных, по крайней мере, чертах было уже закончено, по нему проехало несколько путешественников, напечатавших описания своих путешествий. Это дает нам возможность ознакомиться с состоянием в то время тракта и его населения на основании путешествий Фалька и Палласа и отзыва князя Щербатова.

[1]) По Гмелину, Черепановское зимовье существовало подле Иткульского озера уже в 1741 году; срт выше, стр. 19. [2]) Т. е Колыванской линии (от Усть-Каменогорска до Бийска) и Кузнецкой линии (о Бийска до Кузнецка) крепостей, редутов и форпостов, которые должны были охранять возникавшие колывано-воскресенские заводы и местности около Бийска и Кузнецка от набегов киргиз, телеутов и чжунгар: Кузнецкая линия начала укрепляться с 1745 г., а уже 14 мая 1747 года правительство разрешило заселять устроенные и устраиваемые по линиям крепости „пришлыми въ Сибирь“; ср Кн. Костровъ, Статистическое описаніе городовъ Томской губерніи, стр 41 и 52, а также Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа (1747-1897 г г.) СПБ., 1897, стр. 9, и Бѣликовъ, Первые русскіе крестьяне-насельники, 44 (даты у Бѣликова, повидимому, не верны). [3]) Е С. Филимоновъ. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Сѣверо-Западной Барабы, или Спасскаго участка Каинскаго округа Томской губерніи. СПБ 1892. стр 54—55 [4]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне—насельники Томскаго края. Томскъ. 1898. Стр. 46—47. [5]) Е С. Филимоновъ Экономический бытъ 55. [6]) Филимоновъ, Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Вып. I. Пермь. 1895. Стр. 11.

По свидетельству Фалька, путешествовавшего в 1772 году, Бараба за 30 лет до его проезда „была отдана барабинцамъ (т. е барабинским татарам) и только по большой дорогѣ жили ямщики. Хижины ихъ назывались зимовьями; потомъ они понемногу превратились въ деревни, удержавъ тѣ же названія". „*Старыя* русскія деревни, построенныя въ Барабѣ до 1764 года, произошли частью отъ переведенныхъ сюда *ямщиковъ*, частью отъ *ссылочныхъ* за преступленія изъ России. *Новые* поселения заселялись преимущественно теми *помещичьими крестьянами*, которые присылались сюда с семействами за „развратное" поведение в зачет рекрут, а также *ссылаемыми* в Сибирь на поселение преступниками. Здѣшние колонисты, по свидѣтельству Фалька, „состоятъ изъ негодныхъ рекрутъ или убѣжавшихъ изъ Россіи крестьянъ, плутовъ, воровъ и другихъ преступниковъ, кромѣ смертоубійцъ. Въ одной деревнѣ всѣ жители прежде были заключены въ Балтійскомъ портѣ и при ономъ производили работы въ гавани. Женщины суть также частію ссылочныя изъ Россіи, частію же добровольно поселившіяся здѣсь съ преступными ихъ мужьями". В 1771 году, по словам Фалька, в существовавших тогда (повидимому, 25) деревнях по всему Барабинскому тракту было 4438 душ, из коих 2455 душ мужеского пола, 1349 женского и 634 детей [1]).

По Тарско-Томскому участку московского тракта в 1773 году возвращался из Восточной Сибири в Европейскую Россию Паллас.

В это время здесь по „обыкновенной" „почтовой" дороге находились, судя по его упоминаниям, следующие селения, начиная от Тары: 1. г. *Тара*, в котором было до 669 домов и 1715 мужчин в числе коих было 282 потомка бухарцев и 1 родственник хана Кучума; в ней был комендант и небольшой горнизон; к ней принадлежали Усть-Ишимский острог в устье р. Ишима, слободы Тюкалинская, Омская, (позже Омск), Черполуцкая, Такмытская, село Логиново и село Знаменское по реке Иртышу, слободы Аёвская в устье реки Аёва вблизи Знаменского, слобода Бергаматская на реке Таре, Усть-Тартасский форпост на реке Тартасе, а также с. Лосинниково, местонахождение которого мне не удалось определить, и вообще 103 русские и 134 татарские деревни, при чем платящих татар с немногими остяками насчитывалось 5248 человек и среди них 2344 барабинских татарина и 574 потомка бухарцев;—2. прекрасное село *Логино* вблизи впадения в Иртыш Тары, на которой были в то время „многія россійскія и татарскія деревни";—3. многолюдная слобода *Такмытская*;—4. большая деревня *Артинская* при реке Артине, впадающей в Иртыш, в 9 верстах от Такмытской;—5. *Копьево* зимовье с *новозаведенным* селением;—6 столица (станция?), заложенная у р. Тарки (*Усть Тарка*);—7. *Хохлово* зимовье при довольно большом озере того же имени (вероятно, *Камышево* при озере Камышеве);—8. *Брызгалово* зимовье подле которого при р. Оми находится селение, именуемое по большой старой земляной крепости *Тайтурою* (село *Вознесенское*); в нем была судебная изба и дом комиссара, который наблюдал за всеми *новозаведенными* между Иртышом и Омью и приписанными к Таре селениями;—9. *Голопупово* зимовье при Тартасе, „гдѣ 20 дворовъ тартаскихъ ямщиковъ близлежащій Усть-Тартаской форпостъ составляютъ" (речь идет о селе *Спасском*);—10. *Турумово* зимовье;—11. ямская деревня при р. Иче, впадающей в р. Омь, в 16 верстах от Турумова зимовья (эта деревня—теперешнее село *Покровское*);—12. *Антошкино* зимовье в 24 верстах от предыдущей ямской (Покровской) деревни;—13. деревня *Каменная* при р. Усаклане приписанная к Барнаульским рудникам (это—нынешнее село *Булатово* при р. Узыкле), в 20 верстах от Антошкина зимовья;—14. *Каинская* слобода (Каинск, ранее форпост) при впадении р. Каинки в Омь, по которой „отсюда. . до Иртыша многія новыя селенія *Россійскими поселенцами* основаны, кои весьма размножаются и приписаны к Таре"; третья часть жителей Каинской слободы при Палласе уже переселилась на новую дорогу, пролагавшуюся через необитаемую степь от Барнаула к Тобольску, и поселилась ближе к Оби между ручьями (речками) Бурлой и Карасуком, а остальные жители продолжали оставаться в Каинске в надежде, что их освободят от заводских работ и определят в помощники, и из-за находящихся вблизи рыбных мест колебались оставить свою слободу;—15. новое селение (*Колмаковское*) „при маломъ озеркѣ, Калмацкое (Колма-

[1]) Кн. Н. Костровъ. Каинская Бараба. Томскъ 1874. Перепечатано съ дозволенія цензуры изъ №№ 25, 27, 32, 34 35, 37, 38, 40, 41, 43, 44 и 45), стр. 30, 34—42 и 56.—Ядринцевъ. Поѣздка по Западной Сибири изъ горный Алтайскій округъ. (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Книжка 2. Омскъ 1880), р.с 20—23, 106.

ковское) имянуемомъ, недалеко отъ большаго озера Убы" с 30 человеками, как каждое новое селение;—16 д. *Каргат* (у Палласа Каргатена, а „сперьва форпостъ былъ“) на ручье Каргате при чем ее жители приписаны к Барнаульским заводам; —17. *Черепаново* зимовье и селение при Иткуле, из 38 дворов; 18. *Сактинская* (Сектинская) деревня при озере Сакти, из 8 дворов вместо первоначального одного постоялого двора в 26 верстах от Черепанова зимовья;—19. *Овчинниково* зимовье; —20. д. *Шелекна*, (повидимому, *Крутые Лога*), в 43 верстах от Овчинникова зимовья, состоявшая во время Палласа уже из 14 дворов, а ранее из одного постоялого двора (зимовья), последняя за новонаселенными дорогами станция, населенная „российскими пришельцами“;—21. д. *Подволошная* (у села Тырышкина) на реке Оёше (у Палласа—Обоше), впадающей в р. Чаус, на которой лежали „многія деревни“;—22. *Чаусский* (Чеуской) острог на левом берегу реки Оби при речке Чаусе, состоявший из 400 слишком дворов; в нем находился офицер, исправлявший должность уездного комиссара и „отъ Барнаульской канцеляріи приставленной“; этот камиссар ведал и судил „записанныхъ въ заводскую работу крестьянъ, живущихъ въ сосѣднихъ странахъ“;—23. д. *Орский бор*;—24. *Дубровина*, отстоявшая более 40 верст от Орского Бора;—25 д. *Ташира*;—26 *Умрева* (Умрёвинское Поселье) на р. Умреве; 27. *Аяш* (у Палласа Агаш, что представляет вероятно, плохое чтение немецкого Ajasch) на реке того же имени;—28. д. *Елбак* на р. Елбаке;—29. д. *Икса* (у Палласа Иска) на реке того же имени, впадающей в Обь, (современная Зудова);—30. деревнишка *Каншура* при источнике на волоке между Обью и Томью (трудно сказать, какую именно деревню надо здесь подразумевать; м. б. это—д. Шелковникова на р. Кандаребе);—31. д. *Черная Речка* при р. Большой Черной, имевшая 18 дворов, в которых жили томские мещане и крестьяне;— 32. д. *Кандинская* при р. Малой Черной (западнее Калтая);—33. д. *Варюхинская* на левом берегу р. Томи, откуда почтовая дорога шла уже правым берегом р. Томи, а не левым, как теперь;—34. *Томск.* [1])

О новых поселениях на Барабе князь Щербатов в своей „Статистикѣ въ разсужденіи Россіи“ (1776—1777 гг.) пишет следующее: на сей (Барабинской) степи учинены великія поселенія изъ отдаленныхъ *вмѣсто рекрутъ* на поселеніе *крестьянъ*, и хлѣбопашество тутъ толь размножилось, что дѣйствительно, при плодоносіи сей земли, народъ какъ онымъ, такъ и великимъ скотоводствомъ сталъ тутъ обогащенъ“.

Из предыдущего изложения истории заселения Тарско-Томского участка московского тракта ясно, что 1) к 1773 году он в большей своей части пролегал через те населенные пункты, через которые он пролегает и в настоящее время (кроме перегона Ояш-Варюхино и, может быть, у Усть-Тарки; 2) до 1760 года первоначальными основателями его русских селений были казаки, крестьяне Тарского, Томского и Кузнецкого ведомств, ямщики Тобольского, Самаровского и Демьяновского ямов и только под конец (со времен Елизаветы, отменившей смертную казнь и отсечение частей тела) ссыльные, которые продолжали поступать и после 1760 года; 3) после 1760 года новые селения образовывались, а старые пополнялись преимущественно помещичьими крестьянами, сосланными на поселение в Сибирь в зачет рекрутов вместе с семьями. Казаки, сибирские крестьяне и ямщики были выходцами или потомками выходцев главным образом северных великорусских окающих губерний. Наоборот помещичьи крестьяне появлялись главным образом из средней и южной Великороссии т. е. из акающих местностей, так как в 1762 году в состав Европейской России не входили еще ни Белоруссия, ни Малороссия, не считая Новороссии с Запорожьем. Ссыльные же происходили, конечно, из разных местностей.

В 70-х годах 18 века, после прекращения притока в Барабу переселенцев из России сюда стали допускаться добровольные переселенцы из Пермского и Томского наместничеств. Так крестьянином Логинова погоста Тарского ведомства Алексеем Сибирцевым была основана д. *Сибирцева* (для меня неясно, где именно: на юг или на север от тракта; но, повидимому, скорее на юг, на р. Оми). С 1771 по 1781 год возникли следующие селения: *Верхне-Омка*, *Красноярская*, *Малинина*,

[1]) Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третья, половина вторая, 1772 и 1773 годовъ. Перевелъ В. Зуевъ. СПБ. 1788, стр. 6—14. Тракт от Ояша до Варюхиной во время Палласа проходил через другие деревни, чем теперь. Несколько деревень нельзя точно приурочить к нынешним названиям вследствие ошибок в названиях у Палласа или у переводчика его, а также вследствие изменения названия деревень.

Кузнецова, *Карачинская* по р. Оми, на юг от тракта; *Горбунова* по р. Оми, на север от тракта восточнее Каинска; *Меншикова* и *Шипицына* на север от тракта и с. Спасского

В конце 1781 года в Спасском участке Барабы, обнимающем Верхнеомскую, Вознесенскую Усть-Тартасскую, Покровскую, Нижне Каинскую волости по тракту и Кыштовскую волость на север от него, было много селений. В это время существовали по тракту *Мураши*. *Кушаги* (Ново-Назарово), *Хохлово* (Камышева), *Назарово* (Усть-Тарка), с. *Вознесенское*, *Новый Тартас*, *Голопупово* (Спасское), *Турумова*, с. *Покровское*, *Антошкина*, *Булатова*, *Мангазерка* и слобода *Каинская*. На юг от тракта по р. Оми существовали Верхне-Омка Красноярская, Малинина, Кузнецова, Посадская (Игнатьева) Старый Тартас и Карачинская. На север от тракта существовали Ключевая, Орлова, Усть-Изецкая Меньщикова, Ново-Урезская, Сибирцева (повидимому, другая, осн. в 1781 г.), Шипицына (осн в 1778 и Горбунов...[1]) На основании слов кн. Кострова, можно заключить, что к 1781 году на р. Оми, южнее тракта, были также Козловское (у Турумовского) и Сергино, (южнее Андрюшкина): по тракту восточнее Каинска были *Осиновые Колки*, *Чулымское* и *Крутологовское*; затем *Ново-Тутальское* (повидимому Тутальское на р. Томи, при начале Кузнецкого тракте) и Ново-Разино (повидимому Ново-Разино на восточном берегу озера Чанов). [2]) Важнейшим поселением в Спасском участке Барабы было село Вознесенское из 19 дворов в котором находились церковь, комиссар, землемер, командир и хорошая „судебная изба“.

До 1784 года русское население Барабы входило в состав Тарского округа и было причислено к форпостам. Только в 1784 году оно было распределено по волостям, коих в Спасском комиссариатстве было образовано пять трактовых с 1 000 мужских душ в каждой. Около того же времени Каинская слобода была преобразована в окружной город к которому были причислены все вновь образовавшиеся в Барабе русские волости.

В 80-х годах 18 века возобновилась посылка сюда крестьян из внутренних губерний. В это десятилетие их особенно много поселилось (до 70 дворов) в селе Вознесенском. В то же время в Сибирь стали ссылать на поселение раскольников; поселившиеся по Барабе раскольники положили начало своими заимками нескольким селениям [3]) В 1782 году население *Итатульского* прихода (на восток от Каинска) состояло сплошь из ссыльных. Их насчитывалось здесь вместе с малолетними 1560 душ мужского пола и 1104 души женского[4]) В конце 80-х годов „въ виду тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ“ колонизация Сибири была приостановлена вплоть до 1795 года, когда она была вновь разрешена.

С 90-х годов 18-го века стали заселяться уже удаленные от тракта местности Барабинской степи. В 90 х годах 18 века возникли Воробьева и Ложникова на север от тракта (севернее Меньшикова), Узунгуль и Кабаклинская на юг от тракта (южнее Вознесенского), а также Назарово-Синявина, местоположение которой я не мог определить.

В перв е десятилетие 19-го века возникли на север от тракта Неупокоева, Угуйская Чичканка, Жителева, Ново-Назарово (северо-западнее Меншикова), Тюсьмень (южнее Меньшикова), Бурсянина, Кузьмина Минина Тычкина, Ургульская, Верхне-Красноярская по р. Тартасу, Рямовая (севернее Покровского), Таганова, Яркова и Верхне-Ичинская по р Иче; на юг от тракта Казачий мыс на Оми, Попова заимка южнее С. Тартаса и Устьянцева южнее Каинска на дороге к Чанам; а также Куликова, местонахождение которой я не мог определить с точностью. В то время в Спасском участке было 75 селений, в которых насчитывалось по данным подворной переписи 1805—1810 годов 2376 дворов с 11.213 душами обоего пола[4]).

В первые годы 19 века на Тарско-Томском участке тракта должна была осесть известная часть тех переселенцев, которые были направлены за Байкал, дошли до Тобольской губернии и были остановлены в пути при известии о дороговизне хлеба в Иркутской губернии и неприготовленности поселений за Байкалом и которых 8 февраля было приказано, согласно предложению Селифонтова, рассе-

---

[1]) Филимоновъ. Экономическій бытъ, 55—56. [2]) Кн. Н. Костровъ, Каинская Бараба. Томскъ. 1874. тр. 35. [3]) Филимоновъ. 56. [4]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне—насельники Томскаго края. Томскъ 898. Стр. 51. [4]) Филимоновъ, 56.

лить в Тобольской и Томской губерниях по московскому тракту [1]). В состав этих переселенцев входили отставные солдаты с наименованием государственными поселянами, преступники в маловажных преступлениях с наименованием ссылочными и помещичьи крестьяне с зачетом рекрутов [2]) На этом участке тракта могла осесть часть из тех 7 000 ссыльных, водворение которых с обезпечением в хозяйственном отношении было предпринято в 1804 году и для которых по сообщению Лабы. было приготовлено в Томской губ некоторое число срубов, леса и готовых домов [3]).

Из последующей истории заселения московского тракта в Барабинской степи нам известно, что в течение 12 лет, с 1852 года по 1863 год, в волости Верхне-Омскую (волостное правле ие в с. Камышеве на тракте), Усть-Тартасскую (в с. Спасском на тракте), Нижне-Каинскую (в с. Булатове на тракте) Верхне-Каинскую (в с. Осиновском на р Оми на запад от г. Каинска) и Убинскую (на восток от Каинска) переселилось 6 031 человек, т. е. третья часть всех переселенцев в Томской губернии за это время (18.340) Так как почти все переселенцы за это время (кр ме 15 человек из Вятской и Пермской губерний) происходили из губерний Тамбовской (5609 чел.), Воронежской (4924 чел), Пензенской (2829 чел.); Калужской (1608 чел.) Орловской (1097), Курской (1085), Смоленской (966) и Рязанской (334) [4]), то и эта новая волна переселенцев за упомянутое 12-летие имела в общем то же происхождение. что и волна 1762—1765 годов. Из этих 6 031 человека поселилось в Верхне Омской волости—830. Усть-Тартасской—1699, Нижне-Каинской—3017, Верхне-Каинской—225 и Убинской—270 человек.

Перед этой волной в Усть-Тартасскую волость попали крестьяне приблизительно из тех же местностей Европейской России. Об этом можно заключить из заметки, имеющейся в статье: „Пути сообщенія в Западной Сибири" [5]). о том, что (почти наполовину) Кыштовская (на р. Таре) и Усть Тартасская (в с Спасском на тракте) волости Каинского уезда и Елгайская волость Томского уезда (на р Шагарке) севернее тракта были заселены переселенцами из государственных крестьян губерний Воронежской. Пензенской Калужской, Курской и Тамбовской и других, переведенными в конце сороковых и начале пятидесятых годов, по распоряжению министерства государственных имуществ

Барабинская часть московского тракта продолжала заселяться и в последующее время. Пока у нас имеются данные 1890 года по заселению Спасского участка Барабы. В 1890 году в этом участке старожилов насчитывалось 2.609 дворов или 73,6% всех зарегистрированных домохозяев; переселенцев-староселов, проживших в Барабе от 11 до 30 лет —248 дворов, или 6 9%; переселенцев-новоселов, проживших в Барабе не более 10 лет,—236 дворов, или 6,6%; польских переселеленцев, водворенных сюда из Белорусии и Польши после восстания 1863 года, —134 двора, или 3.8%; ссыльных за преступления и проступки—191 двор , или или 5 4%; детей ссыльных—128 дворов или 3 6% Обращает на себя внимание тот факт, что переселенцы—староселы и новоселы по своему происхождению распределяются почти поровну между окающими и акающими губерниями. Именно староселов из окающих губерний 96 семей (из Вятской—49, Пермской—8, Архангельской—3, Вологодской—32, Костромской—3. Киевской—1). из акающих губерний 95 семей (из Тамбовской—84 Орловской—8, Курской—1. Рязанской—1, Воронежской—1), из Белорусии—14 семей. из местностей с неизвестным произношением 43 семьи (из губерний Оренбургской—2, Симбирской—1, Тобольской—32, Томской—6, Енисейской—1 и Иркутской—1). Новоселов из окающих губерний—112 семей (из Вятской—68, Пермской—24, Вологодской—18, Архангельской—1 и Костромской—1), из акающих губерний—56 семей (из Курской—48, Пензенской—3, Самарской—1. Калужской—2, Орловской—1 и Черниговской—1), из местностей Западной Сибири с неизвестным произношением—63 семьи (из губерний Тобольской—38 и Томской—25), из Западного края—5 семей (из Варшавской губ.—2, Ковенской—3).

Для истории распределения здесь великорусских говоров имеет значение тот факт, что староселы и новоселы селятся обыкновенно в тех частях Барабы, которые наиболее соответствуют оставленной ими родине. Так из 95 семей переселенцев—староселов из северной полосы России 81 поселилась в лесной области Ба-

---

[1]) Андріевичъ, I, 62—63, II, 66 [2]) Андріевичъ, I, 49 [3]) Андріевичъ, I, 69; II, 58. [4]) Ядринцевъ. Поѣздка. Стр. 1 25—127. [5]), Сибирскій Вѣстникъ. 1885 г, № 324, стр. 4.

рабы, т. е. севернее тракта, а из 99 семей южной степной области 97 поселилось в степном пространстве Барабы; из 112 семей новоселов из северной лесной полосы России 107 семей поселилось в Барабинском урмане, а из 56 семей новоселов из степной полосы России 47 семей поселились в Барабинской степи, т. е. ближе к тракту [1].

Для объяснения постепенности и скорости образования из различных говоров однообразных, так называемых, переходных говоров имеет значение тот факт, что различные группы населения распределены по областям Спасского участка Барабы, согласно с историей его колонизации, далеко неодинаково: средняя область степного пространства, по которой проходит московский тракт, состоит почти из одних крестьян—старожилов, в северной и южной частях степного пространства старожилы составляют более 70%, а в полесье только почти половину (54,7%) [2].

Следует отметить, что крестьяне ямщики в Покровской волости страдали недочетом женского населения и что польские переселенцы женились большею частью на сибирячках [3].

Имеющиеся в печати данные позволяют судить также о продолжавшемся во второй половине 19 века заселении восточной части Тарско-Томского участка московского тракта от р. Оби до Томска, и прилегающих к ней с юга и севера местностей, а именно волостей Чаусской, Ояшинской, Тутальской и Спасской, расположенных по тракту, Кривощековской и Кайлинской, расположенных на юг от тракта, и наконец расположенных на север от тракта Уртамской, Богородской и Николаевской (по Оби) и Елгайской (по р. Шегарке).

По данным исследования 1894 и 1896 годов в волостях Чаусской, Ояшинской, Тутальской, Кривощековской и Кайлинской, вошедших в исследование целиком, а также Уртамской, вошедшей в исследование восемью селениями (с. Вороновым, д.д. Екимовкой, Еловкой, Крестной, Чилиной, Батуриной, Луговой и Кругликовой), и Спасской, вошедшей в исследование тремя селениями (с. Спасским, дд. Ипатовой и Батуриной), почти все наличное русское население состояло из старожилов и переселенцев, так как разночинцы представляли ничтожный процент, а ссыльные еще более ничтожный процент. Большинство населенных пунктов находилось по трактам, существующим или закрытым, и по рекам Оби и Томи. Со времени 9 ревизии 1851 года население к переписи 1894 года сильно увеличилось. В 1851 году было в волостях Чаусской—5646 чел., Ояшинской—5063, Тутальской—5460, Кривощековской—9547 и Кайлинской—6540, а в 1894 году в волостях Чаусской—8882, Ояшинской—9717, Тутальской—9155, Кривощековской—18746 и Кайлинской—11679 человек, т. е. иными словами за 43 года население увеличилось в круглых цифрах в волостях Чаусской на 57%, Ояшинской—на 92%, Тутальской почти на 68%, Кривощековской на 96% и Кайлинской почти на 87%. По данным 1894 года всех переселенцев здесь было 13.213 душ обоего пола. Из 2367 зарегистрированных при переписи переселенческих семей 1347 семей 56,9%) поселилось на новом месте до 1888 года, 245 семей (10,3%) в трехлетие с 1888 по 1890 г., 526 семей (22,2%) в трехлетие с 1891 по 1893 г. и 79 семей в первые месяцы 1894 года, при чем о времени поселения остальных 170 семей сведений не имеется. Четыре пятых всех переселенцев вышло из приуральских и центрально земледельческих губерний, при чем первое по численности место занимают приуральские (43,2%), а второе центрально-земледельческие (37%) губернии между тем, как для всего бывшего Алтайского округа существует как раз обратное отношение, так как в нем первое место по числу переселенцев занимают центрально земледельческие губернии [4].

Руководясь местами выхода, мы можем сказать, что большая половина всех этих переселенцев с окающим произношением, а меньшая половина с акающим произношением. С несомненным окающим произношением 1180 семей: 516 семей Вятской, 453 Пермской, 169 Тобольской, 25 Нижегородской, 6 Владимирской, 5 Костромской, 8 Вологодской, 5 Архангельской, 2 Олонецкой и 1 Ярославской губернии. С несомненным акающим произношением 869 семей, из коих 862 из великорусских губерний (441 Тамбовской, 102 Рязанской, 90 Курской, 61 Пензенской, 57 Калужской, 56 Орловской, 49 Воронежской, 4 Тульской, 1 Московской и 1 Псковской) и 7 из белорусских (4 Смоленской, 2 Витебской, 1 Могилевской)

---

1) Филиповъ. Экономическій бытъ. Стр. 61—62. 2) Там-же, стр. 64. 3) Там-же, стр. 68, 66. 4) Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго и инородческаго хозяйства въ Томскомъ округѣ. Томъ II. Вып. 1. Барнаулъ. 1898. Стр. 7, 14, 39, 18, 67—68.

На переселенцах из остальных губерний я не останавливаюсь, так как их сравнительно небольшое число.

Только немногие из прежних селений оказались без новых переселенцев: их насчитывается в исследованной местности только 54, т. е 22,3%, с населением в 8.745 человек (14.8%). В остальных 177 селениях исследованных волостей переселенцы живут совместно со старожилами. Кроме того одни переселенцы заселяют 12 новых селений, из коих они основали в Чаусской волости—два (Сидоровский и Михайловка), в Тутальской пять (Северный, Дубровский, В. Паченский, Яшка и Еловка), в Кайлинской—одно (Владимировка), и заняли четыре старожильческих селения оставленных первоначальными жителями: в Оящинской волости три Камень, Лукину и Турнаеву) и в Кривощековской волости—одно (Гусиный брод) [1])

Следует отметить, что до последнего времени во все селения Спасской и Уртамской волостей производилась ссылка уголовных преступников, которые водворялись там с правом на землю и таким образом входили в состав постоянного населения [2]).

По данным исследования 1890 года заселение местностей по Оби и по Шегарке, закрепленных русскими за собой с конца 17-го века, продолжалось и в 19 веке при чем участие в этом заселении принимали как ссыльные и ссыльно-поселенцы, так и свободные переселенцы.

Наплыв ссыльных в Уртамскую, Богородскую и Николаевскую волости по Оби и в Елгайскую волость на Шегарке стал особенно увеличиваться с 1808 года, когда алтайский горный округ был изъят из приселения в него ссыльных в ограждение нравственности населения округа. С 1846 года, кроме ссылаемых по распоряжению правительства и по приговорам мирских обществ, сюда начинают ссылать на житье по уголовному суду. Наконец, в 1863—1864 годах, после прекращения беспорядков в Польше, здесь появились сосланные административным путем поляки. Поэтому до 1860-х годов крестьяне из ссыльных, ссыльно-поселенцы и поселенческие дети составляли здесь почти господствующий класс населения.

Насколько велико было значение невольной колонизации для этих волостей, видно из того, что к 1871 году в Уртамской волости на 2382 податных души насчитывалось на лицо 592 души ссыльных всех категорий (без поселенческих детей), т. е. 1/4 всего населения волости; в Богородской волости по X ревизии 1858 года было на 4634 души обоего пола крестьян-старожилов 2623 души ссыльных всех категорий вместе с их семействами, т. е. 36% всего населения, а к 1890 году оказалось 927 душ состоящих на личной ответственности, что составляло 25% всего числа ревизских душ этой волости. При рассмотрении данных подворных списков 1890 года о распределении ссыльных всех категорий и их детей, не записанных в X-ой ревизии, оказывается, что ссыльные всех категорий вместе со своим потомством по отношению к крестьянам-старожилам и переселенцам составляли в Уртамской волости 41 4% (1 644 и 3 965) в Богородской—35 7% (2437 и 6811), в Николаевской—18,3% (710 и 3 874) и в Елгайской 15 8% (840 и 5.298) Тот же порядок между этими волостями в отношении насыщения ссыльными соблюдается и при рассмотрении распределения числа дворов: число дворов ссыльных и их потомства к числу всех дворов составляет в Уртамской волости—31,4% (416 и 1 321), в Богородской—28 4% (534 и 1880), в Николаевской—18,6% (205 и 1 098) и в Елгайской—15,5% (183 и 1.176) В отдельных селениях этих волостей процент наличного числа дворов ссыльных и поселенческих детей по большей части еще выше. Так по Уртамской волости в селе Уртамском он равняется 48,7, Могильнике—56 2. Луговой—52.3, Кругликовой—40, Ересной—34,3 и Еловке—22 8; по Богородской волости в Мельниковой—72, с. Кереевском—68 5. с. Богородском—50 9, Федораевской Заимке—50 и в с. Каргалинском 37,3; по Николаевской волости подневольная колонизация коснулась главным образом внутренней ее части, т. е. поселков по Шегарке, где этот процент колеблется между 25 и 50; по Елгайской волости наибольший процент подневольной колонизации дает южная часть волости при р. Баксе: он равняется в Пихтовке—44,5, с. Елгайском—34 4, Апталинском выселке—42,8 Староювалинской—37.5, Серединой Заимке—35.8 и Воробьевой—22 8 [3])

[1]) Там же, 62 и 19. [2]) Там же. 19. [3]) С. П. Каффка. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ юго-западной части Томскаго округа Томской губерніи. (Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпускъ XV). СПБ. 1892. Стр. 17—18, 23, 19, 21.

Наплыв свободных переселенцев в исследуемую местность начался с 1851—52 годов, причем участие в колонизационном движении приняли государственные и помещичьи крестьяне Рязанской, Тамбовской, Калужской, Смоленской, Пензенской, Пермской и других губерний. Они были поселены почти исключительно в тогдашней Богородской волости, южная часть которой в составе восьми сельских обществ была обособлена в Елгайскую волость только в 1871 году.

В Богородской волости, состоящей из 33 селений, свободные переселенцы образовали 10 самостоятельных поселков: М. Бобарыкинскую село Бобарыкинское, Позднякову, Муллаву, село Баткат и другие. Из них село Баткат образовано в 1860—61 годах переселенцами из Моршанского и Лебедянского уездов Тамбовской губернии; Муллава основана в 1853—4 годах 260 переселенцами из Медынского уезда Калужской губернии из которых 100 человек постепенно выселились в Бийский и Барнаульский уезды тогдашней Томской, а современной Алтайской губернии. В д. Миркеловой на Шегарке жило до 1851 года 5—7 дворов ссыльно-поселенцев, в 1851 году к ним приселилось 10 дворов переселенцев Судженского уезда Курской губернии.

В Елгайской волости с 1850 по 1885 год поселилось 418 дворов из Европейской России, которые образовали 11 новых селений, составляющих в настоящее время 55% всех селений волости, и приселились к пяти старожильческим селениям. К образованным вновь селениям между прочим принадлежат Песочнодубровская, Песочногорельская, Новоювалинская и Поперечная по р. Баксе, а также Новотроицкая и Новосергиевская по р. Оби. Из них Песочнодубровская была заселена в 1851—52 годах переселенцами из Пензенской и Калужской губерний, часть которых выселилась затем в Семилужскую волость, где основала д. Новопесчанку. Д. Поперечную основали в 1863 году 50 дворов переселенцев из Данковского уезда Рязанской губернии, но из них к 1872 году выселилось в Бийский округ до 35 семей а в 1886 году ушло еще 10 семей, которые перечислились в мещане и арендуют землю под г. Колыванью.

В Николаевской волости только в 1883 году был образован Ново-Александровский заселок 143 крестьянами Муромского уезда Владимирской губернии, которые в 1890 году собирались уже выселиться в Бийский уезд. В Уртамской волости, переполненной ссыльными, совсем не было вольных переселенцев [1].

Под влиянием заселения тракта и вообще Сибири постепенно, хотя и с колебаниями, продолжало увеличиваться население г. Томска Если в 1699 году в нем было 2.000 чел., то во второй половине 18 века, по сообщению Фалька, его население превышало 8 000 человек. По оффициальным данным в Томске было в 1804 году—4 788 человек, в 1806 меньше 7 тысяч, в 1817—10.473, в 1823—10 197, в 1835—10.364, в 1851—13 511, в 1871—25.605, в 1897—52210, а в 1909—104.204 человека [2].

§ 5. *Устройство и заселение части тракта от Готопутовского до Вознесенской через Тюкалу в обход Тары.*

Сообщение Тобольска с Томском через Тару оставалось единственным не долго после учреждения в 1744 и 1745 годах станций от Тобольска до Тары и от Тары до Омска, именно только до 1763 года. Устанавливавшийся между Тобольском и Томском тракт оказывался длинным и тяжелым, уклоняясь от прямого направления на восток к Таре и пролегая по болотистому Аёвскому волоку. Поэтому начальствовавший на линии (Пресногорьковской) бригадир Фрауендорф в 1762 году предложил провести новую дорогу через слободу Абацкую, дер. Крутую и Тюкалу до станции Тонтурской, т. е. до современной Вознесенской на р. Оми. Так как в то время Тобольск сохранял еще свое значение, то можно думать, что новая дорога должна была начинаться у Готопутовского на Тобольско Тарском участке тракта. Благодаря предложенной дороге сообщение также Омска с Тобольском сокращалось на 150 верст. Поэтому губернатор Соймонов разрешил Фрауендорфу устроить предложенную им дорогу и заселить ее станции людьми из числа тех 2 000 семей сибиряков, которые поступали в Устькаменогорское ведомство, и снабдить их семенами

---

[1]) Там же, 14, 17 [2]) Малиновский. Прошлое Томска, 8

для посева, лошадьми, скотом и прочим. Распоряжение Соймонова было утверждено Сенатом в 1763 году Новый тракт оказался короче, суше и веселее, но на нем во время водополья, вследствие разлива р. Ишима на 5 верст бывали перерывы в сообщении. Поэтому не был окончательно заброшен и прежний тракт через Тару [1].

О заселении этого нового и сравнительно молодого (с 1763 года) участка тракта через Абацкую Крутую, Тюкалу до Тонтурской (Вознесенской) станции на Оми у нас имеются следующие сведения

Тюкалинская слобода была основана в 1763 году выходцами из Европейской России и частью ссыльными; в 1822 году она была обращена в город Тюкалинск [2]. По словам Словцова „Тюкала *съ окрестными деревнями* населена около 1763 года Русскими, подъ именемъ которыхъ надобно считать поселенцевъ первой статьи" [3]. К первой же статье он относит государственных дворцовых архирейских, монастырских и помещичьих крестьян, которые с 1760 года назначались вместе с женами и детьми для новых поселений в Сибири с зачетом рекрутов [4]. *Баженова* и село *Саргатка Посельская* были образованы из ссыльных за маловажные преступления [5]. *Серебрянское* на правом берегу р. Иртыша существовало уже по крайней мере в 1734 году, когда от Тары к Омской крепости проезжал Гмелин: хотя он не упоминает этого селения, в первом томе при описании своей поездки (стр. 180—182), но это селение значится под именем Серебренского острога на карте, приложенной ко второму тому его Путешествия через Сибирь (Reise durch Sibirien). Село *Еланское*, находящееся на восточном конце тракта через Тюкалу и состоявшее из 1255 душ по X ревизии 38 ссыльных мужчин и 8 ссыльных женщин основано в 1690 и 1700 годах высланными сюда вместо рекрутчины для заселения пустых пространств крепостными (дворцовыми?) крестьянами разных губерний Европейской России и между прочим Тульской губернии [6]. Стоящая западнее Еланского и имевшая по X ревизии 553 души и причисленных к ним 110 ссыльных д. *Епанчина* основана около 1775 года крестьянином д. Хомутинки находящейся южнее на р. Оми, С. Ф. Малыгиным, к которому стали приселяться крестьяне из соседних деревень и волостей и между прочими крестьяне Епанчинцевы из Крупянской волости, от которых эта деревня получила свое название [7].

Для меня остается пока неизвестным время возникновения западной части этого участка тракта от Готопутовского до Абацкой а также расположенных на ней селений. Более вероятным мне представляется, что она возникла в 1763 году, так как проезжавший в 1741 году из Тары в Ишим и Ялуторовск Гмелин поехал из Викуловой на юг вверх по р Ишиму, вдоль которого он проехал в Абацкую через д Чуртанскую д. Яузацкую на р Яузаце на которой были и другие деревни, д. Ощепкову или Поганую в которую недавно переселилась, вследствие набегов киргиз, часть жителей из деревень, расположенных по р. Иру и обезлюдевших от этих набегов, за исключением Ировского станца или паса с гарнизоном в 50 человек затем через многие деревни и д. Бобыльскую или Койнову, при чем в Чуртанской и Яузацкой деревнях он менял лошадей [8])

§ 6. *Устройство в 1825 году в Западной Сибири выпрямленного московского тракта с заходом в Омск и обходом Тобольска и заселение его*

В 1825 году, после того как Омск приобрел с 1824 года значение главного города Западной Сибири *московский тракт в Западной Сибири значительно сократился* совершенно оставив в стороне Тобольск и Тару и выгнувшись несколько к югу на восток от Тюкалы для захода в Омск С этого времени он стал проходить от Тюмени через города Ялуторовск. Ишим прежнюю Коркину слободу), Тюкалу, Омск, затем вверх по реке Оми до села Еланского, где он сходился с

[1]) П. А. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири СПБ. 1886. Кн 2. Стр 7. 35—36. 39 Тобольская губернія Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1868 1869 годовъ СПБ 1871 Стр. 141 [2]) Тобольская губернія, 86 [3]) Словцовъ, 2 часть, 40. [4]) Словцовъ, 39. [5]) Тобольская губернія, 97 Едва ли нужно видѣть это Баженово на реке Уе, впадающей справа въ Иртышъ ниже реки Тары, № 2226 какъ думаетъ авторъ „Тобольской губерніи". [6]) Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи за 15 лѣтъ (съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г.) Печатается по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Томъ I Историко-статистическое описаніе 100 поселковъ Москва. 1895. Стр. 532. [7]) Матеріалы и т. д., стр, 537. [8]) Gmelin Reise 4, стр 184—186 Кроме указанной дороги Гмелин упоминает прямую дорогу от Ачимовой в Абацкую, которой он однако не воспользовался вследствие того, что она была неудобна для проезда повозок (стр. 183).

прежней веткой тракта от Тюкалы до Еланского[1]). Западная часть этого нового выпрямленного московского тракта на пространстве от Тюмени до Абатской слободы была за немногими исключениями, старой, а центральная часть от Абатской слободы до Омска и восточная от Омска до Еланского были моложе и устраивались позже западной.

Западная часть выпрямленного московского тракта была в употреблении на всем протяжении за исключением, может быть пространства от Тюмени до Ялуторовска уже в 1741 году, когда по ней возвращался из Восточной Сибири Гмелин. На ней в этом году уже стояли в некоторых местах (от Ялуторовска почти до восточного источника р. Ука) верстовые столбы, хотя указанные на них числа верст были по словам Гмелина не точны и были основаны на предположениях и показаниях ямщиков и жителей деревень, а не на измерении дороги[2]) В некоторых местах дорога успела уже изменить свое направление. Так от Абатской слободы до Коркиной слободы (т. е. до г. Ишима) к 1741 году прежняя тяжелая дорога вверх по Ишиму была заброшена, а действовала новая, которая проходила на 5, 6 и даже 8 верст севернее р. Ишима[3]), и которая повидимому, сохранилась в качестве тракта до настоящего времени. На ней уже практиковалась перемена лошадей; напр. Гмелин переменил лошадей в Боровом селе, Коркиной слободе, Малышкине селе, Устьламинской слободе Ялуторовске и Исетском остроге, но не ясно, существовали ли уже в то время почтовые станции на всем протяжении[4]): в Исетском остроге почтовая станция, повидимому, была[5]).

Во время своего пути от Абатской Гмелин проехал через укрепленное *Боровое* село с 60 дворами крестьян, д. *Заварихину*, мимо многих деревень переехал подле д. *Стрихниной* через р. Карасук по мосту, мимо д. *Зырянской* на Карасуке и прибыл в *Коркину слободу* (нынешний город Ишим[6]). Из Коркиной слободы Гмелин через д. *Епанчинскую*, мимо трех других деревень на р. Карасуке и между прочим д. *Огашининой*, через д. *Черемшанку*, *Ишимскую избушку* с колодцем, устроенным для удобства проезжих за 6 лет перед тем, и *Вагайскую избушку*, обитаемые только зимой. *Малышкино село* на северном берегу Вагая[7]), д. *Боровлянку*, оставляя многие деревни на Вагае влеве, прибыл в *Усть-Ламинскую слободу*, отстоявшую от Малышкина села по обыкновенному тракту (через вагайские деревни) в 40 верстах, а по дороге через Боровлянку в 35 верстах. От Усть Ламинской слободы Гмелин ехал сначала по северному берегу р. Вагая через д. *Подволошную* и д. *Омутную*, переехал на южный берег р. Вагая, проехал подле двух озер, за которыми столбовая дорога шла южнее по степи к южному источнику р. Ука и выходила к д. Уковской, затем правее столбовой дороги, через укрепленную *Верхне-Уковскую заимку Рафаилова монастыря* основанную за 15 лет перед тем, вдоль северного берега р. Ука, д. *Маркову*, укрепленную д. *Логинову* (Падун?), вдоль р. Ука, через мельницу, д. *Уковскую* на южном берегу реки Ука вдоль правого берега р. Тобола, через д. (Пономареву?), переправился через р. Тобол и прибыл в *Ялуторовский острог*, который отстоял от Усть Ламинской слободы на расстоянии, по мнению одних, 120 верст, по мнению других—114 в., а по присланному в Ялуторовскую канцелярию из Тобольской правительственной канцелярии списку только 95½ верст[8]). Из Ялуторовска Гмелин проехал через д. *Сунгульскую* (Сингуль), *Бешкильскую слободу* на Нижнем Бешкиле д. *Скородумскую*, свернул в *Архангельскую* монастырскую заимку, затем проехал через д. *Сплываеву*, *Бешкильское село* у верхнего Бешкиля и прибыл в *Исетский острог*. От Исетского острога он повернул к Тюмени на север и на почтовых лошадях исетских крестьян через д. *Комушенку* на Среднем Бешкиле и д. *Червишеву* на р. Пышме прибыл в г. *Тюмень*[9]). Таким образом из Ялуторовска в Тюмень Гмелин проехал не по современному прямому тракту, а западнее его, через Исетский острог.

Ко времени открытия в Западной Сибири в 1825 году выпрямленного московского тракта на западной его части от Тюмени до Абацкой было много и притом сравнительно старых селений. К этому времени на нем были, начиная от Тюмени,

---

1) Тобольская губернія, 142, 86.—Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи, стр. 532. 2) Gmelin Reise, 4, стр. 196, 200–201. 3) Gmelin Reise, 4 стр. 187. 4) Тамъ же, стр 194—196. 5) Объ этомъ можно заключить изъ словъ Гмелина, что Исетскіе крестьяне обязаны были возить на почтовыхъ лошадяхъ изъ Исетского острога до самой Тюмени (4, стр. 219). 6) Тамъ же, 188–189. 7) Отсюда видно, что от Черемшанки до Малышкиной на Вагае, а затем от Малышкиной до Усть-Ламинской слободы дорога, по которой ехал Гмелин, проходила севернее современного тракта из Ишима в Ялуторовск. 8) Gmelin, Reise, 4 стр 191—200. 9) Gmelin, Reise, 4, стр. 212—220.

следующие селения: 1. д. *Ромчкова*, в которой в 1749 году было 15 дворов с 21 человеком (от 16 до 50 лет) а в 1868 году 107 дворов с 419 человеками обоего пола [1]; 2 *Ялуторовский острог* (или по народному Бачамская слобода), который был основан в 1639 (или, по Гмелину, в 1659) году, заключал в себе в 1741 году 215 домов, включая сюда дома церковнослужителей и чиновников, большинство владельцев коих имели заимки („удаленные лѣтніе жилища"), а в 1749 году 172 обывательских дома с 300 человек от 16 до 50 лет и имел в своем ведении 11 слобод к каждой из коих причислялось значительное число деревень [2]; 3. (*Пономарева*) деревня; 4. д *Уковская*. 5. мельница; 6. д *Логинова* (Падун?) с 8 дворами и острогом со стороны суши [3]; 7. д. *Маркова* (Филимоновка № 3265 или Лушчичиха № 3266?) [4]; 8 *Верх-укская заимка* Рафаилова монастыря Ново-заимская?) на северном берегу р. Ука с 15 монастырскими крестьянами в 1741 году и острогом, основанная около 1725 года [5]); 9 д *Омутская*; 10 *Подволошная* южнее тракта при р. Вагае; 11. *Гремячья* [6]; 12. *Усть-Ламинская* слобода, в которой в 1741 году было 25 дворов из коих один—комиссара, два—церковнослужителей, семь—отставных драгун и тринадцать—крестьян, и острог, а в 1749 году 222 человека от 16 до 50 лет и в 1868 году 1005 человек [7]) 13. *Черемишанка* [8]). 14 *Опашнина* (Оленовка № 996? [9]); 15) *Безрукова слобода*, в коей было в 1749 году 37 человек от 16 до 50 лет а в 1868 году 614 человек обоего пола [10]); 16 *Епанчинская* (подле г. Ишима); 17. *Коркина слобода*, (Ишим) возникшая около 1670 года и имевшая в 1741 году около 100 домов и гарнизон приблизительно в 100 драгун, в 1749 году 107 чел. от 16 до 50 лет, а в 1868 году—4 264 чел. [11]); 18 *Игнатьева* д. имевшая в 1749 году 20 чел. от 16 до 50 лет, а в 1868 году—247 чел. обоего пола [12]); 19 *Стрихнина*, имевшая в 1749 году 18 чел. от 16 до 50 лет, а в 1868 году—332 чел. обоего пола 20 *Заварыгина* (*Заворихина*) имевшая в 1749 году 15 чел от 16 д 50 лет а в 1868 г.—185 чел. обоего пола [13]); 21. *Боровое* село, имевшее в 1741 году 60 крестьянских дворов, не считая духовных и бедных людей, в 1749 году—67 чел. от 16 до 50 лет, а в 1868 году 1139 чел обоего пола [14]; 22. *Тушнолобова* д., имевшая в 1749 году 28 чел. от 16 до 50 лет, а в 1868 году—580 чел обоего пола [15]); 23. *Абацкая* слобода, возникшая в 1680 году имевшая в 1741 году 27 дворов крестьян и гарнизон из 30 драгунов, в 1749 году—15 чел. от 16 до 50 лет а в 1868 году—679 чел., подчиненная Орлову городищу (Викуловской слободе) и стоявшая на р. Абаке ниже д Табаринской в $1^1/_4$ версты и Старой слободы из пяти дворов в $1^1/_2$ верстах [16]). Некоторые из упомянутых селений в начале 18 века входили в состав Ишимской укрепленной линии, которая прикрывала собою русские селения Западной Сибири до устройства Пресногорьковской линии. На Ишимской линии в это время находились слободы Омутная, Усть-Ламинская, Безрукова, Коркина (теперь город Ишим) и Абацкая [17]) Во всех форпостах этой линии водворялись команды казаков, которые наблюдали за неприкосновенностью границы [18]). Укрепления вокруг здешних селений (Ялуторовска, Омутного форпоста, Усть-Ламинской слободы, Безруковского форпоста Коркиной слободы, Кошкарагайского и Фирсовского форпостов и Абацкой слободы [19]), упоминаются в 1741 году Гмелиным и описываются в документе 1749 и 1750 годов. Но несмотря на свои укрепления, здешние селения подвергались нападениям киргиз. Так в 1741 году перед самым проездом Гмелина киргизы ограбили Фирсову деревню и поэтому преследовались отрядом из Коркиной слободы (Ишима) [20])

По сравнению с западной частью выпрямленного московского тракта в Западной Сибири его *центральная часть* от Абацкой до Омска значительно моложе. В начале 18 века передовая линия русских укреплений на границе со степью, известная под названием Ишимской, шла полукругом по рекам Тоболу, верховьям Вагая средней части Ишима Аёву и Иртышу. Начинаясь с Лебяжьего форпоста на Тоболе она проходила тогда через форпосты Чернавский, Верхнеутяцкий (ныне Утяцкое) Марковский, Максимовский Моревский Арлагульский, Суерский, Усть-малокузнецкий, Мамаевский и слободы Омутную, Усть-Ламинскую, Безрукову,

---

[1]) Тобольская губернія, 105 [2]) Тобольская губернія, 80, 105.—Gmelin Reise 4, стр. 200—202 211. [3]) Gmelin, 4 стр 199. [4]) Там же, 198. [5]) Там же, 197. [6]) Там же, 196 [7]) Там же, 195—Тобольская губернія, 113. [8]) Gmelin, 4, стр. 192 [9]) Там же, 191. [10]) Тобольская губернія, 81, 111 [11]) Gmelin, 4, стр. 189—190 Тобольская губернія, 80, 111,—Словцовъ, I, 105. [12]) Тобольская губернія 111. [13]) Gmelin, 4, стр. 189—Тобольская губернія 111. [14]) Гмелинъ т 4, 188.—Тобольская губернія, 111, [15]) Тобольская губернія, 111 [16]) Gmelin, 4, 186—187—Тобольская губернія, 80, 114. Словцовъ, I, 105. [17]) Тобольская губернія, 80—81. [18]) Там же, 81. [19]) Там-же, 81—88. [20]) Gmelin, Reise, 4, стр. 190.

Коркину, Кошкарагайскую, Фирсову, Кайдалову, Абацкую и, наконец опять через форпосты Ирский (Орский я считаю опиской), Зудиловский, Большерецкий Пустынный, Бетеинский и оканчивалась Чернолуцким острогом (севернее современного Омска) [1]) Вследствие этого местность от Абацкой до Чернолуцкого острога по прямому направлению, как бывшая за тогдашней русской границей, совершенно не имела в начала 18 века русских селений. Сюда заходили киргизы нападавшие на русские пограничные пункты. Так даже в 1741 году, во время проезда Гмелина, киргизы напали на Верх Аёвскую и Зудиловскую деревни и увезли с собою их население, скот и имущество. [2]) Населенные пункты начинают появляться в ней только после основания на Иртыше выше Чернолуцкого острога крепостей Ямышевской I, в 1714 году, Омской в 1716 году, Семипалатной в 1721 году и других. Так мы видим, что в первой половине 18 века на будущей центральной части тракта от Абацкой к Омску существовали деревни *Калмакова*, северо западнее нынешнего Ялуторовска, *Андроникова* (южнее Тюкалинска) и *Замиралова* (последняя на западной ветке тракта в Омск), в которых были поставлены драгуны возившие почту и чиновников по службе. [3]) Первоначальное, может быть, преимущественно северновеликорусское, население немногих деревень на этой части тракта увеличивалось через размещение на ней крестьян в зачет рекрут. О заселении ими Тюкалы и окрестных деревень было сказано уже раньше при обзоре части тракта от Готопутова через Абацкую, Крутую и Тюкалу до Тонтурской. Здесь уместно добавить, что *Бекишевское* село, стоящее южнее Тюкалы и Андронкиной, в пункте расхождения западной и восточной ветвей части тракта на Омск, образовалось из поселяемых в Тобольской губернии за маловажные преступления ссыльных. [4])

Омск был основан в 1716 году в виде крепости, при продвижении военных экспедиций вверх по Иртышу к Яркенлскому золоту, на правом берегу реки Иртыша, при устье Оми, которое джунгарами считалось границей русской Сибири. С 1763 года, когда командиром Иртышской линии был назначен генерал-поручик Шпрингер, Омск сделался, вместо Ямышевой крепости местом управления этой линией. В 1764 году против Омска был устроен Елизаветский маяк для торга с киргизами. С 1781 года Омск стал городом. В феврале 1763 года в Омской крепости было 33 посадских, 1 купец, 687 разночинцев, 86 приписных к ним, 285 крестьян, а всего 1.092 человека. На форштате Омском жило посадских и разночинцев в 1725 году при первой переписи—992 м. п., в 1747 году при второй переписи—1.092 человека, в 1770 году—1.186 обоего пола. Омский уезд был образован из Тюкалинского уезда, который в свою очередь был составлен из дальних волостей Тарского у., подчиненных особому земскому комиссару, жившему в Чернолуцкой слободе [5]).

Восточная часть выпрямленного московского тракта от Омска до Еланского официально возникла с 1825 года и проходила дугообразной веткой исключительно вдоль р. Оми в течение 15 лет, до 1840 года, когда удалось несмотря на топкие болота и озера, уничтожить дугообразный загиб ветки и провести более прямую дорогу через село Юрьево и д. Кабурлы [6]).

Наиболее старые селения этой восточной части старше селений центральной части выпрямленного тракта и одновременны по своему основанию со старыми селениями западной части выпрямленного тракта, превосходя своим возрастом Омск на несколько десятилетий. Старейшим селением на восточной части выпрямленного тракта вдоль р. Оми является село *Сыропятское*, находящееся на восток от Омска и основанное крестьянами, присланными в зачет рекрутов [7]) Несколько позже, именно около 1650 и 1670 годов была основана дворцовыми крепостными, присланными в зачет рекрутов из губерний Московской, Калужской и Рязанской д. *Нижнеомская*, расположенная на обеих берегах р. Оми и состоящая из 730 душ старожилов по X ревизии и 110 ссыльных и их детей [8]). Расположенная на левом берегу р. Оми, южнее Еланского, и состоявшая из 602 старожилов по X ревизии и 112 ссыльных д. *Чичявина* была основана около 1695 года семейством крепостного крестьянина, сосланного вместо воинской повинности, которое, продав свое имущество новоселам из Курганского и Ялуторовского уездов, уехало в Тарский округ (конечно, в позднейших, а не в прежних границах) [9]). Остальные деревни по

---

[1]) Тобольская губерния, 80—81. [2]) Gmelin Reise, 4, стр. 173—4, 177. [3]) Тобольская губерния, 97—98. [4]) Там же, 97. [5]) Словцовъ, I, 224; II, 29, 53—55, 170. [6]) Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи за 15 лѣтъ (съ конца 70-хъ годовъ по 1893 г.). Печатается по распоряженію Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Томъ I. Историко-статистическое описаніе 100 поселковъ. Москва. 1895. Стр. 532. [7]) Там же, 530. [8]) Там же, 530—531. [9]) Тамъ же, 538.

обоим берегам р. Оми (кроме Сыропятского, Нижнеомского, Еланского и Чинявиной) возникли уже в 18 и 19 веках и притом после основания г. Омска (кроме одной Козиной). Так расположенная на правом берегу р. Оми и состоявшая из 197 старожилов по X ревизии и 10 ссыльных д. *Козина* основана около 1715 года безродным промышленником, вокруг которого поселились выходцы из соседних волостей и уездов [1]). Село *Локтинское* было основано в 1720 или 1730 годах беглым помещичьим крестьянином из Тамбовской губернии Измайловым, к которому присоединились затем другие бродяги и жители соседних селений и волостей Тобольской же губернии и между прочим многие с р. Исети Ялуторовского уезда [2]). Д. *Хомутинка*, расположенная на обоих берегах р. Оми и состоявшая из 675 старожилов по X ревизии и 117 ссыльных обоего пола, заселена в 1740 или 1750 годах выходцами из селений, расположенных по р. Ишиму [3]). Расположенная на левом берегу р. Оми и состоявшая из 401 души по X ревизии и 60 ссыльных д. *Кирпичка* была основана около 1773 года крестьянином Такмыкской волости Тарского уезда, к которому впоследствии приселились новоселы по большей части из Ялуторовского уезда с р. Исети [4]). Находящаяся на левом берегу р. Оми между Локтинским и Нижнеомской и состоявшая из 440 старожилов по X ревизии и 60 ссыльных д. *Соловецкая* основана около 1795 года выходцами д. Кушайлов Саргатской (ныне Кулаевской) волости Пушкаревыми и соседних деревень и областей, а затем пополнилась переселенцами Землянского уезда Воронежской губернии [5]). Расположенная на левом берегу р. Оми и состоявшая из 759 душ по X ревизии и 115 ссыльных д. *Устьгоры* была основана около 1790 года старообрядцами, выходцами Исетской волости Ялуторовского уезда [6]).

Д. Нижнеомская дала начало в 18 веке двум деревням, лежащим на север от тракта, Ачаирской (Старцовой) и Бегишевой. *Ачаирка*, состоявшая из 340 старожилов по X ревизии и 90 ссыльных, основана около 1745 года нижнеомским крестьянином С. Филипповым [7]). *Бегишева*, состоявшая из 340 старожилов по X ревизии и 80 ссыльных, основана около 1785 года двумя нижнеомскими крестьянами Кобылкиным и Головановым, к которым впоследствии приселялись крестьяне Аевской волости Тарского уезда и других соседних деревень. Переселившиеся из Аевской волости принадлежали по большей части к бывшим там форпостным казакам и явились сюда, если судить по фамилии одного из этих переселенцев, именно из д. Чаукиной, лежащей на р. Аеве, недалеко от впадения его в Ому [8]). Выходец д. Хомутинской основал около 1795 года д. *Тайлакову*, состоявшую из 146 старожилов по X ревизии и 30 поселенцев. К основателю деревни Тайлакову впоследствии приселились жители соседних деревень [9]).

В 19 веке здесь возникли две деревни: Кузнецова (Языкина) и Денисовка (Кочневка). *Кузнецова*, имевшая около 1893 года 160 старожилов по X ревизии и 64 ссыльных, по большей части старообрядцев, основана в 1830 году крестьянином с. Локтинского, к которому с 1855 года стали приселяться другие крестьяне [10]). *Денисовка*, стоящая на правом берегу р. Оми против Соловецкой и состоявшая из 27 дворов, в числе которых было два двора ссыльных, основана только в 1886 и 1887 годах переселенцами из Уфимской губернии [11]).

Из предыдущего видно, что центральная и восточная части выпрямленного московского тракта в Западной Сибири на пространстве от Абатской до Еланского заселялись выходцами более северных местностей Западной Сибири, крестьянами в зачет рекрутов и ссыльными, т. е., иными словами, выходцами не только окающих местностей (выходцы более северных частей Зап. Сибири, часть ссыльных) но и акающих (крестьяне в зачет рекрутов и другая часть ссыльных).

§ 2. Устройство и заселение Томско-Красноярского участка московского тракта.

Одновременно с Тарско-Томским участком московского тракта устраивалась та часть его, которая находилась на восток от Томска и соединяла Томск с Красноярском, основанным в 1628 году, и Иркутском, возникшим в 1652 году в виде зимовья и превратившимся в 1661 году в острог.

---

[1]) Там же, 539. [2]) Там же, 534. [3]) Там же, 536. [4]) Там же, 536. [5]) Там же, 53[illegible]. [6]) Там же, 536. [7]) Там же, 537. [8]) Там же, 533. [9]) Там же, 53[illegible]. [10]) Там же, 525. [11]) Там же, 535.

Начнем с *Томско-Красноярского участка* тракта.

Окончательное направление этого участка тракта определилось не сразу. Первоначальное направление Томско-Красноярской дороги в конце 17 века было, несомненно, иным, чем в настоящее время. В составленной после 1683 года статье „Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирского царства“ мы читаем: „Отъ Томского жъ города мимо Киргизкую жъ землю чрезъ Красноярской острогъ до Енисейского острога, сухимъ путемъ, на лошадяхъ три недѣли ѣзды. Красноярской острогъ стоитъ надъ рѣкою Енисіею, въ вершине Енисеи рѣки. До надо: Оть) Красноярского острога до Киргизской земли, на лошадяхъ 3 дни ѣзды“ [1]). Киргизы же, которые в течение нескольких десятков лет нападали с этой стороны на Красноярск и для защиты от которых Красноярска был построен в 1641 году Яковом Тугачевским Ачинский острог южнее нынешнего города Ачинска, на Чулыме называвшемся в этой части еще долгое время Іюсом, жили сначала в степях нынешних Минусинского и Ачинского уездов. Поэтому дорога из Томска в Красноярск должна была проходить севернее их степей находившихся в 3 днях езды от Красноярска. В „Чертежѣ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“ С. Ремезова, составленном в 1699 году, имеется более точное, чем в „Описаніи новыя земли“, указание этой дороги: „Отъ Томскаго чрезъ Чюлымъ до Краснаго Яру 2 недѣли“. О направлении этой дороги гадать, к счастью, не приходится, так как оно в главных чертах указано на 13 листе „Чертежной книги Сибири“, дающем „Чертежъ земли Томъскаго города“. Из Томска дорога проходила через д. Киргизку (в Чертеже: Киргинску), д. Семилужки с. Спасское на левом берегу р. Яи (современное Спасояйское) севернее д. Бурнашевой; пересекала р. Яю севернее левого притока ее р. Каменки, шла по водоразделу между левыми притоками Яи и правыми притоками р. Кии; пересекала р. Кию немного выше правого ее притока р. Серта. До этого пункта из Томска была одна дорога как в Красноярск, так и в Киргизскую землю. Здесь она делалась на две: на киргизскую и на красноярскую. Дорога в киргизскую землю шла южнее красноярской: через верхнее течение р. Кальбы, верховья р. Тисуля, р. Базыр и р. Урюп к Божьему озеру, через которое проходила граница Томского уезда с Киргизской землей; обогнув Божье озеро с севера, востока и юга, она пересекала затем р. Бечищу (Печищу). Іюсы Черный и Белый (последний вблизи современной д. Солянозерской)[2]. Дорога же в Красноярск шла южным берегом р. Серта, пересекая его притоки Калву, Тисуль, Кэжчак, Балаам и Барандат; спускалась левым берегом р. Урюпа почти до впадения в него р. Барны; пересекала р. р. Урюп, Барну и верховья р. Китата, затем р. Сереж у северного берега Белого озера и наконец р. Чулым южнее верхняго Сыра, и вдоль левого берега этого Сыра и, повидимому, вдоль р. Езагаша выходила на р. Енисей немного севернее Караульного острога. Но указанная дорога из Томска в Красноярск долгое время не считалась доступной для одиноких путешественников, желавших ехать в телегах, а не верхом. Поэтому в „Спутникѣ по городу Красноярску“ мы читаем, что даже в 1726 году, когда киргизов совсем уже не существовало в нынешней Енисейской губернии „между Красноярскомъ и Томскомъ не было прямого сообщенія. Для Красноярца, пожелавшаго побывать в Томскѣ, нужно было сперва отправиться въ Енисейскъ, затемъ въ Ачинскъ и уже оттуда въ Томскъ“ [3]). Последние слова едва ли нужно понимать буквально: из Енисейска можно было доехать по старой Ачинской дороге только до Усть-Кемчуга, и, не спускаясь на юг в Ачинск, проехать вдоль нижнего течения Чулыма в Томск: по этой дороге в конце 1734 и в начале 1735 года из Томска в Красноярск проехал Гмелин [4]).

После удаления из Енисейской губернии киргиз для сообщения Томска с Красноярском и далее с Иркутском вошла в употребление новая, уже колесная дорога, которая в своей значительной части проходила по степям через татарские юрты и до р. Сережа почти совпадала, как увидим далее, с прежней верховой. Первое упоминание о проложении ее мы находим у Гмелина при описании его первого пребывания в январе 1735 года в Красноярске „Жители его (Красноярска)

---

[1]) А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Москва 1890. Стр. 80. [2]) Дорога из Томска к киргизам была известна русским в первой половине 17 века, еще до основания Красноярска в 1628 году. В 1616 году по ней проехали к монгольскому Алтын Хану русские послы, тарский атаман В. Тюменец и тюменский десятник И. Петров, которые дали о ней следующее сообщение: „а всъ Томсково де города ѣдучи до Киргизъ: перьвая рѣка *Ея*, да рѣка *Кея*, да рѣка *Урюпа*, да рѣка *Іюсъ*, да рѣка *Енисея*“. Іоганъ Ебергардъ Фишеръ, Сибирская история СПБ 1774. Стр. 264). [3]) Спутникъ по городу Красноярску. Изд. В. И. Щипанова. Красноярскъ. 1911. Стр. 25. [4]) Gmelin, Reise, I, стр. 310, 332—361.

по большей части служилые, потому что при его основании имели в виду обезопасить тамошние местности от нападений киргизских татар, вследствие чего как тогда, так и до сих пор думали только о том, чтобы сделать эту безопасность достаточно прочной. Поэтому до самых последних годов Красноярск был местом, куда всякий заезжал с трудом: он делал это по приказанию. Кругом (Красноярска) находятся степи, которые перед тем были очень подвержены нападениям киргизских казаков. Несколько лет здесь царит полная безопасность: киргизские казаки все ушли в калмыцкие земли, вследствие чего здешние служилые получили возможность без всякой опасности собирать известия о всей стране. Они нашли *достаточно прямую дорогу по степям от Красноярска к Иркутску и Томску*, ехать по которой можно очень хорошо особенно летом, так как нигде нет недостатка в воде и хорошем корме. *Если бы к тому же здесь были деревни*, то получилась бы самая удобная дорога для зимнего времени. Эта дорога из Томска в Иркутск через Красноярск на 100 верст ближе чем через Енисейск вдоль Тунгуски (т. е. Ангары по нынешнему). А так как благодаря новой дороге для государственного казначейства получается большая выгода вследствие того, что на последней дороге (через Енисейск и вдоль Тунгуски), постоянно выходит много прогонов, то *большая часть* едущих на правительственный счет следует как летом, так и зимой по *новой дороге*. При поездке по ней много выгадывают также купцы, которые вследствие этого предпочитают ее в большинстве случаев зимой, а иногда и летом. Поэтому теперь в Красноярске несколько живее, чем было ранее, а современем в нем, может быть, осядут также некоторые купцы"[1]. Эту южную дорогу Гмелин называет летней[2]). Некоторое время (повидимому, не ранее как с 1733 года) она была почтовой, что видно из сл. в Палласа[3]).

Время возникновения новой колесной летней дороги от Томска до Красноярска можно определить только приблизительно. Возникновение ее (или, более частое пользование ею) стало возможно только после успокоения живших на юго-запад от Красноярска инородцев и особенно киргиз. Беспокойства со стороны последних продолжались еще в конце 17 века. Из боязни их нападений еще в 1700 году Сибирским приказом было сделано распоряжение, чтобы в виду малочисленности служилых людей, крестьяне, имевшие оружие, привели его в порядок. Как известно, киргизы удалились из русских пределов за Саянские горы только в начале 18 века, после специального договора о том русских с калмыками[4]). Только после этого времени представлялась возможность для одиноких безоружных путников направляться более прямым путем из Томска в Красноярск. Так как в 1726 году прямой колесной дороги между Томском и Красноярском еще не было[5]), а в январе 1735 года Гмелин называет эту дорогу новой, то приходится заключить, что она *возникла, по крайней мере официально, между 1726 и 1735 годами* в связи с распоряжением Сената в апреле 1733 года об устройстве правильной почты до Нерчинска (см. выше в первой главе). На ней были, как увидим ниже, редкие почтовые станции и существовала смена лошадей, поставляемых по концам ее русскими, а в середине ее татарами (за плату).

Концы южной летней дороги подле Томска и Красноярска впоследствии вошли в состав Томско-Красноярского участка московского тракта. Поэтому нам необходимо ознакомиться с ней. Направление ее известно нам благодаря тому, что по ней проезжал осенью 1739 и осенью 1740 года Гмелин из Красноярска в Томск, а осенью 1772 года Паллас, ездивший на Саянские горы. Из Красноярска Гмелин проехал через 1. д. *Ростовцеву* при первом путешествии или д. *Еловку* при втором путешествии; 2. по очень тесной и покрытой древесными корнями дороге в 14 верст через р. Малую Качу и *Толчиево зимовье*; 3. мимо истока Большой Качи по дурной дороге к р. *Малому Кемчугу* (повидимому, с зимовьем, так как ночевал в нем). 4. по изобиловавшей многими ключами и очень тяжелой, особенно на расстоянии четырех верст, дороге к р. *Мостовой и зимовью*; 5. к *Большому Кемчугу с зимовьем* на левом берегу; 6. по лучшей дороге к р. Уюсу или Іюсу (Чулыму), переправился через нее на пароме вблизи *русской деревни*, из которой он получил в первую поездку нескольких свежих лошадей, а во вторую две телеги вместо сломавшихся; 7. далее проехал по хорошей степной дороге к *станции на р. Акатыке*,

[1]) Gmelin Reise 1, стр. 368. [2]) Gmelin Reise, 3, стр. 528. [3]) Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третія половина первая. СПБ. 1788. Стр. 451, 453. [4]) Степановъ. Енисейская губернія. Часть II. СПБ. 1835. Стр. 135. Спутникъ по городу Красноярску, 24. [5]) Спутникъ, 25.

впадающей в р. Берилю, притока Юса, откуда, как и с остановки на Юсе, татары
уехали, чтобы не дать лошадей путешественнику [1]; 8. по хорошей дороге (степной)
к р. *Черичу* (Серяжу) *с зимовьем* (повидимому, современным селом Изыкжульским
или Медведским на тракте из Ачинска в Минусинск), где ему удалось наконец
получить татарских лошадей взамен русских лошадей, взятых из Красноярска и
очень уставших; 9. по степной дороге к *почтовой станции на р. Сокчи*, впа-
дающей в р. Терещ (Сереж), подле которой (станции) не было вблизи деревень и
у которой от Томско-Красноярской дороги отделялась дорога к Красноярским гор-
ным заводам [2]; 10. к р. *Урюпу*, где он вновь получил татарских лошадей и пере-
правился через реку на плохом плоту. 11. по вязкой болотистой дороге в 40 верст
к *Калмацким юртам* на р. Тус-юле (Тисуле), где его ожидали готовые татарские
лошади; 12. по тракту через р. *Кальбу* и по скверной дороге с плохими мостами к
р. *Кие*, через которую переправился на плоту и на западном берегу которой была
почтовая станция; 13 после уклонения на юг для обозрения места добывания
серебряной и медной руды на р. Кожухе (Кожуке) прибыл по *старой Томской дороге*
с почтовой станцией у устья р. Кумуроуя (м. б. р. Кумурле, на которой современ-
ная д. Комисаровка?) на обыкновенный тракт, затем на р. Ундевыс (Антибес),
р. Хатекельгеньзен, (т. е. приблизительно через современные села Летяжское и
Тундинское) по моховой дороге к истоку Челдела [3]); по моховой дороге к р. *Кол-*
лиону (Колиону), где были готовы переменные лошади и произошла расплата с
прежними ямщиками—татарами; 15. по плохой дороге к р. Яе, через которую
переправился на плоту и прибыл в *Спасское село* (Спасояйское), где получил све-
жих лошадей; 16 по мшистой дороге прибыл в *Семилужное или Никольское село*,
где его ждали переменные лошади; 17. по сносной дороге в *Томск* [4]). Паллас начал
свою поездку по южной („почтовой старой дорогѣ") только с д. Еловки, так как
от Красноярска он проехал до д. Зеледеевой по московскому тракту („Тобольской
почтовой дорогѣ"), с которого ему пришлось проехать до д. Еловки 5 верст. Из
описания Палласа видно что южная (старая почтовая) дорога из Красноярска,
огибая подходящие с юга к Красноярску горы, проходила по верхнему течению
правых притоков р. Качи, через вершину самой реки Качи; трех речек, образую-
щих р. Сукову (Жукову), р. Быковки, через Большой Кемчуг, р. Амату и р. Юс
(т. е. Чулым) против возникшаго за 8 лет до 1772 года с. Сосноваго через левые
притоки Юса (Чулыма) Борсук и Агату [5].—Проследив маршрут Гмелина и Палласа,
мы видим, 1) что тогдашняя южная дорога совпадала или почти совпадала с Том-
ско-Красноярской дорогой конца 17-го века приблизительно до р. Сережа, откуда она
поднималась на северо-восток, а не шла прямо на восток, как дорога конца 17 го
века; 2) что она совпадала с современным трактом приблизительно до нынешнего
села Постникова, а далее шла на всем протяжении южнее его, иногда на несколько
десятков верст, и опять совпадала с ним, повидимому, только у самого Красноярска;
3) что только на незначительной части ее от Томска до Спасского села на Яе и
от Красноярска и на р. Юсе были три русских населенных пункта (Семилужное,
Спасское и, повидимому, Борсук) и несколько зимовий, а на остальном протяже-
нии она пролегала через редкие поселения татар, которые в восточной части
старались не давать проезжим лошадей; 4) что за исключением степных мест,
занятых татарами, она была очень тяжела; 5 что по ней начинали двигаться
ссыльные: в д. Еловке подле Красноярска Гмелин нагнал 200 ссыльных преступолю-
дин в, направленных в Красноярские рудники [6]); 6) что этой доступной для телег
дороге предшествовала здесь старая томская дорога, которая, возникнув еще в
17 веке (ср. выше), была пригодна только для верховой езды и ко времени проезда
в 1740 году Гмелина настолько заросла, что еле были видны следы ее и по ней
только с трудом можно было проехать [7])

---

[1]) Ср. р. Агату, левый приток Чулыма, южнее с. Подсосенского и д. Барсука на 40 верстной
карте. [2]) В первый раз Гмелин проехал по Томско-Красноярской дороге до почтовой станции на р. Сокчи.
Описание первой поездки до этого пункта подробнее, чем описание второй, и содержит вначале указание
зимовий, отсутствующее в описании второй поездки. Принимая во внимание, что Гмелин в обоих случаях
проезжал через одни и те же реки и по одинаковому пути и приблизительно одинаковое количество часов
между остановками, я думаю, что он в обоих случаях проехал по одной и той же от Красноярска дороге
и что д. Ростовцеву надо отождествлять с Еловкой. [3]) Это река Кельвет или Еловка, на которой стоит
современное село Постниково; ср. ниже в 1 описании поездки Палласа. [4]) Gmelin Reise, 3. стр. 268—
271, 528—550. [5]) Паллас. Путешествие. III, стр. 450—458. [6]) Gmelin Reise, 3 стр. 528. [7]) Gmelin Reise,
3, стр. 571—572.

Южная дорога от Томска до Красноярска просуществовала недолго, всего около 25 лет; проезжавший по ней в августе 1772 года Паллас замечает, что она „уже лѣтъ за двадцать оставлена“ [1]). Несмотря на свои преимущества перед северной дорогой через Чулым и Енисейск она страдала несколькими недостатками: 1) была излишне длинна делая большую дугу от Постникова до Красноярска; 2) была в некоторых местах (особенно у Красноярска) очень тяжела; 3) проходила по большей части через татарские селения, старавшиеся избавиться от ямской гоньбы; 4) имея только незначительное число русских селений, она была не безопасна. Поэтому вполне естественно явилось желание выпрямить дорогу от Томска до Красноярска, заселить ее русскими и обезпечить ее русской гоньбой. В главном эти цели были достигнуты при проведении Томско-Красноярской дороги приблизительно от Постникова до Красноярска *через Ачинск*, т. е. верст на 40—70 севернее прежней южной дуги: от Ачинска до Изыняульского —71 верста. Устройство дороги через Ачинск произошло около 1760 года. Об этом можно догадываться на основании слов Словцова и Палласа. При описании периода с 1742 года по 1765 год Словцов говорит: „Что касается до дальнѣйшаго продолженія дороги отъ Томска къ Красноярску на разстояніи 557 верстъ семисотныхъ, (то) брошено было нѣсколько зимовьевъ, отъ времени до времени заселяемыхъ ссыльными и за рекрутовъ посылаемыми, особенно въ 1762 и 1763 году по случаю неурожая въ Нерчинскомъ краю. При концѣ зимовьевъ стоялъ Ачинскъ, лучшее перепутье въ которомъ жило 24 человека крестьянъ и разночинцевъ“ [2]). По словамъ Палласа, подле болота Малого Колыона была построена новая дорога и чулымские татары освобождены от „погоньшицкой“ (ямской) службы за десять лет до его проезда здесь в 1770 году [3]). Если считать указание Палласа на то, что старая почтовая дорога оставлена лет за 20 до 1772 года, довольно точным, то проведение московского тракта через Ачинск надо поставить ранее и отодвинуть его начало почти к 1752 г. По Андриевичу тракт от Ачинска на Красноярск, Удинск, Тулун и Иркутск был разведан по почину губернатора Сеймонова 1757—1762 гг.) [4]).

Проведение Томско-Красноярского участка московского тракта через Ачинск и устройство на нем станций с лошадьми и населенных пунктов подвигалось вперед быстро и было в главных чертах закончено ко времени проезда по нему в 1770, 1772 и 1773 годах Палласа. В январе 1773 года Паллас говорит, что по этой дороге „въ расположенныхъ въ надлежащихъ разстояніяхъ новыхъ селеніяхъ лошадей часто перемѣнять и слѣдовательно скоро ѣхать можно было“ [5]). Сам он совершил по ней весь путь от Красноярска до Томска в 4 суток. По дороге от Томска в Красноярск в сентябре 1770 года Паллас проехал: 1) зимовье *Суровое* на речке Рамерке, впадающей в Томь, верстах в 24 от Томска, р. Майган, р. Тахмас; 2 д. *Крестинину (Семилужную?)* 3 д. *Ха деву* в 14 верстах от Сурового зимовья; 4. д. *Тируптоеву* при р. Ташме (у Палласа Рашме), впадающей в Яю (у Палласа в Иню), р. Осиновку и р. Китат (у Палласа-Ритаку); 5 большую деревню *Ишимскую* со станцией на р. Яе, на которой жило много татар; 6 д. *Колыон* у болота Б. Колыов; 7. *небольшое селение* в 10 дворов у болота М.-Колыон, объединявшееся с д. Кол[illegible] для поставки лошадей на М.-Колыоне; 8. *зимовье* на речку *Сок...* (нынешнее село Почитанское?) в 30 верстах от Колыона, обширное и гнило умощенное болото, в которое впадает речка Еловка или Кельдет (теперь на ней с. Постниковское); 9. д. *Песчаную* на р. Песчаной; 10. д. *Барикуль* со станцией на р. Барикули впадающей в Ильдебет; 11. зимовье *Ильдебет*, на котором содержались почтовые лошади, в 12 верстах от Барикули (повидимому, нынешняя Тюменева); 12 русская деревня с несколькими раскиданными дворами на берегу речки Удебеты, в 32 верстах от Ильдебета, окруженная многими татарскими юртами (повидимому, нынешний *Малый Антибес*); 13. село *Кийское* (нынешний город Мариинск) на р. Кие, по нижнему течению которой жило много татар, р. Кию, между озерами Танагаем и Сосновым; 14. д. *Суслову*, приток Тяжина р. Кночинак; 15. д. *Тяжин*; 16. деревню из 15 дворов на р. Китате в 12 верстах от р. Чулыма (повидимому нынешний *Итат*); 17. село *Боготольское*; 18. большую деревню *на речке Красной* вблизи Чулыма, в 29 верстах от Боготола; 19. *Ачинский острог* и деревню при нем на р. Тебдете, впадающей в Чулым, выше

---

[1]) Палласъ. Путешествіе. III, 1. стр. 450. [2]) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Книга 2. Стр. 37. [3]) Палласъ. Путешествіе. II, 2, стр. 433—434. [4]) Андріевичъ. Историческій очеркъ Сибири. Т. V. Красноярскъ, 1889, 129—130. [5]) Палласъ. Путешествіе. III. 2. стр. 4.

р. Ачинки; р. Улуй, р. Каменку и р. Черную; 20. д. *Черноречинскую*, в которой, в виду недавности ее основания, 10 почтовых и 15 ямских лошадей содержались жителями г. Красноярска [1]). Из описания двух последующих поездок Палласа по этому пути видно, что он проезжал за Черноречинской 21. д. *Большой-Кемчуг* [2]); 22. д. *Заледееву*, лежавшую на реке Каче, реки Еловку, Карагуз и Бугай; [3] и прибыл 23. в г. *Красноярск*. Из этого перечня селений, через которые проехал Паллас, мы видим, что большая часть существующих в настоящее время на тракте селений, существовала уже в 1770 году в виде деревень или зимовий и что благодаря им Томско-Красноярский участок московского тракта обезпечивался лошадьми сравнительно хорошо.

Основание и первоначальное заселение этих пунктов по тракту произошло не задолго до проезда Палласа, т. е. до 1770 года. Заселение их продолжалось и во время путешествия по Сибири Палласа. В 1770 году в деревне Колыоне жил „всѣхъ по Красноярской дорогѣ въ Томскомъ уѣздѣ новопоселенныхъ деревень прикащикъ“, зависевший от канцелярии Томского коменданта. [4]) Подобное же известие мы находим относительно новых деревень на восток от Суслова, средоточие для которых находилось в с. Боготоле: „Оная деревня (Боготол) принадлежитъ вмѣстѣ со всѣми отъ Сусловки слѣдующими новыми деревнями подъ Красноярскъ, и имѣющей главное надзираніе надъ поселянами, начиная съ самаго того мѣста до Ачинскаго острога Сынбоярской (т. е. сынъ боярскій) имѣетъ здѣсь свое пребываніе и кантору“ [5]).

Только немногие селения по этому участку тракта имели местное сибирское, старожилое население. Большая часть их была заселена новыми поселенцами, т. е. присланными из Европейской России в Сибирь на поселение. Именно деревня *Суровое* зимовье, состоявшая из нескольких дворов, была заселена отчасти старожилами и отчасти новыми поселенцами, „коихъ по дорогѣ отъ Томска до Красноярска по всѣмъ станицамъ (надо читать: станціямъ) раздѣлено“. Д. *Колыон* состояла почти из 20 дворов одних поселенцев. Д. *Песчаная* принадлежала к новонаселенным деревням. Д. *Бирикуль* состояла из 20 дворов колонистов (т. е. поселенцевъ) и нескольких других дворов. Д. *Тяжин* состояла из 10 семей енисейских крестьян; точно также *деревня на р. Итате* состояла из 15 дворов одних енисейских крестьян. В селе *Боготольском* из 160 слишком дворов только 50 принадлежали жителям, переведенным сюда из Енисейска, а остальные были устроены сосланными из России на поселение крестьянами. *Красноречинская* деревня была населена 150 семьями, по большей части сосланными сюда из Европейской России на поселение. В *Ачинском* селе только 20 дворов принадлежали енисейским семьям, а 80 остальных семьям, сосланным из Европейской России на поселение. Д. *Черноречинская*, основанная в 1769 году и поэтому свободная от поставки лошадей, была заселена малорусскими и великорусскими поселенцами. [6]) Д. *Заледеева* состояла из 30 дворов старожилов. [7]) Таким образом одни старожилы жили в Тяжине, Итате и Заледеевой; в Суровом зимовье, Боготольском селе и Ачинском селе кроме старожилов, жили новые поселенцы, составлявшие более половины всего населения. Остальные селения были населены, повидимому, исключительно поселенцами. Заселение Томско-Красноярского участка тракта новыми поселенцами продолжалось во время путешествия по Сибири Палласа. Поэтому, когда он в январе 1773 года возвращался по нему из Иркутска, то оказалось, что за два с небольшим года, прошедшие со времени его первого проезда здесь, „многія новозаведенныя селенія знатно умножились“, вследствие чего, напр., в Черноречинском было уже до 260 душ, в Ачинском была построена и освящена церковь, в Боготоле построена новая винокурня и основывался медный завод [8]) Из дальнейшего замечания Палласа о злоупотреблениях, происходивших при сдаче дворянами крестьян в зачет рекрутов для поселения в Сибири, можно заключить, что все или почти все поселенцы его времени по этому участку тракта были сданными в зачет рекрутов помещичьими крестьянами, происходившими главным образом из средневеликорусских и южновеликорусских акающих губерний. Из

---

[1]) Палласъ. Путешествіе. II, 2, СПБ. 1786. Стр. 431—446. [2]) Палласъ. Путешествіе. III, 2, стр. 4. [3]) Палласъ. Путешествіе III, 1, стр. 450. [4]) Палласъ. Путешествіе II, 2, стр. 433. — [5]) Тамъ же, 440. [6]) Палласъ. Путешествіе II, 2, стр. 431—446. [7]) Палласъ. Путешествіе. III, 1, стр. 450. [8]) Палласъ. Путешествіе. III, 2, стр. 4—5.—Кн. Костровъ. Большой Сибирскій трактъ въ Томской губерніи сто лѣтъ тому назадъ (Томскія Губернскія Вѣдомости, 1872 г., №№ 24 и 25).

того же замечания видно, что многие из поселенцев, оторванных от своих жен и детей, оставшихся в Европейской России, женились здесь вторично.

Город *Красноярск*, основанный, по выражению Гмелина, из Москвы, заключал в 1735 году 350 домов, причем жители его состояли по большей части из служилых людей. [1]) К 1772 году он, по словам Палласа, почти не изменился: „Городъ Красноярскъ почти еще таковъ же, каковъ былъ въ бытность Профессора Гмелина, или очень мало перемѣнился. Кромѣ Соборной церкви, которую каменную строить начали, однако совершить еще не въ состояніи, въ публичныхъ строеніяхъ совсемъ не прибавился; такъ какъ и *число обывателей*, не смотря на великое разселеніе по степи, *почти ничѣмъ не умножилось* и весьма мало хорошихъ купцовъ, а рукодѣльныхъ, въ прочемъ самонужнѣйшихъ, почти совсемъ не находится.“ [2])

Имеющиеся у нас данные дают нам возможность судить о населенности еще некоторых пунктов по тракту и прилегающей к ним местности во время проезда здесь Палласа или вскоре после него. Так по духовным росписям за 1782 и 1783 года, было в то время ссыльных (повидимому, поселенцев) в *Семи ужном* и *Халдеевой* 173 мужчины и 158 женщин, в *Турунтаевой*—78 мужчин и 44 женщины, в *Колыонском*—225 мужчин и 120 женщин и в *Ачитанском*—48 мужчин и 46 женщин. [3]) В 1782 году, когда Ачинский острог был переименован в город, к нему было приписано 11 волостей с населением в 17.373 души обоего пола, в том числе мещан 2.862 души, ясачных инородцев—1.181, купцов—7, Колывано-воскресенских заводских крестьян—196, а крестьян в уезде—13.126 душ. В это время числилось в трактовых волостях: *Кийской* (впоследствии Мариинской)—1.159 ч., *Боготольской*—2.009 ч., *Краснореченской*—1.330 ч., Подгородной (впоследствии *Ачинской*)—1.042 ч. и *Больше Кемчугской*—1.192 человека. Население *Ачинска* состояло из 575 крестьян из поселенцев, 16 поселенцев, 59 енисейских крестьян, 8 томских подзаводских крестьян, 1 отставного казака, 24 церковно и священно-служителей и 28 человек военной команды. В волостях, расположенных на север от тракта было: в Новоселовской (ниже по р. Чулыму)—2.510, Устюжской—1.795, Атамановской—1.895, Сухобузимской—2.120, Пахвальской—1.134 и Подъемской—1.789 ч. (по левому берегу р. Енисея на север от Красноярска). [4]) По словам Палласа, во всем Красноярском ведомстве, воеводская канцелярия которого подчинялась провинциальной Енисейской канцелярии, а комендант с воинской командой Томскому коменданту, насчитывалось в начале 1773 года „оброчныхъ мужиковъ 9.228 душъ; 807 колонистовъ; 128 къ колонистамъ причисленныхъ ссылошныхъ; 2.023 гражданъ и ремесленныхъ людей, т. е. посадскихъ и цеховыхъ; а изъ Татаръ разнаго поколѣнія 2.994 ясашныхъ, которые на шесть землицъ раздѣлены..“ [5]).

После описанного уже мною первого усиленного заселения Томско-Красноярского участка московского тракта заселение его продолжалось и позже.

Так большое, по времени, повидимому, второе, водворение на нем и по сторонам его поселенцев произошло в течение трех лет, с 1805 до 1808 года. Об этом можно заключить на основании слов Вагина [6]): „Томскимъ губернаторомъ былъ тогда дѣятельный и честный Хвостовъ; онъ повелъ устройство поселеній въ этой губерніи такъ успѣшно, что втеченіи трехъ лѣтъ водворилъ 3.200 семействъ. Въ 1808 году поселенцы уже поступили во всѣ земскія повинности и начали возвратъ казенной ссуды. Изъ 385.000 р., назначенныхъ на поселенія, Хвостовъ издержалъ только 60.000 р. (Русскій Архивъ. 1870. № 7, стр. 599). Поселенцы около Кемчугъ, впрочемъ, по замѣчанію Сперанскаго, были бѣдны отъ двухъ причинъ: отъ мѣста, на которомъ почти ничего не родится, и оттого, что были приселены къ селеніямъ старожиловъ, гдѣ уже были кабаки (Дневникъ [7]) “. В губернаторство Хвостова в Сусловой было 136 ревизских душ, а в Боготольском—502 ревизских души [8]).

Дальнейшие находящиеся в моем распоряжении сведения о заселении Томско-Красноярского участка тракта и местностей вблизи его я рассмотрю отдельно для

[1]) Gmelin. Reise, I, стр. 361—362. [2]) Палласъ. Путешествіе, III, 1, стр. 2—3. [3]) Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне—насельники Томскаго края. Томскъ 1898. Стр. 51—52. [4]) Андріевичъ. Сибирь въ 19 столѣтіи. Часть первая. СПБ. 1889. Стр. 69—71. [5]) Палласъ. Путешествіе. III. 1, стр. 15. [6]) Вагинъ. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 годъ. Т. I. СПБ. 1872. Стр. 225—226. [7]) В учрежденную в 1803 году Томскую губернию входил и Красноярский уезд, от которого не был еще отделен Минусинский. Записки В. С. Хвостова (Русскій Архивъ, 1870, стр. 597). [8]) Андріевичъ. Сибирь въ 19 столѣтіи. Ч. 2. стр. 26—27.

части его, проходящей по территории нынешней Томской губернии, и отдельно для части, проходящей по территории нынешней Енисейской губернии.

По Томской губернии у меня имеются сведения от 1890 года о Нелюбинской Спасской и Семилужной волостях Томского уезда, принадлежащих к бассейну р. Томи и составляющих подгородный район с крупным торгово-промышленным городом Томском, а также о волостях Ишимской Томского уезда, Почитанской, Баимской и Зырянской Мариинского уезда, составляющих Чулымский район.

Нелюбинская, Спасская и Семилужная волости Томского уезда представляли, по словам Кауфмана, в 1890 году местность, правильное заселение которой русскими крестьянами началось издавна и уже давно приостановилось. Население этого *подгородного района* до самого недавнего времени состояло почти исключительно из крестьян-старожилов. Переселенцы в 1890 году находились только в трех деревнях Нелюбинской волости: Карбышевой на запад от Томска, Белобородовой и Орловой на север от Томска. В Карбышеву переселились 38 души калужских переселенцев, работавших на родине и здесь на стеклянном заводе и впоследствии перечислившихся почти полностью (25 душ) в томские мещане. В Белобородовой поселилось в 1840 году несколько дворов переселенцев из московской губернии, но впоследствии все они либо переселились в Томск в качестве мещан, либо разбрелись по разным другим местам. Только в д. Орловой почти половину составляют прибывшие в 1868 году переселенцы из Пермской губернии. В Спасской волости было всего 11 дворов прибывших в 1855 году переселенцев из Тамбовской губернии и несколько дворов переселенцев из других губерний, причисленные к деревням Лучановой, Кучумовой и Белоусовой на юг от Томска. Прилив переселенцев в эту местность возобновился с 1880 года, когда витские переселенцы образовали в 1880 году д. Песочную севернее Томска и тракта, а в Спасской волости возник Витебский поселок.

Наоборот заселение русскими *чулымских волостей* (Ишимской, Почитанской и Баимской по тракту и Зырянской восточнее тракта) совершалось интенсивно и в позднейшее время.

В первой четверти 19 века в этой местности были следующие селения *по тракту*: д. Нижне-Великосельская, с. Мазаловское, д. Медведчикова, с. Ишимское, д. Покровская, с. Кольонское, с. Почитанское, д. Постникова, д. Больше Песчанка, Берикульское, Тюменева, д. Подъельничная, Малый Антибес, с. Кийское (ныне г. Мариинск), с. Суслово и с. Тяжинское. *На север от тракта* находились Барнашева, Спасо-Яйская, Жарова Большая и Малая, Воронина Яя и Больше Дорохова по р. Кие, Воронина Пашня на запад от них, Старая Кускова, с. Троицкое, Нижне-Дорохова и Боровая Ишимской волости, по р. Чулыму, с. Благовещенское и Калеул (Камул на р. Кие) Почитанской волости, Тенгулинская и Большой Антибес Баимской волости; д. Арышева, Цыганова, с. Зырянское, с. Чердатское, Красноярская, Тунндат, Окунева и Шиняева Зырянской волости по р. р. Яе, Чулыму и Кие. *На юг от тракта* находились Баранцева, Емельяновка, с. Жарковское Ишимской волости; Верхне-Великосельская, Покет, Средняя и Нижняя Почитанки, Лиственка и с. Тундинское Почитанской волости; с. Баимское Баимской волости. Из этих селений д. Емельяновка Ишимской волости была основана около 1815 года переселенцами-молоканами, д. Красноярская основана в 1815 году переселенцами из Рязанской и Пермской губерний, д. Верхне-Великосельская основана в 1810 году, к с. Жарковскому в 1822 году приселилось несколько дворов переселенцев из Пермской губернии.

Во второй четверти 19-го века в эту местность переселилось всего несколько семей переселенцев из Рязанской губернии, которые приселились в 1840 году к старожильческой д. Цыгановой.

Усиленное заселение Чулымского района происходило со второй половины 19-го века и притом в несколько приемов.

С 1851 по 1858 год в пределах Чулымского района водворилось весьма значительное количество переселенцев из государственных крестьян Европейской России. Они частью основали новые селения, частью приселились к старожильческим селениям. Именно в это время были основаны *на север от тракта*: Ишимской волости д. Бодрина на Яе—переселенцами из Тамбовской губернии, Ново-Кусковское на правой и Архангельское на [illegible] стороне Чулыма—переселенцами из Воронежской губернии; Почитанской волости Карсаловка и Мало-Песчан

ское—переселенцами из Тамбовской губернии; Зырянской волости с. Семеновское на Яе и Михайловское на левой стороне Кии—переселенцами из Тамбовской губернии, Дубровка между Яей и Кией—переселенцами из Калужской губернии. Богуславское на левой, а Иловка на правой стороне Кии—переселенцами из Воронежской губернии. *На юг от тракта* были основаны: Ишимской волости (севернее железно-дорожной магистрали) с. Лебедянское—переселенцами из Тамбовской губернии, с. Данковское—переселенцами из Рязанской, Тамбовской и Орловской губерний, д. Кайла—переселенцами из Орловской губернии, с. Судженское—переселенцами из Курской и Смоленской губ., Марьевка на Яе—переселенцами из Пензенской губ. (мордвой), с. Ольшанское—переселенцами из Курской губернии;—Почитанской вол. (южнее жел. дор. магистрали) с. Троицкое, Камышенское и Летяжское—переселенцами из Тамбовской губ., Красный Яр—переселенцами из Вятской губ.;—Баимской волости с. Константиновское (южнее Суслова)—переселенцами из Тамбовской и Пензенской губерний.

Приселялись в более или менее значительных массах в эти годы переселенцы *на тракте* только к селу Подломному Семилужской волости—из Курской и Тамбовской губерний;—а *на север от него* к нескольким селениям: Ишимской вол. к с. Спасо-Яйскому из Воронежской и Тамбовской губерний, к Мало-Жировой, Воронинной Яе, Больше-Дорховой и с. Воронопашенскому—из Тамбовской губернии, к д. Тенгулинской Баимской волости—из Оренбургской губ. и к д. Арышевой Зырянской волости—из Тамбовской губернии.

Таким образом в промежуток времени с 1851 по 1853 год в Чулымском районе водворялись переселенцы жалующих губерний Великороссии (в большей части южновеликорусских, в меньшей средневеликорусских): исключением являются переселенцы Вятской губ. в Красном Яре Почитанской волости и может быть, Оренбургской губ. в д. Тенгулинской Баимской волости [1]).

Затем у нас имеются статистические данные о переселенцах, водворившихся в подгородном и Чулымском районах Томской губернии в течение 12 летия *с 1852 по 1863 год*, и о происхождении этих переселенцев. В это 12-летие сюда переселилось 18.340 душ обоего пола из губерний Тамбовской (5.609), Воронежской (4.921), Пензенской (2.829), Калужской (1.608), Орловской (1.097), Курской (1.085). Смоленской (966). Рязанской (384) а также Вятской (9) и Пермской (6). Эти переселенцы распределились как по волостям, расположенным по тракту, так и по волостям, расположенным в стороне от тракта. Именно в подгородном районе поселилось в волостях Томского уезда: Семилужной (по тракту)—13, Богородской (на запад от Томска. по р. Оби)—3.427 и Нелюбинской (на север от Томска и тракта)—456 человек. В Чулымском районе поселилось в трактовых волостях: Ишимской Томского у.—2.623 чел., Колыонской Мариинского уезда—2.858 и Боготольской Мариинского у.—429 чел., в волостях Мариинского у. в стороне от тракта Баимской (на юго-запад от Мариинска и тракта)—562 и Дмитриевской (с волостным правлением в с. Тисуле на юго-восток от Мариинска)—1.720 человек [2]).

Новый наплыв переселенцев в Чулымский район возобновляется *с середины 60-х годов*, когда опять образуются новые селения и происходит причисление к ранее существовавшим селениям.

На тракте в это время была основана д. Ключевая Баимской вол. (именно в 1865—1866 гг.)—бывшими горнозаводскими крестьянами гр. Воронцова-Дашкова из Уфимской губернии. *На север от тракта* были основаны д. Феоктистова Ишимской вол. на левой стороне Яи и Чулыма (в 1867 г.)—переселенцами из Тамбовской, Воронежской и Оренбургской губ.; Баимской волости с. Благовещенское и Приметкина (1865—1866 гг.)—бывшими горнозаводскими крестьянами гр. Воронцова-Дашкова из Уфимской губ., д. Богданова (1866 г.)—переселенцами из Вятской губ., д. Рубина (1865 г.)—переселенцами из Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской губерний; д. Таловская Зырянской волости на левой стороне р. Кии (1864 г.)—переселенцами из Пензенской губернии.

---

[1]) А. А. Кауфманъ. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ восточной части Томскаго округа и сѣверо-западной части Маріинскаго округа Томской губерніи. Т. I. СПБ. 1892. Стр. 27—[illegible] (Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпускъ XIV). Ср. также „Общинные порядки восточныхъ волостей Томскаго округа и сѣверо-западной половины Маріинскаго округа“. А. Кауфмана. Алтайскій Сборникъ. Томскъ. 1894 г.).

[2]) [illegible] по Западной Сибири [illegible] Алтайскій округъ. 1890. Стр. 125—1[illegible].

Кроме того в это же время переселенцы приселились к ранее существовавшим селениям: *на тракте* к с. Сусловскому Баимской волости (1860 г. и сл.)—из Вятской губ.;—*на север и восток от тракта* к д. Приметкиной Баимской волости (1867 г.)—из Воронежской губ.; к с. Михайловскому Зырянской волости (1862 г.)—из Пензенской губ.;—*на юг и запад от него* к д. Емельяновке Ишимской волости (1866 г.)—из Вятской губ. Почитанской вол. к д. Бекету (1863 г.)—из Пензенской губ., Красному Яру 1860 г.)—из Тамбовской губернии.

Массовый прилив переселенцев в Чулымский район к концу 60-х годов 19 века прекращается. В течение пятнадцатилетнего периода с 1870 года по 1885 год была образована в его пределах *на север от тракта*, северо-восточнее Суслова, переселенцами разных губерний д. Теплая Речка Баимской волости (1882 г.). Кроме того в 1876 году приселились к д. Емельяновке Ишимской волости переселенцы из Самарской губ., а в 1880 году в село Чердатское Зырянской волости переселенцы из Воронежской губернии. Новое значительное переселение сюда возобновляется только с средины 80-х годов, с открытием действий отряда по образованию переселенческих участков.

Исследование заселения Чулымского района привело Кауфмана к выводу, что „переселенческій элементъ обнаружилъ весьма мало склонности къ поселенію на большомъ сибирскомъ трактѣ: новоселами образовано на трактѣ всего одно новое поселеніе (д. Ключевая Баим. вол.), да къ двумъ селеніямъ приселились болѣе или менѣе значительныя переселенческія партіи; затѣмъ вся остальная масса новоселовъ размѣстилась въ сторонѣ отъ тракта, большихъ рѣкъ и т. п.“.

Для того, чтобы приведенная картина заселения Чулымского района русскими была вполне верна, необходимо отметить, что не все переселенцы остались на местах своего первоначального поселения здесь. Так из д. Усманки выселилась в Бийский уезд значительная часть новоселов из Ветриной все тамбовцы, из Фектистовой все оренбуржцы, из Воронопашенского значительная часть новоселов—в Бийский уезд, из с. Архангельского большая часть основавших его новоселов, из д. Приметкиной Баим. вол. все воронежцы и 42 души уфимцев; на запад и на юг от тракта из д. Емельяновки выселилась большая часть молокан в Амурскую область из с. Дачковского значительная часть новоселов в Бийский уезд, из с. Лебедянского большая часть основавших его новоселов, из Красного Яра Почитанской вол. в Барнаульский уезд значительная часть основавших его новоселов.[1])

Кроме крестьян, в подгородном и Чулымском районах поселялись и ссыльные: за 20 летие. с 1870 по 1889 год. их поселилось в Нелюбинской волости—770 человек, Спасской—23; Семилужной—ни одного, Ишимской—1,234. и в Баимской—426 человек. Их потомками заселены сплошь дд. Кислова и Головина на запад от Томска и д. Кулакова на восток от Томска, а в большей части с. Спасское и д. Батурина на юг от Томска. Они составляют сравнительно незначительную часть общего наличного населения. Точное происхождение их, к сожалению, неизвестно.[2])

Перейдем теперь к сведениям, имеющимся в нашем распоряжении, относительно заселения той части Томско Красноярского участка тракта с прилегающими к нему местностями, которая находится *в пределах нынешней Енисейской губернии*.

Здесь, как и в других местах, русскими первоначально стали заселяться берега рек, бывших в старину единственными путями сообщения, а затем уже сухопутные дороги, при чем заселение русскими берегов рек подвигалось с севера на юг.

К концу первой половины 17 века на территории нынешней Енисейской губернии существовали следующие остроги: Мангазейский, основанный на р. Тазе в 1600 году; Туруханский на нижнем Енисее (основанный в 1607 г.); Маковский на Кети и Енисейский нар. Енисее в 1618 г.); Мелесский на р. Чулыме севернее Ачинска 1621 г.) Красноярский на р. Енисее (1628 г.); Рыбинский в нижнем течении Ангары (1628 г.); Ачинский на р. Чулыме (Юсе), основанный в 1641 году южнее нынешнего Ачинска, около устья р. Сережа, разоренный затем киргизами и восстановленный в 1682 году на месте нынешнего Ачинска; и Канский на р. Кане (в 1640 году), в 40 верстах выше Канского зимовья, устроенного в 1628 году и укрепленного палисад-

---

[1]) А. А. Кауфманъ. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ восточной части Томскаго округа и сѣверо-западной части Маріинскаго округа Томской губерніи. Т. I. СПБ. 1892. Стр. 27—36.
[2]) Тамъ же, 40, 44.

никами. Во второй половине 17 века и в начале 18-го появились остроги Тасеевский в Канском уезде, Бирюсинский в Нижнеудинском уезде, Каштацкий на Кие выше нынешнего Мариинска (1697 г.), Караульный Верхний (1701 г.) на Енисее в Минусинском уезде, а для охраны южной границы Таштыпский острог на запад от р. Енисея и казачьи посты (затем форпосты) Абаканский (с 1707 г. острог) и Саянский (с 1709 г. острог) на р. Енисее, Кебежский (нынешняя станица Суэтукская) и Шадатский (нынешняя станица Каратуз) на восток от Енисея. Благодаря этим укреплениям была занята вся территория Енисейской губернии, на которой и стали расселяться русские[1]).

На запад от Енисея прежде всего населился Енисейский уезд в виду того значения, какое имел Енисейский острог в административном, военном и торгово-промышленном отношениях: уже в 1692 году проезжавший через него Избрандес заметил вокруг него многие селения. Несколько позже, начиная с 1621 года (Мелесский острог), началось заселение русскими р. Чулыма. После основания в 1641 году Ачинского острога (южнее нынешнего Ачинска) заселение р. Чулыма к северу от Ачинска и сухопутной дороги, которая соединяла Ачинск с Енисейском и по которой в конце 1734 года проехал Гмелин, продолжалось усиленнее. Поселки, составляющие в настоящее время Большеулуйскую волость по Чулыму на север от Ачинска, относятся, по местным исследованиям, к весьма старинным: из них д. Чипышева дала начало около 1830 года выселку Качетету, куда выселилась вследствие наводнения часть ее жителей. Берега Чулыма к югу от г. Ачинска, судя по тому, что здесь находятся некоторые селения, основанные, по словам их жителей, около 200 лет до 1893 года, начали заселяться одновременно или вскоре по заселении территории Большеулуйской волости, при чем колонизация долгое время не шла, повидимому, далее р. Чулыма. Так были основаны около 1694 года М. Сереж на р.р. Чулыме и Сереже кузнецкими и барнаульскими подзаводскими крестьянами и д. Паритова еще выше по Чулыму в том месте, где он больше всего приближается к Енисею. Западнее их были основаны уже в 18 веке д. Жгутова Назаровской волости на р. Сереже западнее тракта (около 1760 года донским казаком М. Третьяковым и его родственниками) и д. Копьева на верхнем Чулыме (тобольским мещанином Копьевым около 1784—1794 года или еще ранее). Предполагают, что северная часть Минусинского уезда, составляющая современную Новоселовскую волость, колонизовалась по берегу Енисея выходцами из Красноярского и Ачинского уездов почти одновременно с южной половиной последнего, так как время основания многих селений и деревень на юге Ачинского уезда и в Новоселовской волости совпадает. Западнее ее были основаны в начале 19 века казачья станица Соленоозерная, пополненная в 1858—1860 годах казаками из Европейской России. В 1829 году были основаны ссыльными на юг от Ачинска Малоулуйская на Ачинско-Минусинском тракте и Сабинская между Абаканом и Енисеем[2]).

Местность по р. Енисею между Красноярском и Енисейском стала заселяться русскими вслед за основанием в 1628 году Красноярского острога, так как на первых порах красноярские казаки могли сноситься только с Енисейском. По данным местного исследования, здесь находятся весьма старинные селения, выделившие позже из себя поселки, которые существовали до 1890 года 100 и 150 лет. В Сухобузимской волости селения Пакульское и Малый Балчуг населены крестьянами, присланными в Сибирь в зачет рекрутской повинности. Д. Солонечная в 6 верстах от Красноярска на север от тракта принадлежит к числу старых селений, в которые в 1858—1860 гг. были причислены казаки. К числу старых селений принадлежит также Минина, к которой в 1858—1860 гг. были причислены казаки[3]).

Селения Ачинского и Красноярского уездов Енисейской губернии по тракту возникли, как было сказано уже ранее, позже первоначальных селений по рекам и не ранее проложения тракта. К тому, что было сообщено выше об основании

---

[1]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній Т. 4. Вып 2 Иркутскъ. 1893 Стр 1, 9, 5. Степановъ. Енисейская губернія СПБ. 1835 Часть вторая, стр. 135.—Фишеръ. Сибирская исторія СПБ. 1774. Стр. 276—277, 343, 400—401 И. Кузнецовъ-Красноярскій. Изъ исторіи южныхъ частей Енисейской губ. Томскъ 1908. 4 и 7

[2]) Матеріалы по изслѣдованію и т. д., т. 4, вып. 2 Стр. 9, 13, 7, 10, 6 11, 19 20. Показания автора „Матеріаловъ" об основании деревень нуждаются в проверке по архивным документам, так как они передают показания местных жителей по памяти. Так Копьева заимка на Чулыме, вблизи слияния Юсов, существовала уже в 1772 году, когда в ней был Паллас (Путешествіе, Ш, I, Стр. 456). [3]) Матеріалы, т. 4, вып. 2, стр. 10, 6, 19.

трактовых селений, можно добавить следующее. Крестьянами в зачет рекрутской повинности были заселены *Чернореченское* (по Палласу, в 1769 году), *Большой Кемчуг* (до 1772 года) и *Ибрюль* в 1812 году. *Белоярская* станица на запад от Ачинска была основана казаками в начале 19 века, а *Покровское* на восток от него ссыльными в 1829 году. Лежащие на запад от Красноярска старые селения *Бугачева* (Старая Заледеева) на тракте, Ельцовка и Минина несколько южнее были пополнены в 1858—1860 г.г. казаками из Европейской России, которые до того времени служили в солдатах [1].

Если население, являвшееся на Томско-Красноярский участок тракта из Европейской России, происходило, как мы видели, преимущественно из акающих местностей, то население, переходившее на тракт из северных, более старых селений, было и в этих местностях преимущественно окающим. Об этом можно заключить и на основании того, что нам известно о составе первоначального населения Красноярска и Красноярского уезда со слов исследователя Красноярского уезда Н. В. Латкина [2]. „Первоначальные насельники Красноярска и Красноярскаго округа были Сибирские казаки, составъ которыхъ также былъ чрезвычайно смѣшанный; затѣмъ промышленники, вольные переселенцы и торговые люди изъ разныхъ, преимущественно сѣверныхъ русскихъ губерній, Пермской, Вологодской, Архангельской и Вятской. Впослѣдствіи къ этимъ вольнымъ переселенцамъ присоединились невольные, ссылаемые или административно или по суду, или пріезжавшіе сюда по служебнымъ обязанностямъ, потомки которыхъ остались въ краѣ“. „Что касается ссыльно-поселенцевъ, то составъ ихъ до того мѣшанный, что здѣсь встрѣчаются представители всѣхъ народовъ и племенъ обитающихъ въ Европейской России“. „Такимъ образомъ, хотя населеніе города и округа смѣшанное, но все-таки въ большинствѣ принадлежитъ къ великорусскому племени, говорящ с довольно чистымъ русскимъ языкомъ, и втородскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ въ сѣверной и сѣверо-восточной полосѣ Европейской Россіи, хотя въ говорѣ замѣтно сильное удареніе на букву „о“, а въ языкъ вошло немало словъ, чуждыхъ русскому языку или руссифицированныхъ туземныхъ и пришлыхъ выраженій“.

§ 8. Устройство и заселение Красноярско-Иркутского участка московского тракта.

Устройство и заселение Красноярско-Иркутского участка московского тракта происходило также постепенно.

Проложение сухопутных дорог от Красноярска до Иркутска стало необходимо и возможно только тогда, когда первые выдвинутые на юг по рекам Кану, Бирюсе, Уде и Ангаре русские опорные пункты достаточно окрепли и южные местности между ними стали сравнительно безопасны для движения по ним русских, что случилось только после упорной борьбы в течение нескольких десятилетий 17 века с киргизами и бурятами.

Занятие южной части Енисейской губернии (кроме присаянской полосы), а также Иркутской губернии осуществилось благодаря деятельности г. Енисейска, основанного в 1618 году на р. Енисее, немного ниже впадения в него Ангары, называвшейся в то время еще Тунгуской. Пользуясь обеими этими реками и их притоками, как путями сообщения, енисейские казаки покорили русской власти местности вверх по обе стороны как Енисея так и Ангары. В 1628 году были основаны на р. Ангаре вблизи устья р. Тасеевой *Рыбинский острог*, на р. Енисее *Красноярск* и на р. Кане *Канск*, имевший целью защищать аринов и катчинцев от живших за р. Каном бурят и перенесенный в 1640 году на нынешнее место. Так как Красноярск и Канск первые 15 лет своего существования были усиленно заняты усмирением аринов и качинцев и отражением киргиз и их союзников, то занятием местностей вверх по Ангаре вплоть до Иркутска и покорением по Ангаре и ее притокам бурят в это время занимался один Енисейск, прикрытый с юга Красноярском и Канском. В 1631 году был основан у Падунского порога *Братский острог*, перенесенный в 1654 году на несколько десятков верст выше, к устью р. Оки. Только по усмирении в 1635 году Николаем

---

[1]) Матеріалы, т. 4, вып. 2, стр. 9, 10, 16, 18, 22, 19. [2]) Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Очеркъ Н. В. Латкина, члена И. Русскаго Географическаго Общества. СПБ. 1892. Стр. 39—41.

Радуковская бурят вблизи Братского острога русские начинают более успешно продвигаться вверх по Ангаре и в 1637 году казачий сотник Василий Черменин подчинил в ясак тунгусов и бурят в долине Ангары на пространстве от р. Оки на западе до р. Уды на востоке. Покорение бурят по Ангаре и ее притокам правым Осе и Иде и левому Унге, несколько выше р. Уды, произошло благодаря походам сюда в 1644, 1646 и 1648 году [illegible] из Верхоленска, основанного в 1641 году [1].

К концу первой половины 17 века начинают заниматься покорением бурятских земель на востоке и красноярские казаки, разбившие в 1643 году под начальством воеводы Кобыльского киргиз, аринов и качинцев на голову. В 1647 году красноярские казаки совершили удачный поход против бурят, живших по р. р. Ие и Оке, и даже пытались подчинить себе бурят кочевавших в районе Унги и Осы что привело их к вооруженному столкновению с енисейцами которые вышли из него победителями. В 1648 году, а по Гмелину в 1644 году был заложен на восточном берегу р. Уды (Чуны) Удинский острог, носивший вначале название „Покровского городка". Хотя в 1649 году удинские буряты и возмутились перебив посланных к ним для сбора ясака казаков Покровского городка и собравшись „въ великомъ числѣ" у р. Ии с целью воспротивиться русским силой но поход красноярцев в 1652 году окончательно сломил их сопротивление. После этого удинскими казаками были объясачены и карагасы в предгорьях Саян [2]. Во второй половине 17 века, как мы видели ранее, появляются остроги *Тасеевский* на р. Усолке и *Бирюсинский* на р. Бирюсе.

Посланный из Енисейска Иван Похабов в 1646 году окончательно построил на острове Ангары против устья р. Осы *Осинский* острог и объясачил бурят вверх по Ангарѣ до р. Иркута, а в 1652 году построил при устье р. Иркута *Иркутское зимовье*, чтобы было „спосо[б]нѣе собирать" ясак с иркутских бурят. С постройкой Иркутского зимовья, превратившегося в 1661 году в Иркутский острог, вся Ангара в пределах нынешних Енисейской и Иркутской губерний была покорена русскими. Для закрепления ее приступили к постройке на ней и вблизи ее острогов. В 1654 году был построен несколько выше устья р. Унги *Балаганский острог*, что имело своим следствием присягу 1700 белагатов на верность русским и подало надежду что их примеру последуют буряты по р. р. Белой, Китою и Иркуту. Но жестокое обращение с инородцами Ивана Похабова, назначенного в 1657 году управителем Балаганского острога, повело к тому, что балаганские буряты в 1658 году перебили посланных к ним для сбора ясака русских и убежали всем народом из своих земель к „мунгаламъ"; в 1660 году в Монголию же двинулись и тункинские буряты напуганные рассказами беглецов. Еще до возвращения беглецов были укреплены острогами берега р. Ангары и двух ее левых притоков р. Белой и р. Иркута. Именно на р. Ангаре был построен ниже Балаганского острога *Яндинский острог*, а выше его *Идинский* острог. Для защиты завоеванного края от монголов были построены остроги на р. Белой *Бельский*, на ее притоке р. Голумети, *Голуметский*, а на р. Иркуте, при впадении в нее р. Тунки в 1674 году *Тункинский* острог, который в 1685 году удачно отбил осадивших его монголов. В 1686 году остроги Балаганский и Идинский на р. Ангаре, Бельский на р. Белой острог Верхоленский и слобода Бирюльская на верховье Лены были приписаны к усилившемуся к тому времени Иркутску. Убежавшие буряты стали мало-по-малу возвращаться из-за Саян и селиться в Тункинской долине и по рр. Китою, впадающей слева в Белую, и Ангаре уже после 1688 года, когда посланник Головин заключил специальный договор с шестью монголо-бурятскими тайшами о вечном подданстве их и их родичей русскому царю [3].

Только после ограждения местности будущего московского тракта острогами, опиравшимися первые десятилетия на Енисейск при помощи северных, обычно речных, путей, и после окончательного успокоения ее могла появиться мысль о

[1]) И. И. Серебренниковъ. Покореніе и первоначальное заселеніе Иркутской губерніи. Изданіе В. Ф. Хардина, Иркутскъ 1915. Стр. 1—13.—Н. В. Латкинъ. Красноярскій округъ Енисейской губерніи. СПБ. 1890. Стр. 48. [2]) И. И. Серебренниковъ. Покореніе и первоначальное заселеніе, 14, 51—52.—Gmelin, Reise 1, стр. 391—396.—Н. В. Латкинъ, Красноярскій округъ стр. 49. [3]) И. И. Серебренниковъ. Покореніе и первоначальное заселеніе. Стр. 14—18.—Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія. Томъ II. Вып. 2. Стр. 4—5.—Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, 1, стр. 112.

соединенных в один непрерывный сухопутный путь частных дорог, возникших, несомненно, между некоторыми из этих острогов и их базами, напр. между Красноярском и Канском на западе и между Иркутском и Бельским и Балаганским острогами на востоке. Эта мысль получила свое осуществление первоначально, повидимому, в зимней дороге, как более безопасной и более легкой в зимнее время, а затем в летней дороге.

По Словцову, дорога от Красноярска до Канска, как и от Енисейска до Нижнеудинска, была проторена купеческими приказчиками, которые летом и зимою ездили ею тайком для покупки мехов у карагасов и бурят. Во всяком случае она была известна в 1733 году, так как уже в следующем (1734) году по ней проехал в Иркутск налегке Беринг, хотя весь тяжелый багаж его экспедиции проследовал, по образцу купеческих товаров, обычным путем по р. Кети[1]).

Из сообщения Гмелина (от 1735 года), приведенного в предыдущем параграфе, видно, что дорога от Красноярска до Иркутска (как и от Томска до Красноярска), проходящая по степям, была найдена красноярскими служивыми после удаления в Калмыцкие земли киргиз, ранее нападавших на прилегающие к Красноярску степные местности; что на ней было достаточно воды и хорошего корма, но не было деревень, вследствие чего она была пригодна для поездки главным образом летом; что по новой дороге в виду того, что она была наиболее короткой, ездили получавшие правительственные прогоны, как летом, так и зимой, купцы же преимущественно зимой, а иногда и летом[2]). Но сам Гмелин, пожелавший в феврале 1735 года с'ездить в Канск, не мог воспользоваться этой степной, наиболее короткой дорогой, так как по ней в то время зимою еще нельзя было проехать, а поехал зимней, более северной, дорогой[3]).

В котором именно году было открыто сообщение по Красноярско-Иркутской степной, летней дороге, в точности мне неизвестно. Мне известно только, что она была измерена в 1726 году: „Красноярскій комендантъ Зубовъ въ 1726 году послалъ боярскаго сына Бахтурова измѣрить разстояніе между Красноярскомъ и Иркутскомъ, которое, по измѣреніи, опредѣлилось въ 1282 версты. При этомъ найдено, что между Красноярскомъ и Канскомъ на протяженіи 223 верст не существовало ни одного населенного пункта“ [4]). Приведенное известие об измерении в 1726 году пространства от Красноярска до Иркутска очень важно в данном случае: оно показывает, что в этом году уже реально приступали к проведению Красноярско-Иркутской степной дороги, если она к тому времени еще не наметилась.

Во всяком случае во время путешествия по Сибири *Гмелина* были в употреблении, как было сказано выше, две дороги: северная в своих крайних частях, которая была более заселена и считалась зимней, и южная, которая почти не была заселена и считалась летней.

Гмелин проехал по северной, зимней, дороге, коснувшись летней лишь по середине пути, зимою 1735 года. Зимняя дорога более летней придерживалась рек: она шла в своей западной части вниз по Енисею и вверх по р. Кану, в центральной, повидимому, через верхнее течение р. Поймы, левый приток Бирюсы р. Туманшет и р. Бирюсу, а в восточной по р. Оке, ее притоку р. Буре и вверх по Ангаре. Проследим его маршрут. Гмелин проехал вниз по Енисею через деревни *Ладейки* (у Гмелина Ладайка), *Березовку*, *Есаулово*, *Частоостровскую*, *Куваршину* (Курашину), *Шиверу* до *Балчуга* (Балчука), быстро подвигаясь вперед благодаря частой перемене лошадей. Получив в Балчуге с трудом нужное ему довольно большое количество лошадей (80) вместе с кормом для них, Гмелин перевалил по трудной лесной дороге в 24 версты на р. Кан и по ней стал подниматься вверх; останавливался два раза на пустом месте и через 50 верст приехал в *Усть-Баргинскую* (Баргинскую), где ему удалось переменить несколько уставших лошадей, а затем через д. *Курышинскую* (у Гмелина Керушинскую) прибыл 21 февраля в *Канский острог*. Так как указанная дорога до Канского острога была не вымерена, то расстояние по ней исчислялось приблизительно. Выехав 22 февраля из Канска и держась южнее нынешнего тракта, Гмелин через 30 верст сделал остановку для корма лошадей, через 8 верст переехал реку Поям, через 24 версты опять кормил

---

[1]) Словцовъ Историческое обозрѣніе Сибири. Ч. I. стр. 271. [2]) Gmelin. Reise I, стр. 363. [3]) Gmelin Reise, I, стр. 388. [4]) Спутникъ по городу Красноярску. Изданіе В. И. Шишалева. Красноярскъ. 1911. Стр. 25.

лошадей и, повидимому, ночевал, затем через лес в 18 верст и через лес в 21 версту проехал к Верблюжьей горе и только утром 24 февраля переехал через р. Тумяншет (левый приток Бирюсы), достиг недавно построенного, но черного и необитаемого зимовья. От зимовья он через 39 верст отсюда достиг р. Бирюсы, а через шесть с половиной верст Солоной речки, проехал через лес в 29 верст, утром 26 февраля кормил лошадей на речке Тырбыр, через 19 верст после очень скверной гористой и скользкой дороги опять кормил вечером лошадей у промерзшего до дна ручья, а утром 27 февраля достиг *Удинского острога*, основанного в 1644 году и имевшего только несколько караульных домов и деревню в 4 дома. *От Удинского острога до д. Тулуна* Гмелин ехал *по летней* очень хорошей, снабженной верстовыми столбами дороге. Выехав 1 июня из Удинска, он через 38 верст достиг места кормежки лошадей, а затем прибыл к р. Шабарте, где подождал прибытия лошадей из д. Тулуна; выехав отсюда в полночь, он на рассвете был в необитаемом и выстроенном специально для проезжих зимовьи (нынешнем Курзане?), а в 8 часов утра в д. *Тулуне*, лежащей на р. Ие, принадлежавшей к Илимску и состоявшей приблизительно из 10 домов. Переменив в Тулуне лошадей, Гмелин после пути в течение четырех с половиной часов достиг *зимовья*, которое было на р. Шаргуние (*Шарагуле*), впадающей в реку Ачи, являлось лучшим из виденных Гмелиным и даже имело особого хозяина. *Летняя дорога* из Удинска проходила также через это зимовье, но не была здесь отмечена верстовыми столбами, а в 10 верстах на восток от него *отделялась от зимней*. От места разделения обеих дорог Гмелин поехал прямо на восток по зимней не меренной дороге и, остановившись на ней для кормежки лошадей, прибыл к обеду в погост *Варлук* на р. Оке, состоявший из 50 слишком домов. Переменив здесь с трудом лошадей, он прибыл в д. *Уянскую или Алкинскую*, где переменил нескольких лошадей, а затем в д. *Буринскую*, которая состояла из нескольких домов и поэтому слыла в народе зимовьем. Миновав несколько юрт, он прибыл в *зимовье* с несколькими братскими юртами. По дороге, проходившей степями, на которых паслись лошади и были братские юрты, он через 19 верст прибыл к р. Ангаре и, переправившись через нее, прибыл в д. *Шиверскую*, все мужчины которой были высланы в Илимск по случаю перевоза припасов камчатской экспедиции. Дорога от Шиверской шла большей частью по Ангаре. Миновав *несколько русских домов* и братских юрт, он прибыл в *Балаганский острог* на р. Ангаре, подле которого было около 60 домов служилых людей и довольно зажиточных купцов. Получив в Балаганском остроге отличных лошадей, он прибыл ночью в д. *Евсеву*, где быстро переменил лошадей, к утру в *Идинский острог*, или *Каменки*, в котором было до 50 домов зажиточных людей, к обеду в *слободу Олонки*, которая состояла из двух больших деревень, расположенных друг от друга на расстоянии версты. Оставив здесь в стороне р. Ангару, по льду которой он большею частью ехал до сих пор, Гмелин по лесной дороге прибыл вечером в д. *Усть Балей* (у него Бале), в которой жили одни только служилые люди и поэтому не было свежих лошадей и удалось сменить только нескольких уставших, в 3 часа утра в слободу *Урик*, состоявшую из 50 слишком хороших домов городского типа и расположенную в 8 верстах от Ангары на р. Урике, притоке Куды, впадающей в свою очередь в Ангару, а в 7 часов утра в г. Иркутск[1].

По летней Красноярско-Иркутской дороге, т. е. по Красноярско-Иркутскому участку нынешнего московского тракта Гмелин ни разу не проехал сплошь от Красноярска до Иркутска. В разное время он проезжал только по западной и по центральной частям этой дороги и побывал только на самом конце восточной ее части. По западной части от Красноярска до Канска он проехал в июне 1740 года, направляясь в селения, расположенные на север от Канска по р. Усолке, впадающей в Тасееву, приток Ангары. Переправившись 16 июня через Енисей, Гмелин проехал д. *Лодейку*, р. Березову с мельницей и заночевал в д. *Березовой*; 17 июня он проехал д. *Ботой* и прибыл к обеду в д. *Кускунскую* из 5 дворов (на р. Есауловке), которая по одному из жителей называлась еще Карабейниковой и из которой в виду суровости климата один из жителей собирался переселиться на р. Рыбную; переправившись затем в карете через р. Есауловку на недавно приготовленном плоту, приблизительно через 16 верст переехал через р. Чертеж, приток Есауловки, и к ночи прибыл к р. Тенгиной, также притоку Есауловки, и заноче-

[1]) Gmelin. Reise, I. стр. 387—390, 392—395, 402—407, 410—411.

вал здесь. Дорога все время шла только полями с хорошей землей и редкими болотами [1]) 18 февраля Гмелин проехал через 5½ верст р. Ичиндат и прибыл около полудня к *зимовью* (из одного дома, для проезжих *на р. Балае*; после кормежки здесь лошадей он проехал через высокую гору и гористые поля и прибыл *в почтовую станцию на р. Уяге* (*Уярское зимовье*), живший в которой „зимовщик“ сообщил, что несколько крестьян уже просили позволения переселиться в здешние прекрасные, но необитаемые места и что им в этом было отказано. 19 февраля утром он прибыл к *р. Рыбной*, но так как переправлялись через нее только на одном плоту, то он остановился не на здешней *почтовой станции*, бывшей на правом берегу реки (*Рыбинское зимовье*), а в полуверсте выше ее по реке, у двух братьев которые только с Великого поста стали строить дом, надеялись вскоре переселить к себе несколько семей и получили уже разрешение строить здесь церковь что облегчалось тем, что один из них был дьячком, а другой пономарем и отец их дал обет построить здесь церковь. Переправившись через реку Рыбную по мосту, устроенному этими двумя братьями, он прибыл в 7 ч. вечера к зимовью у ключа, в котором зимою жил человек и которое летом стояло пустым, так как оно не было почтовой станцией (позднейшие *Ключи*), 20 июня в 7 часов утра Гмелин прибыл к большей реке *Уре*, (в 25 верстах от впадения ее в р. Кан), на которой с прошлой осени стал строить дом канский житель Федор Коснин, очень довольный богатствами здешней природы; в 10 верстах от Уры проезжал уже канскими засеваемыми полями и к вечеру прибыл в *Канский острог*. 22 июня Гмелин переправился на плоту через р. Кан и переночевал на правом берегу ее (т. е. в нынешнем *Перевозном*). Отсюда Гмелин повернул на север через р. Степной Куриш [2]).

Что касается центральной части Красноярско-Иркутской летней дороги, то о ней на расстоянии от Канска до Нижнеудинска мы не имеем никаких сведений из путешествия Гмелина. Нам известна, по описанию Гмелина, только часть от Нижнеудинска до Шерагульского зимовья в 10 верстах к востоку от которого она отделялась от зимней дороги, уходившей прямо на восток. Она была уже вымерена, причем на пространстве от Нижнеудинска до Тулуна на ней уже стояли, как мы видели выше, даже верстовые столбы. На ней находились в 1735 году Нижнеудинск, зимовье (Курзан?) за р. Шабартой, д. Тулун на р. Ие и зимовье на р. Шерагуле.

Благодаря поездкам Гмелина в 1735 и 1738 годах из Иркутска в Тельминскую фабрику и Усолье мы знаем, что на восточном конце Красноярско-Иркутской летней дороги от Усолья до Иркутска в 1735 году существовали 1) село *Усолье* с церковью на острове р. Ангары, 2) *Тельминская фабрика* в 60 верстах от Иркутска, 3) *дом* Иркутского Вознесенского монастыря на р. Китое, 4) *дом* того же монастыря на слепом рукаве р. Ангары, 5) деревня *Шилкина* и 6) после переправы через Ангару г. *Иркутск* [3]),

Судя по пространству от Нижнеудинска до зимовья Шерагула, в 1735 году летняя дорога была вымерена, в некоторых местах обставлена верстовыми столбами, обеспечена редкими зимовьями для проезжих и в некоторой степени переменными лошадьми. К 1740 году на западной части летней дороги были уже почтовые станции, состоявшие, правда, из одного зимовья с зимовщиком и начинавшие привлекать к себе переселенцев, а также пустые зимовья для проезжих, и на ней устраивались переправы через реки при помощи плотов и мостов. Частая перемена лошадей в западной части, в виду почти совершенной незаселенности почти всего ее пространства, была организована очень слабо: красноярские ямщики везли проезжих бессменно до самого Канска и, за неимением обратных седоков, возвращались домой порожняком [4])

Сведения, даваемые Словцовым при описании времени с 1742 года по 1765 год, скуднее сведений Гмелина о населенных пунктах этой летней дороги: „Далѣе Красноярска на разстояніи 622 в. находилось 3 острога: Канской, въ которомъ и въ окрестныхъ деревняхъ считалось крестьянъ и разночинцевъ 238; другой Бирюсинской съ неизвѣстнымъ числомъ жителей, и Нижнеудинской, где жило 53 души м. п. Отъ Тулуна до Иркутска земля заселена давними переселенцами“. Но зато они затем знакомятъ насъ съ хлопотами губернатора Соймонова о заселении этой летней дороги:

[1]) Через р. Тейгину Гмелин на обратном пути проехал по мосту (Gmelin Reise, 3, стр. 437). [2]) Gmelin Reise, 3, стр. 382—389, 435—438. [3]) Gmelin, Reise, 3, стр. 27—32; 2, стр. 176—177. [4]) Gmelin, Reise, 3, стр. 387, 389.

„Губернаторъ Соймоновъ, видя толь малыя становья съ трудомъ отправляющія гоньбу на большихъ пустопласьяхъ, и зная, что на семи стахъ верстахъ, между Верхотурьемъ и Тобольскомъ, сидятъ крестьянъ 7.454, полагалъ переселить оттуда ямщиков въ въ званіе крестьянъ, и мѣстныхъ крестьянъ поворотить въ званіе ямщиковъ; но Сенатъ не согласился въ 1762 г. тревожить два состоянія для одной мысли.. Не ранѣе 1768 г. были устроены изрядныя почтовыя станціи, отъ Томска по дорогѣ Иркутской", (Въ губернаторство Чичерина переселяли на этотъ трактъ крестьянъ Енисейскихъ, а къ нимъ поселяли ссыльныхъ)[1].

Через 32 года после проезда Гмелина Красноярско-Иркутский участок тракта, получившийся из прежней летней дороги, был уже достаточно устроен и заселен, что видно из отзыва о нем *Палласа*, проехавшего по нему два раза: в марте 1772 года из Красноярска в Иркутск, а в июле и августе 1773 года из Иркутска в Красноярск. При описании путешествия 1772 года Паллас говорит: „во всю дорогу, которая нынѣ отъ Красноярска до Иркуцка населена или старожилами, или новыми изъ Руси переведенцами, на станціяхъ порядокъ должнымъ образомъ наблюдается и перемѣной не задерживаютъ"[2].

Во время проезда Палласа по этому участку московского тракта на нем существовали, согласно Палласу, следующие населенные пункты: 1. село *Ладейки*; 2. д. *Березовка*; 3. д. *Батой*, „гдѣ первая лошадей перемѣна"; 4. станция *Кускун* на р. Есауловке; 5. д. *Балай* на р. Балае, впадающей в Рыбную; 6. *Уярская* (Спасо Преображенская) станция; 7. *Рыбинская* слобода (или „старое село"); 8 *Ключи*; 9. *Уринская* (современная Больше-Уринская) станция; 10. *Канский острог*; 11 *станция на р. Илани*, впадающей в Кан; 12. *Поям* на реке Поям текущей в Бирюсу; 13 новая деревня *Тин* на р. Тин, при чем оказалось, что места от Красноярска до Тина чище и дорога лучше, чем далее на восток; 14. *зимовье Ключи*; 15 *зимовье на р. Еловке*, впадающей в Кантару, в 25 верстах от Ключей; 16 многолюдная *слобода Бирюсинская* на западном берегу реки, в 15 верстах от Еловки; 17. „*Бироновское зимовье*, гдѣ только три двора". 18 д *Замзорская* (у Палласа Самарова) на реке того же имени; 19. деревушка *Ук*; 20 г. *Удинск* (современный Нижнеудинск) на правом берегу р. Уды с пригородком на левом берегу ее; 21. деревня в 6 верстах от Нижнеудинска (Усть-Рубахина?); 22. *Хингуль* (у Палласа: Хунгуй) на реке того же имени в 33 верстах от Нижнеудинска по гористой дороге; 23. *зимовье* Грязная речка, „по братски *Шабартульское*", в 33 верстах от Хингуля; 24. *зимовье Курсан* (у Палласа Курсал), последнее из принадлежавших во время проезда Палласа к Тобольской губернии, в 22 верстах от Шабарты; 25. д. *Тулунская* на западном берегу р. Ии (у Палласа Или), бывшая первой станцией Иркутской губернии, „но такъ что (так как) сія рѣка не совсемъ еще Иркутскую губернію отдѣляетъ отъ Тобольской, и потому и межи еще настоящей не назначено: ибо натуральнаго такого урочища нѣтъ, которое бъ такъ хорошо разграничивало, какъ Енисей, а симъ Тобольская губернія много бы отъ себя перепустила"; 26. *Шерагульская* станція (у Палласа: станица) на р Шерагуле, впадающей в Осей, приток Ии (у Палласа: Или), текущей в Оку; 27. пустое *зимовье* на р. Ии (Или; по видимому, позднейшее Туланское; 28. *Захаровская* станица на р. Куйтуе, в 24 верстах от пустого зимовья (современная *Куйтуйская*); 29 д. *Кимельтей* (у Палласа: Калымтей и Камелту); 30. заброшенная мельница на р. Ухтуй; 31. д *Зиминская* на левом берегу р. Оки со „станицей"; 32. оставленное *зимовье* на болоте, на левом берегу р Унги (современная Тирецкая); 33 большое село *Залара* (у Палласа Салара) на реке того же имени, впадающей в р. Унгу, с почтовой станцией; 34 большое село *Кутулык* с почтовой станцией на реке того же имени, впадающей в р. Ангару; 35. *Черемхова* станция; 36. *Тайтурская слобода* на р. Белой, в 20 верстах от ее устья; 37. д. *Мальтинская* на р. Белой; 38 д. *Китой* на р. Китое в 31 версте от Мальтинской с последней перед Иркутском станцией на которой Паллас переменил лошадей; 39 *Еловское зимовье* с мельницей на р. *Биликтуе*; 40. ***Вознесенский монастырь***; и 41. ***Иркутск***[3].

Правильная перемена лошадей во время Палласа была налажена на всем пространстве от Красноярска до Иркутска, при чем перегоны приближались к нынешним, судя по тому, что первой станцией за Красноярском являлась, как и в настоящее время, д. Ботой (Верх-Ботойское) в 30½ верстах от Красноярска, а

---

[1]) Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибири. Ч. 2, стр. 37. [2]) Палласъ. Путешествіе, III, 1. стр. 128. [3]) Палласъ. Путешествіе, III, 1, стр. 127—130, 434, 415—429.

последней Китой верстах в 50 от Иркутска. Замечание Палласа по поводу Тайтурской слободы: „(въ ней живетъ управитель, которой имѣетъ также присмотръ и за почтовыми станціями)“ позволяет думать, что в то время уже существовал правильный надзор за почтовыми станциями. Начиная с Тулуна (к Иркутску), проезжим предоставлялись заметные удобства, что вызвало такое замечание Палласа: „Какъ скоро въ Иркуцкую губернію въѣдешь, то вездѣ уже можно найтить по дорогѣ на всѣхъ станкахъ весьма покойные, свѣтлые и чистые домы для пріятія пріѣзжихъ кои содержатся отъ деревень для ихъ собственнаго облегченія“ [1]). Наиболее слабо было поставлено дело с лошадьми на самой тяжелой для проезда части этого тракта именно между Канском и Нижнеудинском. Здесь Палласу пришлось проехать на одних и тех же лошадях все пространство от Поима до Тина в 18 верст и от Тина до Ключей в 27 верст, так как новопоселенные жители Тина еще не обязаны были давать лошадей. Точно также мы находим жалобу Палласа на жителей деревушки Ук: „много лошадей здѣсь взять было не можно, и мужики не такъ, какъ въ Сибири обыкновенно водится, не приорляли лишнихъ“ [2]).

Местность, по которой пролегает Красноярско-Иркутский участок тракта, делится, по замечаниям Палласа, на три части: от Иркутска до Тулуна, от Тулуна до Канска и от Канска до Красноярска. Первая часть пролегала по приятным лугам, за исключением местности под самым Иркутском, где дорога проходила „низменными несказанными топями, на коихъ однако жительства довольно“ [3]). Совсем другое представляла вторая часть, местность от Канска до Тулуна: „Лишь только за рѣку Илю (т. е. Ию) и изъ границъ Иркуцкихъ выналишься, то нѣтъ уже больше пріятныхъ тѣхъ луговъ, гдѣ березникъ кое гдѣ рощицами (от Иркутска) попадался, но наступаютъ густые и дикіе лѣса изъ смольнаго дерева, по землѣ же топи, кои всю страну отъ Или до рѣки Кану во всемъ ея пространствѣ пограничныхъ хребтовъ по за Тунгуску (т. е. Ангару) занимаютъ и всякою дичью довольны“ [4]). В частности от Замзорской (у Палласа: Самарова) до Бояроновскаго зимовья было „болотистое дикое лѣсистое“ место, при чем дорога проходила „по полусгнившимъ и сгнившимъ колодамъ“ [5]), по пути от Бояроновского до Бирюсинской слободы приходилось ехать „предолгимъ мостомъ чрезъ топи“ [6]), а между Ключами и Тином надо было проезжать р. Решеты (у Палласа Кечети), текущую „по пространнымъ, но для дороги вымощеннымъ топямъ“ [7]) Третья часть была лучше второй: „все сіе пространство отъ рѣки Каны, почти только не до самой рѣчки Рыбной (у Рыбинскаго села) заключали чистыя поля съ обыкновенными сибирскими степными травами“ [8])

Во время путешествия Гмелина самая западная и центральная части Красноярско-Иркутского участка тракта имела, кроме городов, редкие, только что возникшие зимовья из одного дома и несколько деревень с немногими домами. Паллас дает нам сведения как о первых жителях населенных мест от Красноярска до Тулуна времен Гмелина и более ранних, так и о жителях, поселившихся здесь в более позднее время: „Рѣка Шабарта (по дороге к Тулуну) склоняется уже въ Удѣ. Станціи тутъ, такъ какъ и большая часть другихъ по дорогѣ къ Красноярску *сочастно населены мужиками изъ Енисейской провинціи*, но небольшое ихъ число за нѣсколько лѣтъ начали размножать новыми *то ссыльными, то въ зачѣтъ рекрутъ на поселеніе высланными мужиками*, коихъ однако и по сіе время еще всѣхъ не переженили. Весьма не многие еще изъ нихъ принялись за порядочное деревенское житіе, и нельзя почти надѣяться какъ развѣ изъ дѣтей ихъ выдуть лучшіе и полезнѣйшіе поселяне. *Большая ихъ половина по сю пору еще въ свободѣ*, не даютъ ниже подводъ, ниже подушное платятъ“ [9]).

Кроме приведенных общих сведений, Паллас дает также сведения относительно заселения нескольких отдельных пунктов и относительно управления заселяемыми пунктами: 1) „*Канской острогъ*“ гораздо многолюднѣе Удинскаго (Нижнеудинскаго) и лучше строеніемъ, размножается нынѣ часъ отъ часу новопоселенными, кои выстраиваютъ себѣ домы по рѣкѣ Канѣ передъ крѣпостью Буджо въ пригородкѣ. Въ немъ имѣется управитель, которой также и надъ Удинскимъ уѣздомъ и надъ всѣми къ нимъ принадлежащими Татарскими и Бурятскими поколѣніями... Подъ Канскимъ щитаютъ одинатцать языческихъ поколѣній, кои всѣ вмѣстѣ составляютъ

[1]) Паллас. Путешествие III, 1, стр. 180. [2]) Палласъ Путешествіе III, 1. стр. 426 [3]) Палласъ. Путешествіе, III. 1, 415. [4]) Там же. 421. [5]) Там же, 426—427. [6]) Там же, 427. [7]) Там же, 428. [8]) Там же, 429. [9]) Там же, 422.

247 душъ въ окладѣ" [1]); 2) в *Пойме* „шесть семей подъ становье переселены были изъ Тасевскаго острогу, что на Тунгускѣ (на самом деле на Усолке, впадающей в Тасееву, приток Ангары), и нынѣ умножены еще десятью дворами изъ колонистовъ" [2]); 3) в *Бирюсинской* слободе „есть и надсмотрщикъ надъ мужиками и надъ сосѣдственными селеніями" [3]; 4) стоявший на правом берегу р. Уды г. *Удинск* (Нижнеудинск) имел на левом берегу пригород, „который также новыми населяли мужиками... Какъ мѣстечко сіе ни мало, однако есть комендантъ изъ штабъ-офицеровъ, которой состоитъ подъ главнымъ Томскимъ комендантомъ и приказы свои разсылаетъ по двумъ карауламъ, а въ крѣпости нѣсколько казаковъ подъ собою имѣетъ. Надъ мужиками Удинскаго уѣзду поставленъ особливой управитель, которой числится подъ Канскимъ, а оба подъ Красноярскою воеводскою канцеляріею. Подъ Удинскимъ щитаются шестнатцать поколѣній языческихъ, кои вмѣстѣ составляютъ 553 взрослыхъ мужиковъ. Изъ нихъ иные изъ татаръ, а большая часть изъ буретовъ произошли" [4]).

Как видно из замечаний Палласа, большая часть Красноярско-Иркутского участка тракта, именно на пространстве от Красноярска до Тулуна (не включая последнего сюда), сначала и притом слабо была заселена енисейскими крестьянами, т. е. крестьянами из более северных по сравнению с трактом частей Енисейской губернии; затем она стала заселяться ссыльными за преступления и крестьянами, присланными в Сибирь на поселение в зачет рекрутов. Заселение первым элементом, т. е. енисейскими крестьянами, начиналось, как мы видели раньше, уже во время путешествия Гмелина, проехавшего в 1740 году в Европейскую Россию, и продолжалось около 30 лет почти до проезда здесь в 1772 и 1773 годах Палласа. Заселение же двумя другими элементами, т. е. ссыльными и крестьянами-рекрутами началось „за нѣсколько лѣтъ" до проезда здесь Палласа, вследствие чего бо̀льшая половина этих новых поселенцев, пользуясь трехлетним льготным сроком с момента переселения, не давала подвод и не платила подушной подати.

Если енисейские крестьяне, переведенные на тракт из более северных местностей нынешней Енисейской губернии, говорили по-северновеликорусски, как говорят у них на родине и в настоящее время, то крестьяне-рекруты в бо̀льшей части, а ссыльные в некоторой части происходили, конечно, из акающих губерний Европейской России.

В декабре 1823 года, т. е. через 50-51 год позже Палласа, по этому участку тракта проехал *Алексей Мартос*, автор книги „Письма о Восточной Сибири" [5]). Им упомянуты следующие населенные пункты [6]): 1) село *Лабейки*; 2) село *Березовка*; 3) станция *Батой*; 4) ст. *Кужун*; 5) ст. *Балай*; 6) ст. *Уяр*; 7) село *Рыбное*, в 55 в. от которого к югу русская деревня Аджа и села Аманашинское и Ирбейское на р. Кане; 8) ст. *Ключи*; 9) *Ура*; 10) г. *Канск* с 133 домами и 345 жителями, который был основан в 1628 году и в округе которого было уже десять с половиной тысяч жителей; 11) село *Иланское*, разделявшееся на Старую и Новую Илань; 12) селение Большое *Ингашинское*, правильно устроенное, заселенное поселенцами и заключавшее в себе более 200 домов; 13) хорошо выстроенная д. *Малая Ингашинская*, жители которой занимались хлебопашеством; 14) ст. *Поймы*, с которой сворачивают к г. Енисейску; 15) с. *Тины*, имеющее более 100 домов; 16) ст. *Ключи*; 17) д. *Черемошникова*; 18) ст. *Черемлово*; 19) *Канторa* в несколько домов на берегу р. Бирюсы; 20) *Бирюса*; 21) три *Боровковки* и соседнее богатое селение *Окульчет*; 22) *Разгонное*; 23) *Алзамай*; 24) *Замзоры*; 25) *Ново-учрежденная*; 26) *Уковская*; 27) обширная и правильно устроенная д. *Мар*; 28) *Нижнеудинск* с 54 домами и 380 жителями, в округе которого было русских до 12 тысяч; 29) ст. *Хингуй*; 30) *Худая Елань*; 31) *Шабарта*; 32) *Курзан*; 33) *Тулун*; 34) *Шарагул*; 35) „*Иланз*" (Тулин?); 36) *Куйтун*; 37) на *лиственном бору*; 38) *Кимильтей*; 39) огромное село *Зима* с 120 домами; 40) д. *Тырец*, населенная крещеными ясачными бурятами; 41) правильно выстроенная *Залари*; 42) такой же *Кутулик*; 43) такое же правильное *Черемхово*; 44) станок *Половинный*; 45) село *Тайтурка*; 46) богатейшее село *Мальта*; 47) обширный *солеваренный завод*; 48) *Тельминская фабрика* в виде целого городка; 49) село *Биликтуй*; 50) *Зуя* (восточнее Сухой); 51) селение *Жилкино*, правильно расположенное и почти примыкающее к Вознесенскому монастырю, который был основан в 1672 году и имел 853 души крестьян и к которому были

[1]) Палласъ. Путешествіе, III. 1, стр. 429. [2]) Там же, 428. [3]) Там же, 427. [4]) Там же, 423. [5]) А. Мартосъ. Письма о Восточной Сибири, Москва. 1827. [6]) Там же, 8—31.

приписаны Посольский монастырь с 220 душами и братская Спасская пустынь. 52) *Иркутск.*

Как видим, за 51 год, прошедший со времени проезда здесь Палласа до проезда А. Мартоса, на этом участке тракта произошли заметные изменения. Встречаются и вновь селения, как по тракту (Б. и М. Иногашинское, Черемошниково, ст. Черемхово, Разгонное, Алзамай, Новоучрежденная, Марь, Худая Елань, на Лиственном бору, Половинный), так и вне его (д. Аджа и села Айманашинское и Ирбейское). Незначительные зимовья и деревни превратились в большие селения (напр. Зима, Билитуй). Русское население по тракту и вне его возросло во много раз.

Рассмотрим дальнейшее заселение тракта на пространстве от Красноярска до Тулуна отдельно по Красноярскому и по Нижнеудинскому уездам (а ранее округам).

В *Красноярском уезде*, который начинается Малокемчугской станцией на левой стороне Енисея и кончается Тертежской станцией и д. Тингиной на правой стороне Енисея, была остановлена в 1802 году часть поселенцев, направлявшихся за Байкал, но задержанных в пути в виду дороговизны хлеба в Иркутской губернии и неприготовленности поселений за Байкалом [1]). В 1805 году в Красноярском округе были водворены с освобождением на 3 года от уплаты податей кавказские переселенцы [2]). В начале 19 века были населены крестьянами в зачет рекрут Кускун, существовавший уже при Гмелине в 1740 году, и Тертеж (повидимому, впервые [3]). В 1861 году были основаны солдатами, опороченными по службе, переселенными в Сибирь с семьями и переименованными здесь в казаков, станица Тенгинская на тракте и Нижнеесаульская на р. Енисее [4]).

В Нижнеудинском уезде, в состав которого вошли все селения, начиная от Канска, так как река Кан в начале 19 века была границей уезда и в то же время отделяла Томскую губернию от Иркутской [5]), в 1802 году между р. Каном и р. Окой, согласно предложению Селифонтова, было поселено 769 душ из числа 1454 душ, прибывших в Иркутск в 1801 году в счет 2000, которые должны были быть переселены в Иркутскую губернию и в Забайкалье по приказанию имп. Павла, согласно проекту 1799 года. По свидетельству стат. советника Лабы, в 1805 году в Нижнеудинском округе „водвореніе производилось съ худымъ успѣхомъ и только малыя сдѣланы къ тому приготовленія". В виду того, что по поводу неудачного переселения за Байкал указанных 769 и 1454 душ Сенат приостановил в январе 1802 года до указа дальнейшую высылку помещичьих крестьян, ссылаемых за продерзости, можно догадываться, что и эти 769 душ были из числа помещичьих крестьян [6]).

По плану и положению 29 июня 1806 года для поселения в Сибири было приказано поселение в Нижнеудинском округе увеличить на 1000 человек и водворять в Томской губернии преимущественно государственных крестьян, а в Иркутской всех прочих. Выполнение этого приказания о заселении Нижнеудинского округа, Томской губернии и Забайкалья приводилось Пестелем в исполнение с некоторыми отступлениями [7]).

Заселение Нижнеудинского округа, согласно плану 1806 года, было возложено на исправника Лоскутова. Лоскутов ведал этим делом 10 лет, с 1809 по 1819 год, когда он был отстранен от должности Сперанским. Центром переселенческого управления здесь была Бирюса. За время своего управления переселенческим делом Лоскутов устроил 18 поселений по тракту от р. Кана до Нижнеудинска. При помощи жестокой дисциплины он довел их до наружного благоустройства, но жители устроенных им селений, вследствие его вымогательств и других злоупотреблений, были так бедны, что по истечении льготных лет не могли уплачивать ни податей, ни ссуды.

Ко времени приезда в Бирюсу в августе 1819 года Сперанского в Бирюсинской волости находилось 18 вновь устроенных и 30 старожильческих селений, а всего 48 селений с 4002 душами. По приказанию Сперанского из нее были сделаны

---

[1]) Андріевичъ. Сибирь въ XIX столѣтіи. Ч. I. СПБ. 1889. Стр. 63. [2]) Андріевичъ II, 76. Повидимому, это те же переселенцы, которые направлялись за Байкал; ср. Андріевичъ, I, 54—55. [3]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственного быта сельского населенія Иркутской и Енисейской губерній. Енисейская губернія. Т. IV, Вып. 2, Иркутскъ. 1893, стр. 8. [4]) Матеріалы, IV, 2, стр. 19. [5]) Андріевичъ II, 318. [6]) Андріевичъ, I, 63; II, 65—68. [7]) Андріевичъ II, 69—71. — Вагинъ. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанского въ Сибири съ 1819 по 1822 годъ. Томъ первый. СПБ. 1872. Стр. 224.

две волости: Бирюсинская и Иланская (Еланская). Во вновь образованную Иланскую волость (на восток от Канска) вошло 19 селений с 1902 душами, из коих было 8 новых селений с 1071 душой и 11 старожильческих селений с 831 душой. В Бирюсинской волости (восточнее Иланской вол.) осталось 29 селений с 2100 душами, из коих было 10 новых селений с 740 душами и 19 старожильческих селений с 1 360 душами [1]).

К числу устроенных Лоскутовым до 1819 года селений относится между прочим Алзамай на восток от Бирюсы. Названия 17 остальных устроенных Лоскутовым селений мне в точности, по документам, неизвестны. На основании данных о существовании известных деревень и зимовий уже при Палласе и на основании данных о возникновении некоторых селений позже устранения Лоскутова можно догадываться, что при Лоскутове могли возникнуть по тракту Канскоперевозинская (но начатки ее были уже при Гмелине), Карапсель, Степанова, Верхнеингашевская, Нижнеингашевская, Новопоимская, Решоты, Черемшанская, (Черемхова), Конторское, Окульшет, упомянутый уже Алзамай, а также, может быть, Камышетская и Марская [2]).

Из каких именно мест происходили жители этих 18 селений, неизвестно, но, судя по тому что это были все поселенцы, приходится заключить, что они происходили из разных местностей как окающих, так и акающих. Некоторые из них попадали сюда не прямо из Европейской России, а предварительно поживши в Западной Сибири; так относительно алзамайского поселенца Емельяна известно, что ранее он был барабинским крестьянином и попал в Алзамай потому, что на Барабинском участке тракта с ним ничего не могли сделать, и что в Алзамае вследствие жестокой дисциплины Лоскутова и того, что бежать оттуда было некуда, он исправился и стал старательным крестьянином [3]). По данным 4 тома „Материалов", крестьянами в зачет рекрутов была заселена в начале 19 века *Нижняя Пойма* Тинской волости, которая была пополнена переселенцами, повидимому, в начале тридцатых годов, а затем стала пустеть [4]), а ссыльными были основаны *Канско-Перевозинское* у Канска (при Лоскутове до 1819 года), *Больше-Ингашевское* (до 1823 года) [5]), *Черемховское* (около 1800 года?) [6]), Окульшет, (Алгашет в начале 19 века) [7]).

Селения, расположенные на север от тракта и находящиеся в пределах нынешнего *Канского округа*, основаны в большинстве случаев задолго до открытия Красноярско-Иркутского участка московского тракта.

Из селений, расположенных на запад от Канска, селение *Барга* на р. Кане при впадении в него р. Барги основано почти одновременно с Канском (до его перенесения в 1640 году на нынешнее место). Расположенные выше на р. Барге Троицко-заозерное и Высотино заселены, по мнению местного населения, в первое время колонизации края [8]).

Наиболее старые селения Тасеевской волости Канского уезда, расположенные на север от Канска по р. Усолке, впадающей в р. Тасееву, левый приток Ангары, заселены, повидимому, ранее второй половины 18 века экономическими крестьянами. К таким старым селениям принадлежат с. *Глинское*, существующее третье столетие, и д. Т[illegible], выходцы из которой основали ранее 1793 года селения *[illegible]новское* и *Денисовское* по р. Тодою, левому притоку Усолки. Расположенный ниже Глинского на той же Усолке *Троицкий солеваренный завод* заселен был, вероятно, ссыльно каторжными [9]).

Левый берег р. Бирюсы на север от тракта был заселен в конце 17 века или в начале 18 века исключительно выходцами Енисейского уезда с р. Ангары. Так, напр., *Шелаевское* селение основано около 1693 года крестьянами из д. Богучан, а д. *Бузыканова* выходцами из д. Бузыкановой Пинчугской или Кежемской

---

[1]) Вагинъ, стр. 226—227, 228 231, 587. Андріевичъ, II, 318—320. [2]) Можно бы извлечь нужные указания из работы „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Енисейская губернія Т. IV Вып 2". Иркутскъ 1893. Но эти указанія, основанные на устных показаниях крестьян, оказываются при сличении с данными, напр., Палласа, неточными и к ним приходится относиться с осторожностью. [3]) Андріевичъ II. 318—319. [4]) Матеріалы, т. 4. 2 вып., стр. 6—14. [5]) Там же, 23. [6]) Там же, 21. [7]) Матеріалы... Иркутская губернія. Т. II вып. 2. Москва. 1890, стр. 25.—Указаніе на Зимовье, существовавший уже при Палласе, [illegible].—[8]) Матеріалы, т. 4, вып. 2, стр. 10—11.—[9]) Матеріалы, т. 4. вып. 2, стр. 10. 6.

волости с р. Ангары. Селения Шалаевской волости, заливаемыя водою во время наводнений, переселялись с одного берега р. Бирюсы (Оны) на другой; к ним принадлежат Бузыканова, Тремина, Шалаева, Лапина, Соколова и Хандальская. Лежащая на той же Бирюсе, но ближе к тракту старая деревня *Нижняя Заимка* заселена уже другими элементами: крестьянами в зачет рекрутов. На запад от Канска крестьянами же в зачет рекрут основана д. *Налобина* (Притыка) Рыбинской волости на р. Барге, на север от тракта, а ссыльными в 1829 году д. *Бородина* на тракте. [1]) На восток от Канска были основаны в 1829 году ссыльными на тракте *Ловатское*, *Елизаветинское* и *Лавинское* при р. Бирюсе, [2]) а *Тинская* была пополнена в 1861 году казаками из опороченных солдат. [3]) Впоследствии Елизаветинская и Решеты дали начало новым населенным пунктам: выселившиеся из них жители основали заимки Фамичеву, Кучерцову, Трофимову и др [4]).

Рассмотрим теперь заселение местности от Тулуна до Иркутска, насколько это удалось мне выяснить до настоящего времени.

Заселение этой местности русскими началось во второй половине 17 века после того, как она была закреплена за русской властью при помощи острогов Братского (1631 г), Яндинского, Балаганского (1654) Осинского (1646), Илимского и Иркутского (зимовье с 1652 года, острог с 1661 года) по р. Ангаре, Бельского и Голуметского по рр Белой и Голумети и Тункинского (1674 г) на р. Иркуте.

Большинство крестьянских селений современных Нижнеудинского, Балаганского и Иркутского уездов Иркутской губернии, как показывают специальные карты распределения земли в этих уездах между русскими и инородцами расположено по берегам р. Ангары и около московского тракта; огромные же пространства земель в Нижнеудинском (90%) и Иркутском (83%) уездах и менее значительные в Балаганском (51%) до сих пор относятся к разряду пустопорожних незаселенных и не эксплуатируемых земель [5]). Из указанных крестьянских селений наиболее старыми являются современные крупные селения Иркутской губернии, которые расположены по берегам р. Ангары и которые как подобные же селения по берегам других значительных рек и озера Байкала, возникли в большинстве случаев в 17 веке. Селения же, расположенные в полосе московского тракта, как и вообще вдали от крупных рек, возникли позже [6]), так как здесь русским некоторое время приходилось опасаться соседства с немирными туземцами. [7])

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют до известной степени проследить заселение местности по Ангаре и ее притокам, по которой впоследствии проходил зимний тракт и которая расположена главным образом на севере от современного московского тракта, или от прежней летней дороги.

В 1653 году поселяется 60 крестьянских семей около Балаганского острога, т. е. вернее на правом берегу р. Ангары против будущего Балаганского острога и существовавшего уже тогда Осинского острога [8]). Повидимому, эти крестьяне перечисляются в крестьянской книге „новаго Брацкаго Балаганскаго острога“ за 1654 год в качестве поселенных здесь в 1653 году. В 1654 году сюда же были присланы 35 семей „московскихъ ссыльныхъ разныхъ чиновъ людей“. Последние немедленно же по переселении обратились к местной власти с челобитьем о переводе к ним их жен и детей, что и было исполнено [9]).

В 1688 году был издан указ о водворении между р. Окой и Иркутском 500 крестьянских семей, пришедших в Западную Сибирь после переписи Пескочича [10]). Принимая во внимание небольшой промежуток времени с основания Иркутска (зимовья с 1652 года, а острога съ 1661 года), незаселенность русскими р. Ангары, которая в то время являлась единственным путем сообщения Иркутска с Енисейском, а также нужду в местном хлебе основанных на правом берегу р. Ангары острогов Иркутского, Идинского и Яндинского, я думаю, что эти 500 семей были поселены главным образом по правому берегу р. Ангары вокруг и вблизи упомя-

[1]) Матеріалы. Т 4, вып. 2, стр. 10, 7, 6, 22 [2]) Там же, 22, 27. [3]) Там же, 19. [4]) Там же, 22, 19. [5]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутск й и Енисейской губерній. Иркутская губернія. Т. II. Вып. 2, Москва. 1890 стр. 47 [6]) Серебренниковъ. Покореніе и первоначальное заселеніе Иркутской губерніи. Иркутскъ. 1915, стр. 55.—Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи Иркутскъ 1915, стр. 4 [7]) Серебренниковъ Первоначальное заселеніе. 1. [8]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній Иркутская губернія Т. II. вып. 2. Москва. 1890. Стр 7 и карта Балаганскаго уѣзда. [9]) Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе, стр. 18.—Серебренниковъ Покореніе и первоначальное заселеніе, 66 [10]) Матеріалы. Иркутская губернія. Т. II, вып. 2, стр. 8.

нутых острогов и только в незначительной части могли быть поселены и на левом берегу р. Ангары, по которому впоследствие прошел московский тракт.

Предыдущее заселение главным образом правого и отчасти левого берега р. Ангары, вниз от Иркутска, позволило позже заняться заселением местностей, расположенных уже подальше от р. Ангары и от острогов, сзади заселенных ранее местностей. В 1691 году было прислано в Иркутск на государеву десятинную пашню 160 человек, среди которых было 106 женатых и 54 холостых. Из них в Иркутске было поверстано в посадские люди 10 человек мастеровых, а возле Иркутска, в д. Урикской на запад и д. Разводной на восток от него, было поселено три человека. Остальные были поселены подальше от Иркутска: 61 семья на правой стороне Ангары на р. Оёке, впадающей в Куду с правой стороны, а 40 семей по левой стороне Ангары, именно по р. Белой, впадающей в Ангару с левой стороны и пересекающей современный московский тракт [1]. В 1697 году было поселено в Иркутском уезде (но неизвестно, где именно) 500 семей хлебопашцев из Верхотурья [2].

К 1701 году, судя по „Чертежной книгѣ Сибири“ С. Ремезова [3], русское население по Ангаре и ее притокам, главным образом на севере от современного московского тракта и прежней летней дороги, распределялось следующим образом.

По р. Ие самый южный русский населенный пункт находился только при ее впадении в Оку, где, судя по 14 листу „Чертежной книги Сибири“ жили „переведенцы“.

По р. Ангаре, судя по 16 листу, русские крестьяне указаны в трех местах. 1) „От устья (р. Илима) до Каты п (80) верст, а по обѣ стороны живутъ Ілимскіе крестьяне“; 2) „Вверхъ по Ангаре (от устья Илима) до Шаманскаго порогу лд (34) версты, живут крестьяне і кочюют ілимские ясашные иноземцы“; 3) „отъ Янданскаго (острога) вверхъ по Ангаре до Балаганск й межи, Верхней Еловки речки, ке (25) верстъ, живут ілимскіе пашенные крестьяне по левой стороне“.

По правому притоку р. Ангары р. Илиму 1) „От Илимска (города) вниз до устья рд (104) версты, а живут по обоим сторонамъ крестьяне“; 2) „От Илимскаго (острога), вверхъ по Илиму, до Подволошно Кочерги рнѕ (156) верстъ живут по обѣ стороны Ілима рѣки Ілимскіе пашенные крестьяне, и перекочевывают ілимские ясачные іноземцы для своего корму с речки на речку“ [4].

Распределение населенных пунктов, имеющееся в „Чертежной книгѣ Сибири“, показывает, что к 1701 году русскими были заняты главным образом правая сторона р. Ангары и правые ее притоки, левая же сторона и левые притоки Ангары были заняты сравнительно слабо только вблизи острогов. Именно на правом берегу р. Ангары находились, начиная с Братского острога следующие пункты: Якиевская Подволошная, Янданский острог, Оса, Бумашкина, Идинский острог слобода, Бурѣть (Буретская), Ольхонская (Олонки), Зверева (Усть-Белой?). Усть Кудинская (Удинская) слобода, д. Маркеловых (на левой стороне Куды, против Усть Кудинской), Дѣвій монастырь, Иркутск. Также много селений было и по левому притоку Ангары р. Куде; на ней одной находилось, кроме двух уже упомянутых селений при устье Куды, еще шесть селений: на левом берегу Оёкская слобода, д. Талкинская и Кудинская слобода; на правом берегу—Хомутовская, д. Граненых и Урикская слобода. Между тем на левом берегу р. Ангары находились только зимовье, железные заводы (?), Байдайская слобода, Усолье, Вознесенский Иркутський монастырь. По левому притоку Ангары р. Оке были только три деревни да и те на севере, в самом нижнем течении Оки: Большая, Ермакова и Кодинская. Точно также мало было селений по р. Белой: кроме двух острогов Голуметского (Голуметской) и Бельского (Стретенская Бельская слобода), были только д. Курдюкова (против Бельского острога) и мельница Иркутского монастыря на р. Малтае [5].

Рассматриваемая местность несколько севернее московского тракта стала еще более населенной к началу 1735 года, когда по существовавшей в ней земьей

[1]) Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе, стр. 6, 18.—Серебренниковъ. Покореніе и первоначальное заселеніе, 66-67. [2]) Матеріалы, II 2. стр 7.— Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе 19 [3]) Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году. СПБ. 1882—И. И. Серебренниковъ. Иркутская губернія въ изображеніи „Чертежной книги Сибири“ Семена Ремезова. Иркутскъ. 1913. [4]) Серебренниковъ. Иркутская губернія, стр. 1. [5]) Серебренниковъ. Иркутская губернія. 19 и чертежи 18 и 20, 16 и 18, 14 и 15 в „Чертежной книгѣ Сибири“—Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе, 15-16.

дороге довольно удобно проехал Гмелин. Здесь на зимней дороге, как мы видели ранее (47 стр.), находились уже Шарагульское зимовье погост Бозлук, д. Уянская, зимовье с братскими юртами, д. Шиверская на правом берегу р. Ангары, несколько русских домов и братских юрт. Балаганский острог, д. Евсеева, Иданский острог или Каменка, слобода Оёчки, д. Усть Балей, слобода Урик и наконец Иркутск. У Гмелина имеются сведения и о количестве домов в некоторых населенных пунктах зимней дороги.

Цельного описания или, по крайней мере, перечня населенных пунктов от Тулуна до Иркутска по тогдашней летней дороге, или по современному московскому тракту, у нас нет ни за 1735 год, ни за ближайшие к нему годы. Благодаря поездкам Гмелина в 1735 и 1738 году из Иркутска в Тельминскую фабрику и Усолье мы знаем, что на восток от р. Белой, на Красноярско-Иркутском участке тракта от Усолья до Иркутска в 1735 году существовало 1. с. Усолье с церковью па острове Ангары, 2. Тельминская фабрика в 60 верстах от Иркутска 3. дом Иркутского Вознесенского монастыря на р. Китое, 4. дом того же монастыря на слепом рукаве р. Ангары, 5 д. Шалкина и 6, после переправы через Ангару г. Иркутск [1].

Первоначальное население упомянутых и других неизвестных нам пока старых селений на пространстве от Тулуна до Иркутска было в 17 и начале 18 века по преимуществу из северных местностей Европейской России и по говору по северновеликорусски. Такое заключение можно сделать, как на основании приведенных выше (см. 51 и 55 стр.) данных о заселении этой местности, так и на основании вывода, к которому пришел Серебренников при рассмотрении заселения в 17 веке всей Иркутской губернии: „Большинство первыхъ поселъниковъ Ангаро-Ленскаго края, какъ и всей Сибири вообще, были выходцами съ сѣвера Европейской Россіи, нынѣшнихъ великорусскихъ губерній: Архангельской и Вологодской и смежныхъ съ ними. Уроженцы другихъ районовъ тонули въ общей массѣ сѣверянъ, уроженцевъ Устюга, Яренска, Пинеги, Соли Вычегодской, Мезени, Усть-Цыльмы и другихъ мѣстечекъ Сѣверной Руси XVII-го вѣка. Сѣверяне несли сюда съ собою свои привычки, навыки, свои преданія, и пѣсни, и свой говоръ. Они строили здѣсь свои шатровыя церкви, рубили остроги и города такъ же, какъ привыкли строить ихъ и у себя на родинѣ; любили украшать церкви, какъ и дома, „бочками", занося сюда излюбленные мотивы сѣверно-русскаго архитектурнаго творчества. Несмотря на постоянное общеніе съ инородцами, русскіе насельники сохранили здѣсь въ чистотѣ свой великорусскій говоръ, наиболѣе близкій къ русскому литературному языку" [2]).

Население, являвшееся на эту часть тракта позже, отличалось уже по своему происхождению.

Так на запад от р. Оки были основаны в 1858—1861 годах бывшими солдатами, перечисленными в казаки, казачьи станицы в Куйтунской волости на юг от тракта, между реками Ией и Окой. Среди этих станиц находилась, повидимому, Александро-Невская станица, жители которой ухитрялись угонять у соседних крестьян целые табуны скота и которая на 40 верстной карте значится, повидимому, под именем Александровской [3]).

В начале 19 века на восток от р. Белой были основаны ссыльными села *Лужки* (повидимому, Узкий Луг на р. Белой, между Мальтинским и Бельским), *Суховское* и *Боковское* [4]).

О заселении некоторых пунктов от р. Белой до Иркутска у нас имеются более подробные сведения.

10 марта 1798 года было повелено расселить по деревням, не ближе 60 верст к Иркутску (кончая, следовательно по московскому тракту Тельминской, находящейся в 60—62 верстах перед Иркутском), не облагая подушным окладом с предоставлением права снискивать пропитание собственным трудом. 98 престарелых и негодных к работе человек из тех 142 мужчин и 5 женщин, которые отправлялись в Нерчинск на работу и поселение. Кроме того в 60 верстах от Иркутска в то же время было предписано селить всех престарелых и увечных, неспособных к работе из числа приговариваемых к работе в крепостях. О всех

---

[1]) Gmelin, Reise. 3, стр. 27—32; 66—67; 2, стр. 176—177; 178—179. [2]) Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе; 27—28. Серебренниковъ. Покоренiе и первоначальное заселеніе, 79—80. [3]) Матеріалы, II, 2, стр. 12, 13, 14, 15. [4]) Матеріалы, II, 2, стр. 35.

поселыщиках такого рода, предназначенных к добыванию себе пропитания собственными трудами в 60 верстах от Иркутска, было приказано доказывать государю при каждом их отправлении. К 1800 году всех поселенных в 60 верстах от Иркутска было в Иркутской губернии, по донесению военного губернатора Леццано, 308 человек [1].

В 1805 году Лаба признавал Иркутский уезд достаточно населенным и считал нужным селить людей за Байкалом в пунктах главных сообщений [2].

Кроме этих общих сведений о заселении данной местности, у нас имеются сведения о заселении здесь *Тельминской фабрики, Биликтуйской слободы и ближайших к ним селений.*

Тельминская фабрика получила свое начало от железоделательного завода, заложенного, по Гмелину, в начале 1733 года по приказанию комиссара Тимофея Бурцева для Камчатской экспедиции; но уже осенью 1734 года, в виду плохого качества железа, работа на нем была прервана, а приготовленный для постройки материал и машины охранялись до 1735 года 15 служилыми из Идинского острога в 60 верстах ниже по Ангаре. Вместо завода были заложены две мельницы, из которых одна была при заводских домах. В 1737 году мельницы вместе с правом устроить суконную фабрику были переданы за 1500 руб. Сибирским приказом в Москве четырем жителям Иркутска. После этого была заложена третья мельница, с осени 1737 года стали прясть шерсть и затем делать сукно [3]. Мартос называет основателем Тельминской фабрики великоустюжского купца Якова Бобровского с товарищами. К 1789 году фабрика перешла к Сибиряковым, а от последних в 1793 году вместе с 87 душами крестьян в ведение Иркутского комиссариата. Заведывавший ею кригс цалмейстер Новицкий, заботясь о развитии ея, выпросил в 1797 году разрешение государя выбрать для нее людей по сибирским губерниям, построить здания в ней и в соседней Биликтуевской слободе и приписать к фабрике Биликтуевских крестьян. По тракту от Казани до Иркутска он набрал 1700 рабочих обоего пола, доводя число рабочих на фабрике иногда до 2000 человек. В 1798 году он просил довести комплект рабочих до 1600 человек, а в 1800 году уже до 5500 человек. 10 марта 1798 года было разрешено отдать на эту фабрику в распоряжение Новицкого 44 человека из отправлявшихся в Нерчинск на работу и поселение. В марте того же 1798 года было приказано ссылать туда преступниц женского пола для „умноженія и успѣшной отработки заведенной на оной ремеслъ и издѣлій". В середине 1800 года на этой фабрике было рабочих мужчин 1736 человек. В ноябре того же 1800 года состоялось распоряжение о досылке на [illegible] суконную фабрику 3.764 человек, согласно просьбе Новицкого. В состав [illegible] 3.764 человек должны были войти как сосланные на эту именно фабрику, так и сосланные в Иркутск и Нерчинск на поселение. К 1 апреля 1802 года на фабрику удалось набрать до 2340 человек, поступивших сюда из разных мест государства (более 500 мужчин и женщин сверх штатов были уже на ней в ноябре 1800 года). 1-го апреля 1802 года было приказано сократить деятельность этой фабрики, оставить на фабрике только 500 человек, а остальных рабочих, т. е. 1840 человек, расселить по ближайшим селениям, обратить жителей Биликтуйской слободы по прежнему в государственных крестьян с освобождением на 2 года от уплаты податей и возложить постройку новой суконной фабрики на р. Тельме на государственное казначейство [4].

Из этих указаний мы видим, что в конце 18-го и начале 19-го века по тракту на запад от г. Иркутска (в Тельминской фабрике, Биликтуйской слободе и окрестных селениях) селили людей из разных местностей Европейской России и, следовательно, с разными русскими говорами. Смешение и слияние их в одно целое привело к образованию населения с средневеликорусским переходным говором, о чем можно догадываться на основании замечания: „Самое чистое русское населеніе, отличающееся красотой и пріятнымъ московскимъ говоромъ говоръ сибиряка весьма отличенъ отъ россійскихъ говоровъ, встрѣчается въ Тельмѣ, Усольѣ, с. Александровскомъ", т. е. тамъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ потомковъ каторжныхъ еще лишь во 2-мъ и 3-мъ поколѣніи" [5].

---

[1] Андріевичъ Сибирь въ XIX столѣтіи. 1, стр. 56 [2] Андріевичъ, II, 68. [3] Gmelin, Reise, 2, стр. 176—177; 3, стр. 31—32 [4] Андріевичъ. I, стр. 56—59. А. Мартосъ, Письма о Восточной Сибири, стр. 218—229. [5] Матеріалы, Т. II, вып. 2, стр. 86

Иркутский Вознесенский монастырь был основан в 1672 году, т. е. через 20 лет после постройки Иркутского зимовья, но пустынь старца Герасима существовала здесь до 1672 года [1]).

Относительно заселения самого Иркутска у меня имеются следующие сведения. Иркутское зимовье было построено в 1652 году боярским сыном Иваном Похабовым, а Иркутский острог его братом Яковом в 1661 году. В первые десятилетия по основании в нем жили казаки, которые обороняли его и предпринимали из него дальнейшие походы, а затем в нем появились и посадские люди. В 1673 году в Иркутске было 25 казаков, в 1681 году—41. В 1699 году в нем было уже довольно много военных людей: два московских дворянина, 11 боярских детей, 4 подьячих приказной избы, 143 конных и 150 пеших казаков и соответствующее количество десятников и пятидесятников. Кроме того к этому времени в Иркутске были поселены „въ вѣчное житье" присланные туда служилые люди из сибирских городов: из Туринска и Сургута по 15 человек, из Верхотурья—26 и из Березова—9. Увеличилось здесь также к этому времени число ружников: кроме священника и диакона было 2 дьячка, пономарь и просвирница. Посадских людей было в Иркутске в 1681 году—27 дворов, в 1686 году—32 и в 1698 году—110 [2]. По предположению Головачева общая численность служилого и посадского населения Иркутска в конце 17 века достигала 1000 человек [3]) По словам А. Мартоса, „выгодное мѣстное положеніе, богатство промысловъ отвсюду привлекали сюда толпы новыхъ гражданъ; впослѣдокъ во время извѣстнаго стрѣлецкаго бунта многіе *Московскіе* янычары переселены сюда же, и вотъ причина, что, не смотря уже на четвертое поколѣніе, здѣсь родившееся, вы найдете какую-то особенную стрѣлецкую характеристику въ жителяхъ Иркутска и другихъ городовъ Сибири" [4]). В 1735 году в Иркутске было 939 жилых домов, таможня, и население его составляли по большей части купцы, служивые, дети боярские, дворяне и различные ремесленники, при чем в чем были купцы почти из каждого города Европейской России [5]). В 1799 году губернатор Леццано основал в Иркутске из ссыльных ремесленный дом, поселив рабочих за Ушаковкой в слободе, которая называется Ремесленной слободой, насчитывала впоследствии до 400 домов и населена преимущественно ремесленниками, потомками ссыльных, работавших в ремесленном доме; последние (т. е. ссыльные), по окончании сроков, устраивались около этого дома и заводили хозяйство, продолжая вместе с детьми заниматься своими ремеслами [6]). Вот какой был состав населения Иркутска в 1824 году. В это время в нем насчитывалось 15 646 человек обоего пола. Из них половину населения составляли служащие разных наименований (духовные, чиновники, солдаты, кантонисты, служители, казаки городового полка и т. д.), а другую половину—постоянные жители (купцы, мещане, цеховые, мастеровые, крестьяне, поселенцы и т. д.) [7]). Кроме того надо принять во внимание, что в нем происходила значительная торговля, при чем в 1824 году в нем торговали не только свои но и иногородние купцы как сибирские (Тобольские, Тарские, Томские, Красноярские и Енисейские), так и из Европейской России (Московские, Тульские, Вологодские, Тотемские, Сольвычегодские, Суздальские, Торопецкие и Устюжские) [8]. Уже из этих немногих данных мы видим, что постоянное население Иркутска в 18 веке пополнялось (в низах) людьми, происходившими из разных мест Европейской России (главным образом из Великоруссии) и что среди них были и несомненные москвичи, а в 1824 году половину его населения, которые скорее прочего населения составляла служащая интеллигенция и военные, которые скорее прочего населения отказываются от своих местных особенностей в говоре, и в нем были купцы как из окающих мест Европейской России и Сибири (Вологды, Тотьмы, Сольвычегодска, Суздаля, Устюга, Тобольска и Енисейска), так и из акающих (Москвы, Тулы, Торопца и Тары).

Предыдущее исследование о заселении Красноярско-Иркутского участка московского тракта показало нам, что он, как в части от Красноярска до Тулуна, так и в части от Тулуна до Иркутска, заселялся на первых порах людьми из северных частей Сибири, говорившими по северно великорусски, а впоследствии

---

[1]) Серебренников. Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи. Иркутскъ 1915. Стр. 6. [2]) Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе Стр. 8—9. [3] Н. М. Головачевъ. Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVII вѣка. Первое столѣтіе Иркутска. СПБ 1902. [4]. Мартосъ, 215—216. [5] Gmelin. Reise, 2 стр. 159—166. [6]) Андріевичъ, I, 63. А. Мартосъ, 178.—Какъ заселялась Сибирь, 13 стр. [7]) А. Мартосъ. 213, 147—148. [8]) А. Мартосъ, стр. 156.

людьми из разных губерний Европейской России (преимущественно крестьянами в зачет рекрутов, ссыльными и солдатами), говорившими не только по северно-великорусски, но также по средне-великорусски и по южно великорусски главная часть их состояла в то время, конечно, из великорусов (ср 49. 51. 53, 56, 57; стр.) Вследствие такого происхождения жителей на Красноярско Иркутском участке московского тракта, как и на Тарско-Томском и Томско-Красноярском участках этого же тракта, должно было получаться смешанное население, первоначальную основу которого составили северно-великорусы.

§ 9. *Устройство и заселение Иркутско-Кяхтинского и Верхнеудинско-Нерчинско-заводского участков московского тракта.*

Устройство и заселение Иркутско Кяхтинского и Верхнеудинско-Нерчинско-заводского участков московского тракта находились в связи с занятием русскими и окончательным закреплением за Россией Забайкальской области.

Занятие Забайкальской области, как и других сибирских областей, началось с севера и произошло благодаря энергии енисейских казаков. В 1640 году енисейский атаман М. Перфирьев, поднимавшийся вверх по Витиму и Цыпе, взял ясак с тунгусов, живших по р. Цыпе и по Витиму, вниз от устья Цыпы и привез первое известие о верховье Витима и его притоке р. Карге (Каренге) озере Еравне и р Шилке об их естественных богатствах и жителях, даурских князьях Ботоге и Лавкае [1]. В 1643 году урядник Скороход, по приказу якутского пятидесятника Курбата Иванова, прошел северным берегом Байкала до р Верхней Ангары, получил с верхнеангарских тунгусов ясак и зазимовал на р. Баргузине, но весною 1644 года был убит тунгусами почти со всеми своими спутниками. В 1646 году енисейский атаман Василий Колесников с сотней казаков построил Верхнеангарский острог и оставил в нем гарнизон в 19 казаков. Проверяя полученное от тунгусов известие о том, что у озера Еравны (в верховьях Витима и Уды) живут „мунгалы" (монголы), богатые серебром, он отправил туда через р. Баргузин впадающую с востока в Байкал четырех казаков. Последние, не найдя у Еравны монголов, направились к Селенге и по дороге к ней нашли сильного монгольского князька Турукай-Табуна, который „поклонился" царю с 20 000 монголов и подарил кусочек золота, серебряную чашу и тарелку, сообщив, что золотые и серебряные предметы к монголам попадают от китайцев [2]. В 1647 году посланный с 84 человеками на смену Колесникову сын боярский Иван Похабов высадился на южном берегу Байкала, при содействии Турукай-Табуна съездил в Ургу к его тестю Цэзану (Цецен-Хану), но убедился, что монголы получают золото и серебро из Китая, и уговорил Цэзана послать послов к царю в Москву [3]. Присланный из Енисейска с 60 казаками сын боярский Иван Галкин построил в 1648 году Баргузинский острог, в первый раз собрал в 1649 году ясак с тунгусов по озеру Бужаню (Бушани) в верховьях р. Цыпы, по верхнему Витиму, а также по левому притоку Витима, р. Муе, где пришел в соприкосновение уже с ленскими промышленниками. Кроме того он обложил данью инородцев живших около озера Еравны, и с тою же целью послал казаков на р. Шилку [4]). Его энергичная деятельность заставила инородцев смотреть с опаскою на русских: в 1650 году на тобольского сына боярского Заболоцкого, ехавшего послом к Цэзан хану и примкнувшего к возвращавшимся из Москвы послам этого хана напали на юго-восточном берегу Байкала монголы или буряты и убили его вместе с сыном и семью казаками, что дало позже повод поставить здесь Посольский монастырь. [5]) Бывший с 1650 года во второй раз правителем Баргузинского острога Колесников узнал, что у озера Иогеня, южнее озера Еравны, живет много тунгусов, которых легко подчинить русской власти, и советовал построить там острог. Казаки же, вернувшиеся с р Шилки, принесли известия о местностях по озерам Иргеню и Рахлею, рекам Ингоде, Шилке и Нерче, о путях туда, о живших там тунгусах

[1]) Серебренниковъ. Покоренie и первоначальное заселенie Иркутской губернiи, 34—35.—Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина Коммисiя для изслѣдованiя землевладѣнiя и землепользованiя въ Забайкальской области. Матерiалы. Выпускъ 5. Историческiя свѣдѣнiя Составилъ А. Щербачовъ. СПБ. 1898. Стр 5 [2]) Фишеръ Сибирская исторiя съ самаго открытiя Сибири до завоеванiя сей земли россiйскимъ оружiемъ. СПБ. 1774 Стр 547—551—Щербачовъ, 8 [3]) Фишеръ 552—554.—Щербачевъ, 8—9. [4]) Фишеръ, 554—556.—Щербачевъ, 9. [5]) Фишеръ, 556.

и советовали поставить остроги у Иргенского озера и у устья р. Нерчи [1]. Поэтому в 1652 году были посланы за Байкал для управления занятыми уже местами Иван Похабов, а для занятия новых местностей сын боярский Петр Бекетов. И. Похабов построил Баунтовский острог и первый раз взял с Баунтовских тунгусов ясак [2]). Петр же Бекетов основал зимовье на Усть-Прорве, а в 1653 году поднялся на судах по Селенге и Хилку до оз. Иргеня и построил между озерами Иргенем и Шакшей Иргенский острог, а на р. Шилке против устья Нерчи Нерчинский острог. Возмущение в 1654 году тунгусов, начавших было платить ясак, лишило казаков продовольствия, что заставило сначала большую партию казаков, а в 1655 году самого Бекетова уйти на Амур и примкнуть к действовавшим там якутским казакам [3]). Но дело Бекетова не пропало. В 1656 году сюда был отправлен из Енисейска первый Нерчинский, бывший Енисейский, воевода Пашков, которому была подчинена вся территория на восток от Ангары с Иркутском и Албазином. Он прибыл в Иргенский острог не по назначенной ему дороге по Илиму, Лене, Олекме и Тугиру, а по дороге Бекетова через Байкал, вверх по Селенге и Хилку. В 1658 году он вновь отстроил у устья Нерчи Нерчинский острог. Ему же обязан своим возникновением и Телембинский острог на верховье р. Витима. Хотя ему, в виду непослушания Степанова, командовавшего действовавшими далее по Амуру казаками, не удалось удержать Амура, но он успел закрепить за русскою властью Забайкалье [4]. Преемником его был Толбузин, прибывший сюда в 1661 году по Олекме и Тугиру. При нем в 1664 году под Нерчинский и Иргенский остроги прикочевали тунгусы, не платившие до тех пор ясака и просившие защиты от монголов, а в 1667 году возвратился из „Богдайской земли" Гантимур. В 1665 году было построено из Еравинского острога на р. Селенге, у устья р. Уды, зимовье (впоследствии Удинский острог) для сбора ясака с тунгусов коченкурского рода, принявших русское подданство, а выше его на той же Селенге командой Иргенского острога Селенгинский острог, вследствие чего Мунгальский царь Кукан „какъ въ мирное поставленіе приклонился" [5]).

Окончательно закрепиться в Забайкалье русским удалось только после упорной борьбы в течение почти 25 лет после занятия р. Селенги. В 1665 году, т. е. вслед за поставлением Селенгинского острога, неясачные тунгусы и буряты, кочевавшие по р. Селенге у устья ее правого притока Чикоя, боясь русских, уехали к монголам. Монголы, дружелюбно относившиеся сначала к русским (Турукай-Табун, Калтуцин, Цецэн хан, Кукан), почувствовав их слабость, стали разорять инородцев, русских данников. Особенно это разорение усилилось, когда из Монголии прикочевала ушедшая из Урянхая орда табунутских саитов. В 1673 году 2000 табунутских саитов опустошали кочевья тунгусов по р. Хилку и даже у Еравинского озера. Движение перекинулось на север Забайкалья: в 1674 году возмутились Баунтовские тунгусы, которые грозили сжечь Баунтовский острог и разбрелись в разные стороны. В 1675 году к монгольским тайшам ушли тунгусы из-под Баргузинского острога. В 1681 году был построен восточнее Нерчинска на р. Аргуни Аргунский острог, на месте Аргунского зимовья, основанного Пущиным, который уже в 1656 году возвращался с ясаком в Енисейск, но в том же году саиты вместе с монголами грабили по р. Селенге русских и ясачных инородцев и пытались взять слабо защищенный Селенгинск. Это не помешало строителю, пришедшему со стороны Нерчинска, заложить в 1682 году близ рыбачьих шалашей и заимок Кабаньей и Ильинской Селенгинский Троицкий монастырь. Положение русских в Забайкалье ухудшилось вследствие того, что против русского владычества в соседней Амурской области выступили китайцы, которые в 1685 году заставили русских уйти из осажденного Албазина, а в следующем году снова осадили возобновленный Албазин. Требовавший очищения Амурского края богдыхан Канси грозил войною и старался заключить против русских союз с монгольским князем Очироем и ургинским кутухтою. В 1684 году послы Очирой-хана требовали в Селенгинске, а затем в Иркутске, чтобы ему были возвращены якобы подвластные ему селенгинские, верхнеудинские, иркутские и балаганские люди и чтобы было разрешено монгольским сборщикам собрать с них ясак.

---

1) Фишеръ, 557—559. 2) Фишеръ, 556—557.—Щербачевъ, 9. 3) Фишеръ, 559—569.—Щербачевъ, 10—11. 4) Фишеръ, 624—629.—Щербачевъ, 11.—Словцовъ, 53—55, 124. 5) Фишеръ, 630.—Щербачевъ, 12.—Словцовъ, 125—126.

Некоторое успокоение в Забайкалье наступило в связи с посылкою окольничьего Головина для заключения с китайскими послами договора о границе. В 1687 году Головин с войском в 2000 человек прибыл в Забайкалье. Пока продолжались переговоры с Пекином о месте съезда, Головин несколько смирил монголов и табунутских саитов. Именно в 1688 году он удачно отразил 4000 монголов Батур-Контайши, направленных под Селенгинск и Удинск (Верхнеудинск) Очирой-ханом и кутухтою, а в начале 1689 года отбил другое нападение монголов на Селенгинск. Встретившись на р. Хилке с табунутскими саитами, он разбил их и 15 января 1689 года привел в русское подданство их и нескольких монгольских тайшей, которые вскоре выведенные из терпения вымогательствами служилых людей, ушли из Забайкалья и „приклонились к китайскому хану". Нерчинский договор 27 мая 1689 года, лишивший нас Амурского края, сохранил за Россией Забайкалье, определив восточную его границу от Станового хребта по р. Горбице, впадающей слева в Шилку, и по р. Аргуни [1]. Южная граница Забайкалья, оставаясь неопределенной, опустилась при Петре Первом к рекам Онону, Буре и Джиде и была проведена через Кяхту только 25 августа 1727 года по второму договору России с Китаем, заключенному русским послом Саввою Владиславичем Рагузинским на р. Буре. По этому же Буринскому договору постоянными пунктами пограничной торговли были назначены Кяхта у Селенги и Цурухайтуй на р. Аргуни [2].

В прямой связи с занятием Забайкалья находится проведение сухопутной дороги из Иркутска в Кяхту через Верхнеудинск и из Верхнеудинска через Читу и Нерчинск в Нерчинский завод.

Первоначально русские проникали в Забайкалье, как мы видели, по северным сухопутным путям с восточных притоков р. Лены. Только с 1658 года, со времени похода Бекетова, русские начинают пользоваться для передвижения больших отрядов и более южным путем, через Байкал и вверх по Селенге и Хилку, причем этот путь был исключительно водным и был использован в немногих редких случаях. Так им прибыл Бекетов, а через несколько лет после Бекетова Пашков, успевший закрепить за Россией Забайкалье. Сообщение Еравнинского, Иргенского и Нерчинского острогов с Иркутским через южный Байкал было гораздо короче и быстрее сообщения через восточные притоки Лены, но оно стало возможным также и для небольших отрядов только после занятия русскими Селенги путем постройки в 1665 году на ее правом берегу Селенгинского острога и Удинского зимовья, превращенного в острог, повидимому, в 1668 году [3]. Нападения монголов и табунутов в 70 и 80-х годах 17 века на Селенгу и Хилок показали ненадежность сообщения через южный Байкал и по нижнему течению р. Селенги. Поэтому около 1690 года на нижнем течении р. Селенги были устроены остроги Кабанский, Ильинский и Итанцинский [4]. После их устройства сообщение Иркутска с Забайкальем через южный Байкал и вдоль нижнего течения Селенги стало безопаснее. К этому времени русские уже пользовались и сухопутными дорогами по южному Забайкалью: одной—для сношения с Верхнеудинском и Селенгинском, основанным, как было сказано ранее, в 1665 году, а другой—для сношения через Верхнеудинск с острогами Еравнинским, Иргенским и Нерчинским, основанным в 1653 году, и Аргунским, основанным в 1681 году. Об этом было известно и в Москве: в „Чертежѣ всѣх Сибирскихъ градовъ и земель", составленном С. Ремезовым в 1699 году, в статье „От Тоболска городами сухимъ путемъ" указано, что „отъ Иркуцка чрез Байкалъ море 3 дни до Селенгинскаго 7 дней отъ Селенгинскаго до Иргенска 4 дни, от Иргенскаго до Нерчинскаго недѣля, отъ Нерчинскаго до Албазинскаго 4 недѣли". Обе эти дороги обозначены на „Чертежѣ земли Иркуцкаго города", и „Чертежѣ земли Нерчинского города", которые находятся в „Чертежной книгѣ Сибири", составленной С. Ремезовым в 1701 году [5]. По этим чертежам, дорога из Иркутска в Верхнеудинск проходила северным берегом Ангары, пересекала Байкал и от Усть-Прорвы, южнее устья р. Селенги, а затем южным берегом р. Селенги подходила к г. Верхнеудинску; у Верхнеудинска она переходила на восточный берег Селенги и поднималась им до Селенгинска, который в то время стоял еще на восточном берегу р. Селенги, а от Селенгинска вдоль Селенги и Орхона уходила в Пекин. Дорога из острога Верхнеудинского в Аргунский шла

---

[1]) Щербачевъ, 13—15.—Словцовъ 50, 122, 126 [2]). Словцовъ, 167, 240—241 — Щербачевъ, 59. [3]) Словцовъ, 125—126. [4]) Словцовъ, 133. [5]) Листы 18 и 20, 19 и 21.

от Верхнеудинска северным берегом р. Уды, пересекая притоки ее Курбу и Ону и проходя южнее и восточнее Еравинских озер до селения Домны; от Домны дорога поворачивала на восток к р. Ингоде и проходила через вершину р. Уды и южнее озера Шакшя, оставляя Еравинский острог несколько севернее, подходила к р. Ингоде, а затем шла северным берегом р. Ингоды и Шилки через Читинскую слободу и город Нерчинск к устью Аргуни; от Нерчинска она поворачивала на юг к Аргунскому острогу на р. Аргуни и уходила затем через Манджурию в Китай.

Дальнейшее развитие этих дорог находится в связи с развитием русской торговли с Китаем в Кяхте, основанной в год заключения Буринского договора в 1727 году [1], и с устройством Аргунских (впоследствие Нерчинских) заводов.

В течение 17 века пункты, основанные русскими по тракту и вне его, заселялись людьми преимущественно северно-великорусского происхождения. Как мы видели ранее, русскими служилыми людьми из Енисейска были основаны остроги Верхнеангарский (1646), Баунтовский (1652—53), Баргузинский (1649), Усть-Прорвинское зимовье (1652), Верхнеудинское зимовье (1665), остроги Селенгинский (1665), Иргенский (1653), Нерчинский (1653 и 1658), Аргунское зимовье (1653—1655).

В 1689 году казаки двух сибирских полков, сопровождавших посла Головина в Нерчинск и говоривших исключительно или по большей части по северно-великорусски, были размещены Головиным в Верхнеудинске и Селенгинске. Подобные же служилые люди попали в остроги Кабанский, Ильинский и Итанцинский при их основании, повидимому, в 1690 году [2]). Люди Бейтонова полка, набранные, повидимому, также в Сибири, усилили собою в 1689 или 1690 году гарнизон Нерчинска [3]). К первым же русским насельникам Забайкальского края принадлежали, кроме казаков, также промышленники, которые не уступали казакам в военной отваге, предприимчивости и нередко шли впереди казаков и самостоятельно объясачивали инородцев. Содержание служилых людей всецело падало на средства государства, которое в виду отсутствия земледелия в стране должно было на первых порах доставлять им сюда продовольственные припасы из ранее завоеванных местностей Сибири, где земледелие уже успело развиться, вследствие чего хлеб сюда высылался из Енисейского, Якутского и даже Тобольского края. В виду отсутствия удобных путей сообщения этот хлеб прибывал в Забайкалье неаккуратно, а иногда и совсем не доходил по назначению, что ставило Забайкальских казаков в таких случаях в крайне тяжелое положение: так, напр., в 1657 году гарнизоны забайкальских острогов голодали вследствие разграбления в Олекминске заготовленного для них хлеба. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, правительство с самого начала пыталось приохотить служилых людей Забайкалья к хлебопашеству и отводило им взамен хлебного жалованья свободные земли. Так в Нерчинске в первую же после основания Нерчинского острога весну 1654 года казаки посеяли хлеб, но он был вытоптан напавшими на Нерчинск тунгусами, что заставило казаков Бекетова уйти далее на Амур [4]) В 1701 году правительство совсем запретило Нерчинскому воеводе выдавать служилым людям хлебное жалованье и велело им служить с пашни, допуская исключения в редких случаях. Но так как, несмотря на все старания, местного хлеба для служилых людей не хватало, то правительство прибегало к принудительному переселению сюда на пашню крестьян В 1696 году в Нерчинских острогах и в Нерчинском уезде было уже некоторое земледельческое население, увеличившееся новоприсыльными и новоприборными людьми, которых было велено селить на пашне „съ великимъ раденіемъ, чтобы всякими мѣры и раденіемъ хлѣба завести больше“. Такъ какъ надо было „хлѣба напахать на Нерчинскіе расходы и иныхъ острожекъ безъ Тобольскаго и Енисейскаго присыльнаго и покупнаго и безпорядчаго хлѣба сполна“, то местом поселения прибывающих крестьян назначались окрестности Нерчинска, а в его уезде местности вверх по р. Нерче, вверх и вниз по р. Шилке хотя за воеводой оставалось право отводить им землю и в иных местах „по своему высмотру“. В 1697 году в Нерчинск было направлено из Тобольска по Оби и Кети 104 семьи беглых Верхотурских крестьян в числе 626 душ, из коих в Нерчинск через два года прибыло только 423 человека, так как остальные погибли в тяжелой дороге, бежали или откупились от жестоких служилых людей, сопровождавших партию на

[1]) Gmelin. Reise. I, 446. [2]) Словцовъ, 113, 133, 172. [3]) Словцовъ. 124, 133, 172. [4]) Щербачевъ, 15—16, 54, 10. Фишеръ, 568.

место водворения [1]. К 1701 году „въ Нерчинскѣ крестьянъ и пахоты прибыло много“, вследствие чего воеводе было предписано, как упоминалось уже ранее, порадеть, чтобы хлебный оклад служилым людям исполнить таможнею пахотою и только в самой крайней нужде досылать хлеб из Иркутска лишь в Верхнеудинск [2])

К началу 1701 года, судя по „Чертежу земли Иркуцкаго города“ [3]), по дороге из Иркутска в Верхнеудинск и Селенгинск находились следующие населенные пункты: до Байкала по правому берегу р. Ангары—*Разводная, Манова, Уксусова, Щукина*, д. *Знаменского монастыря* и *Никольская часовня*, а по левому берегу р. Ангары—д.д. *Могулева, Поршенкова, Усова, Каргополова* и *Михалева*; за Байкалом по левому берегу р. Селенги—*Троицкий* (Посольский) *монастырь*, безымянная деревня (*Исток*?), *Быкорина, Колесникова*. *Кабанский* острог и безымянная слобода или острог (*Ильинский*?), а по правому берегу—*Никольская часовня* на берегу Байкала, „д. *Кудары*, пахотные места поселены Селенгинс(к) и служилыя люди“ (против Кабанского острога), остроги *Удинский* (Верхнеудинский) и *Селенгинский*.

К началу того же 1701 года, судя по „Чертежу земли Нерчинскаго города“ [4]), по дороге из Верхнеудинска в Аргунский острог существовали только следующие русские населенные пункты: по северному берегу р. Уды—*Удинский* (Верхнеудинский) острог, остроги *Думна, Яравна* (Еравна), на северном берегу рр. Ингоды и Шилки—*Читинская* слобода (или острог) и город *Нерчинск*, а на западном берегу р. Аргуни—*Аргунский* острог.

Из предыдущего ясно, что к началу 18 века русских населенных пунктов на восток от Байкала по Иркутско-Селенгинской и Верхнеудинско-Аргунской дорогам было еще мало и они были населены исключительно или почти исключительно северно-великорусами. Северновеликорусами же заселялись в течение первых трех десятилетий 18 века Нерчинские заводы, которые стали возникать с начала этого века (первый из них, Нерчинский завод, был основан в 1702 или 1704 году) и нуждались в рабочих руках и хлебе. В 1708 году к Нерчинским заводам было приписано 104 крестьянских семьи с берегов р. Енисея. в 1710 году—78 семей из разных мест Сибири, в 1722 году—300 семей из Сибирских пашенных слобод, а также преступники, избавленные от каторги. Благодаря этим и другим переселениям к 1723 году всех приписных к заводам крестьян числилось 823 души, в числе которых находилось 570 рекрутов, не задолго перед тем переведенных сюда из под Томска [5]).

После Буринского договора 1727 года количество русского населения и русских населенных пунктов на Иркутско-Селенгинской, продолженной до Кяхты, и на Верхнеудинско-Нерчинско-Аргунской дорогах продолжало увеличиваться. К 1735 году, когда по обеим этим дорогам проехал Гмелин, обе они были уже вымерены, снабжены верстовыми столбами, зимовьями, редкими станциями и лошадьми и стали почтовыми, хотя в некоторых местах проезд по ним был затруднителен и происходил только верхом [6]). Описание пути Гмелина из Иркутска на восток и обратного пути в Иркутск дает нам возможность составить себе представление об обеих этих дорогах в 1735 году.

По Иркутско-Кяхтинской дороге в это время находились следующие пункты. От Иркутска к Байкалу были деревни *Глазкова, Кузмихина, Малая Розводная* (Верх-Ангарская), *Большая Розводная* (Верх-Ангарская), *Ершова, Кряжиковская, Щукина, Сучино зимовье*, д. *Грудинина, Долганово* зимовье, *Михалева* заимка, зимовья *Хромово, Хомутово, Молодово, Никольская застава*, на которой собиралась таможенная пошлина со всех товаров, шедших с Китайской границы, и *Лиственичное* зимовье; при чем дорога между последними двумя пунктами оказалась очень опасной; по западному берегу Байкала (после Крутой губы и Соболева отстоя) зимовья *Кадильное* и *Голоусное*, которое получило свое прозвание от своего первого жителя без усов и в котором Гмелину удалось обменять некоторых уставших русских лошадей из Иркутска на свежих братских (бурятских).[7]) На юго-восточном берегу Байкала находился *Посольский* монастырь с несколькими крестьянскими домами подле него; далее вверх по р. Селенге дд. *Творогова, Харитонова, Колесникова* слобода, *Кабанский* острог, *Мокеева* заимка, *Тресковская* или *Архангельская* слобода, *Троицкий* монастырь, *Ильинский* острог или *Большая Заимка*, в которой

[2]) Словцов, I, 118. Щербачев 16. [3]) Щербачев, 17. [4]) Ремезов. Чертежная книга Сибири. Лист 18 и 20. [4]) Ремезов. Чертежная книга Сибири. Лист 19 и 21. [5]) Щербачев, 41. Словцов, I, 161, 235; I, 256—257. [6]) Gmelin. Reise. I, 442—443; II, 33, 51, 132; I, 412—413. [7]) Gmelin. Reise, I, 415—417; II, 151—158.

было более 50 жилых домов и можно было менять лошадей, *Итанцинский* острог (современная Острожская на северном берегу р. Селенги, *Половинное* зимовье, пригород *Удинск* (на правом берегу), против которого (на левом берегу) было зимовье для мены лошадей; во всех пунктах по Селенге до Верхнеудинска продовольствие стоило еще очень дорого, а в самом Верхнеудинске жители уводили лошадей на время в лес чтобы не дать их путешественникам. От Верхнеудинска вверх по р. Селенге, Чикою и далее к Кяхте находились *зимовья на р. Оронгое* (современная Нетесонская?), д. *Арансина* на Селенге (Резчиковска ?), д. *Кибалина*, д. *Зуева*, город *Селенгинск* на правом берегу р. Селенги с 151 жилым домом и несколькими казенными зданиями, *Стрелки* или *Петропавловская* крепость на левом берегу р. Чикоя, которая была основана С. Рагузинским на месте обитаемом уже многими крестьянами, и в которой числился целый полк солдат, насчитывавший в действительности 250 чел., так как остальные были все разосланы в разные места, *Поворотное* зимовье из нескольких домов, зимовье *Ключи*, стоящее, повидимому, на ветке, шедшей левее верстовой, но гористой дороги, затем по верстовой дороге заимка *Калина-Голотвшина* (современная Калинишная), зимовье *Калина Черноза* на р. Кяхте (повидимому, современная Усть Кяхта, а не Липовская), *Троицкая крепость*, заложенная при после Савве Рагузинском в 1727 году, и *Кяхта* (иначе Кяхтинская крепость, Кяхтинская торговая слобода), в которой происходил торг русских с китайцами многими товарами [1]).

На Верхнеудинско-Нерчинско-Аргунской (Нерчинско заводской) дороге находились в 1735 году, по Гмелину, русские населенные пункты до Читы в незначительном количестве, а от Читы до Нерчинска и Аргунского (Нерчинского) завода в довольно большом количестве, что вполне объясняется известной нам уже историей заселения Забайкальского края. Проследим его маршрут. Отправившись 27 мая из Верхнеудинска на русских и непривыкших к тележной езде „братских" (бурятских) лошадях, Гмелин по ровной степной дороге проехал утром 28 мая р. Нохой-Горохон, отослав обратно братских лошадей за их непривычность к перевозке телег; вечером 28 прибыл к р. Курбе, на переправу через которую ушли целые сутки, так как пришлось предварительно приготовить выше по реке особый плот для переправы телег и экипажей; проехал вечером 29 мая „Курбинской бор" длиною в 7 верст и заночевал на берегу р. Уды в виду горы Тучалту-Хада; 30 мая проехал мимо Колвинского озера, горы Саннаго Мыса, за которой видел юрты одного тайши, через р. Ону и заночевал в *станции* на другом берегу ее; 31 мая проехал по степной дороге через Онинский бор длиною в 4 версты, мимо горы Шибету-Хада на северном и Любимовой засеки на южном берегу Уды, и заночевал в обитаемом только зимою зимовье на „Поперешной речке", вблизи которого были также братские юрты; 1 июня проехал через лиственичный бор, р. Погромную, лиственичный бор с озером Увыр-Нор, между Сосновым озером направо и озером Большая Еравня налево, через р. Домну, лиственичный бор с песчаной дорогой и в 9 ч. вечера прибыл в „*Еравинский острог*", который стоял на восточном берегу Малого Еравинского озера, имел в себе приказную избу, избу для ясашной казны, церковь, кабак и 16 жилых домов, ленивые жители которых не занимались земледелием и жили побурятски. Получив здесь при перемене лошадей, кроме 30 русских, еще тунгусских лошадей, которых пришлось ждать до 3 июня, Гмелин проехал 3 июня лиственичный бор, пересек 7 раз р. Домну и заночевал на истоке р. Уды в местности „Уданские Вершины"; 4 июня по скверной гористой и каменистой дороге он проехал Малую и Среднюю Конды, „Кондинской Хребет", достиг утром 4 июня Большой Конды, место остановки на которой носило название „Кондинских Вершин", оттуда проехал по каменистой, несколько болотистой, изредка степной, а чаще лесистой дороге и прибыл вечером ко *двору Нерчинского Успенского монастыря* с часовней на восточном берегу озера Шакши, принадлежавшая к которому зажиточная *Шакшинская деревня* находилась на Арахлейском (Рахлейском) озере и занималась только скотоводством и рыбной ловлей в озерах Иргени, Шакше, Арахлее, Иване и Тасееве, которые за 8 лет перед тем соединялись протоками и давали возможность подниматься сюда по Хилку из самого Селенгинска; починив здесь свои разбитые по дороге повозки и экипажи, Гмелин днем 5 июня переехал „Яблонной хребет", за которым нача-

---

[1]) Gmelin: Reise, I, 418—423, II, 147—148; I, 423—467, II, 2—3.

лась Даурия, переночевал в д. *Серковой* на р. Домне, впадающей в р. Ингоду, причем ему пришлось, чтобы попасть в эту деревню, свернуть влево от прямой дороги, а вечером 6 июня приехал в *Читинский острог* или „*Плотбище*“, причем последнее название усваивалось ему за то, что в нем устраивались плоты, на которых сплавлялись по Ингоде в Нерчинск. В Читинском остроге было две церкви (зимняя и летняя), 8 домов для служилых людей и к нему причислялось 3 дома на правом берегу р. Читы[1]. Прямая измеренная, сухопутная дорога из Читы в Нерчинск по причине многих камней и скал на ней была неудобна для передвижения в телегах и экипажах, вследствие чего поездка в Нерчинск на телегах была не в обычае и чаще пользовались водным путем при помощи плотов, а не применяем лодок. Поэтому и Гмелину пришлось 8 июня отплыть по р. Ингоде на плотах. По дороге он ночевал у Санного или Половинного мыса; 9 июня миновал д. *Kaунова[illegible]*, дво[illegible] деревни, заимку (повидимому Мазееву,—ср. 122 стр.) и переночевал у д. *Ананьинской* или *Улозиинской* (современный п. Улзатуевский в 61 версте от Читы); 10 июня миновал *Турин[illegible]ую* деревню, *Ч[illegible]* заимку, *По[illegible]* заимку и заночевал в устье р. Улдуры; 11 июня он миновал д. Кайдалову (в 106 верстах от Читы), где заметил читинских рабочих [illegible], и заночевал у д. Безжной, получившей свое имя потому, что в ней жили два тунгусских князя, один из которых принял православие; 12 июня миновал большую деревню Галкину (в 128 в.), где опять [illegible] рабочих, и переночевал у *[illegible]* заимки (в 162 в.); 13 июня миновал *Верхнее зимовье* или *Том[illegible]у заимку*, д. Унекеевскую, и *Н[illegible] зимовье* и заночевал у д. Коровская Падь (современной станицы Размахниной (в 180 в.), получившей свое название от [illegible], по которой [illegible] на эти места [illegible] [illegible] монголы; 14 июня миновал устье р. Онона, с которого Ингода получает название Шилки, *Бор[illegible]* или *[illegible]* слободу, д. *[illegible]* *Городище*, в котором воевода Нарчеев брал лес для постройки города Нерчинска и [illegible] рабочих, д. *Пленкову* или *Во[illegible]* (населенок [illegible]), *[illegible]* заимку, д. *Се[illegible]*, д. *[illegible]*, *Бо[illegible]* или *О[illegible]* заимку, д. *Н[illegible]* и заночевал у д. *О[illegible]*; 15 июня миновал д. *[illegible]* (Сельцово?), *Т[illegible]* заимку, д. *М[illegible]*, *П[illegible]* заимку и д. *Савотину* в устье р. Нерчи и остановился в г. *Нерчинске*. Достать лошадей и кур в многочисленных деревнях по р. Шилке было трудно, так как жители их, напуганные предыдущими грабежами [illegible] [illegible] [illegible] при приближении путешественника прятали все и скрывались. В городе Нерчинске, кроме казенных и общественных зданий, было 150 частных домов, большая часть которых находилась в жалком положении, что объяснялось общим застоем в городе, наступившим около 30 лет перед тем со времени запрещения прохода китайских караванов через Нерчинск[2]).

Из Нерчинска в Аргунский (впоследствии Нерчинский) завод было в 1735 три дороги: одна—кратчайшая, уже вымеренная и снабженная верстовыми столбами, но пригодная летом только для верхового сообщения, а зимою и для саней, другая—старая караванная дорога, допускавшая и летнее колесное сообщение, и третья—„солонная“ дорога, проходившая южнее первых двух и в значительной части степями и прозванная по соленому озеру, возле которого она шла. Так как московский тракт здесь составился в первой половине из караванной, а во второй из кратчайшей вымеренной дороги, то мы познакомимся только с ними. *Караванная дорога* из Нерчинска проходила через *Успенский монастырь*, д. *Шивкинскую*, д. *Борщовчную*, д. *Сукину* и д. *Колобову*, которая отстояла от Нерчинска в 52 верстах и в которой переправлялись через р. Унду, дд. *Дыкову* и *Ш[illegible]* (30 верст), через 23 версты отсюда переходила вторично через Унду (у современного Кавыкучи-Ундинского), затем через 19 верст подходила к р. Газимуру и лежавшей на ней деревне *Котковой* (современному Кавыкучи-Газимурскому) в 4 верстах отсюда пересекала Газимур и еще через 8 верст подходила к д. *Красноярской* или *Калмаковой*, где она оставляла р. Газимур и затем проходила через 6 верст д. *Масюкову* и еще через 60 верст д. *Зерентуйскую*, в которой она выходила на кратчайшую измеренную дорогу к Аргунскому (Нерчинскому) заводу[3]. *Кратчайшая, измеренная дорога* с верстовыми столбами проходила в 1735 году сначала южнее караванной, именно через р. Шилку, *монастырь* с каменной цер-

[1]) Gmelin Reise 2, стр. 3—26. [2]) Там же, 26—35. [3]) Там же, 36—67.

ковью, *мельницу*, Ундинский хребет, д. *Лесовку*, *Ундинскую слободу* в 4 вер. от Лесовки, пересекала через две версты реку Унду, где от нее отделялась дорога к Цурухайту, затем поднималась левым берегом Унды, пересекала р. Эггё, следовала ее правым берегом, потом правым берегом р. Унды с несколькими деревнями и достигала д. *Шелопугиной*, бывшей на караванной дороге и принадлежавшей к Аргунским заводам; пересекала р. Унду, р. Туров, четыре раза р. Алашир, идя по гористой, покрытой лесом и болотами местности, шла вдоль р. Бунни, через д. *Буяскую* на рр. Газимуре и Бунни д. *Игдочейскую*, пересекала р. Газимур и подходила к *Тайчиной заимке*; потом пересекала несколько мелких речек, р. Оркию или Солонечную, проходила *Зерентуй заимку*, д. *Зерентуй*, правее Б. Зерентуя в 16 верстах и подходила к Аргунскому (Нерчинскому) заводу, основанному в 1704 году на месте, указанном калмыцким посланником еще в 1677 году [1]. Дорога из Аргунского (Нерчинского) завода в Аргунский острог также была уже заселена русскими: на ней были д. Онохойская и Олочинская, обе с большим количеством жилых домов, Ключевская, Луговская, Ишагинская, Мусурантова, Чуревья заимка (Дамесорская) и Аргунский острог [2].

С половины 18 века Забайкалье, а вместе с ним в известной части и обе основные его почтовые дороги, Иркутско-Кяхтинская и Верхнеудинско-Нерчинскозаводская, начинают заселяться людьми преимущественно другого происхождения, чем ранее, именно людьми из западных, а не сибирских местностей.

В это время местность по р. Селенге и ее правым притокам была заселена так называемыми семейскими старообрядцами. Именно в 1764 году состоялся указ о переселении на пашню в Селенгинском и Нерчинском уездах тех вывозимых из Польши русских крестьян старообрядцев, укрывавшихся в Ветке, Елёновке, Стародубе и Белгороде позднейших Черниговской и Могилевской губерний, которые окажутся негодными для зачисления во вновь формируемые в Сибири пешие и конные полки. На основании этого указа негодные к военной службе старообрядцы были поселены по р. Селенге и ее притокам. По устным преданиям забайкальских старообрядцев, выведенных из Польши при ее разделе, их переселение совершилось еще ранее: первая их партия в 1755 году направилась прямо на р. Чикой, правый приток Селенги, и поселилась на ней; вторая вышедшая в том же году, образовала волости Тарбагатайскую и Мухоршибирскую по притокам Селенги Куйтуну и Тугную с Сухарой; третья, состоявшая из 26 семейств и 70 душ, вышедшая также в 1755 году и прибывшая в 1758 году в Иркутск, поселилась в Забайкалье сначала по р. Иро (правому притоку р. Темника, впадающего слева в р. Селенгу), а затем через 9 лет, т. е. в 1767 году, переселилась на р. Хилок, где основала нынешнее село Бичуру [3]. Семейскими старообрядцами, выведенными из Польши (правильнее Белоруссии), населены в настоящее время на восточной стороне Селенги Тарбагатай, Бурнашово, Надеино, Куйтун, Б. Куналей, Десятниково, Верхний Жирим—по р. Куйтуну и вблизи ее: Шералдай, Мухор-Шибир, Хара-Шибир, Хонхолой, Никольское, Хараузь—по р. Тугную с Сухарой и их притокам по тракту в Петровский завод, а также Шараха, местоположение которой мне не удалось определить; Харитоново, Шандара, Билюта, Маргинтуй, Окинские ключи и Бичура—по р. Хилку; Киреть, Урлук Нижний, Хилкотой (вместе с поселенными „по указу"), Грехнево, Нарын (Савичи), Альбитуй, Котой, Ново-Архангельск (Качон), Ключи Нарынские, Бархоева, Коротково—по р. Чикою и его притокам. По р. Уде вдоль Верхнеудинско-Нерчинскозаводского участка московского тракта ими заселены Талицы, Новая Брянь (южнее Уды, на восток от Верхнеудинска), Унэгэтей, Мухор-Тала, и Хасуртай (по р. Курбе и ее притокам) [4]. Кроме старообрядцев с белорусским говором [5], в этой местности селились также помещичьи крестьяне, ссылаемые с 1760 года с семьями в зачет рекрутов. Поэтому по составленному в 1775 году расписанью населения Иркутской губернии в Селенгинском уезде числилось 4525 ревизских душ крестьян, среди которых было

[1]) Gmelin. Reise. 2, стр. 46—52. [2]) Там же: 69—71. [3]) Ю. Талько-Грынцевичъ. Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальѣ, стр. 3. (Труды Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества за 1894 годъ) Словцовъ II, 7. Щербачевъ, 19—20. [4]) Талько-Грынцевичъ, Семейскіе, 9, 4—6. Высоч. учрежденная Коммиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. Выпускъ I. Составилъ С. Черемисиновъ. СПБ. 1898, стр. 7. Выпускъ 6. Составили Н. Разумовъ и П. Сосновскій, СПБ. 1898, стр. 19—20. [5]) Талько-Грынцевичъ. Семейскіе. 18 и 20.

1660 душ, „отданныхъ отъ помѣщиковъ за вины (т. е. по указу 1760 г.) и выводимыхъ изъ Польши поселыщиковъ“. 1560 посадских, 1087 цеховых, 1103 разночинцев и дворовых, а всего 8275 ревизских души [1]).

С половины 18 века энергично продолжалось заселение и Нерчинского уезда с Нерчинскими заводами людьми сначала северновеликорусского, а затем и южновеликорусского происхожденья. В 1755 году подзаводских крестьян считалось 2.132 [2]). В 1756 г. было приказано приселить к ним по усмотрению сибирского губернатора и иркутского вице-губернатора 2868 крестьян из Кузнецкого, Томского и других ведомств. В 1759 году по новому распоряжению, следовало вместо 2868 душ приселить к заводам до 3968 человек, исключая из этого числа 330 душ, переведенных туда после 1756 года, и 513 рекрут из Иркутской провинции. Остальное количество людей было предписано набрать из неположенных в подушный оклад и прописных крестьян, посадских и цеховых людей разных частей Сибири. При этом половина переселяемых должна была быть употреблена для исправления заводских работ, а другая для хлебопашества, чтобы „пашенные крестьяне за отлученьемъ къ другимъ работамъ въ размноженiи хлѣбопашества помѣшательства не имѣли“ [3]). На основании этого распоряжения губернатор Соймонов переселил сюда из Енисейской и Иркутской провинций всех бобылей, всех записавшихся там в посад без имущества и ремесла и всех просрочивших паспорты или прописных в количестве до 2400 душ [4]). Переселенные на основании указанных распоряжений томские, кузнецкие, енисейские и иркутские крестьяне и посадские были исключительно или преимущественно северновеликорусы. Южновеликорусы стали появляться здесь с 1760 года, когда на основании указа 13 декабря 1760 года в Нерчинский уезд Иркутской губернии, „гдѣ состоять къ поселенiю и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенiю государственной интересъ требуетъ“, было предоставлено помещикам право ссылать в зачет рекрут крестьян не старше 45 лет вместе с их семьями. Командированному в 1761 году за Байкал полковнику Соймонову было предписано Сенатом селить этих крестьян „во-первыхъ на нужныхъ около Нерчинскихъ заводовъ мѣстахъ, а потомъ заселенiя тѣхъ мѣстъ селить оныхъ по дорогѣ от Нерчинска къ Иркутску по Братской степи“ (т. е. по московскому тракту къ Верхнеудинску) [5]). Для изучения местных русских говоров может иметь значение и тот факт, что правительство не удовлетворилось переселением к Нерчинским заводам крестьян из других частей Сибири и даже Европейской России, но постепенно приписало к этим заводам почти всех местных казенных крестьян. Так к ним были приписаны Удинская слобода с деревнями и Аргунский острог, вследствие чего к переписи 1763 года число заводских крестьян было доведено до 6026 душ. Вследствие распоряжения 1764 года приписать к заводам еще до 5000 крестьян было приписано к ним в 1764 и 1765 годах несколько деревень и острогов Нерчинского края с населением до 3485 душ мужского пола, а в 1774 году до 2150 человек всех оказавшихся по ревизии этого года неположенными в подушный оклад казаков и людей разного звания, вследствие чего к 1775 году к заводам оказались приписанными почти все крестьяне и в ведении общегражданского Нерчинского управления осталось русских только 165 крестьян (32 чел. в Нерчинске и подгородных слободах и 133 в Итанцинском остроге), 173 посадских и 258 разночинцев, кроме 15 763 инородцев [6]). Приписных к заводам крестьян было всего 14 566 ревизских душ мужского пола, которые жили в 302 деревнях и слободах и составляли пять волостей: Городищенскую по тракту и р. Ингоде делившуюся на участки Читинский, Городищенский и Новотроицкий, Сретенскую по р. Шилке (участки Куэнгский, Шивкинский и Сретенский), Газимурскую по тракту (участки Шелопугинский, Ундинский и Кавыкучинский), Аргунскую (участки Онохойский и Аргунский) и Уровскую по р. Аргуни (участки Уровский и Лонинский) [7]).

Кроме крестьян-переселенцев и приписных, население Нерчинских заводов пополнялось преступниками, сосланными на заводы и рудники и происходивших, конечно, из разных местностей с разными говорами. Первый указ о ссылке таких людей в Даурию на серебряные заводы относится к 1722 году, когда было пред-

[1]) Талько-Грынцевичъ. Семейские. 20. [2]) Словцовъ. II, 256. [3]) Щербачевъ. 42. Словцовъ. II, 6. [4]) Словцовъ, II, 33, 39, 256. [5]) Щербачевъ, 19, 85, 86 и 56 стр. Приложений. [6]) Щербачевъ, 42—43. Словцовъ, II, 256. [7]) Щербачевъ, 118, 45.

писано направлять сюда освобожденных от каторжной работы и определенных к отправке в Сибирь в дальние города. С 1754 года, когда смертная казнь была заменена каторжными работами, число ссыльных в Нерчинский край значительно увеличилось. Иногда отправка туда ссыльных приостанавливалась или по недостатку заготовленного по пути следования арестантов продовольствия или вследствие направления части их в Рогервик. Число ежегодно ссылаемых в течение семилетия 1762—1769 гг. в Нерчинск „въ вѣчную работу" казанский губернатор определил в 1769 году от 700 до 1000 человек. С 1773 по 1775 г., за излишеством ссыльных в Нерчинском горном ведомстве, таких ссыльных направляли вместо Нерчинска на Оренбургскую линию, а с 1775 г их стали отправлять в Нерчинск на прежнем основании и с этого времени они являлись главным элементом для пополнения населения.

Открытие новых рудных месторождений вызвало постройку во второй половине 18 века новых заводов Шилкинского на р. Шилке (1769); Калугчинского прозванного впоследствии Бальзинским и Дучарским (1760), и Кутомарского (1764 на рр. Нижней и Средней Борзе, Екатерининского (1777), Газимурского (1778) и Александровского (1792) на р Газимуре; к Нерчинским заводам относился и Петровский завод в Верхнеудинском уезде на р. Хилке, открытый в 1790 году [1])

В то же время происходило заселение русскими и границы. Работы по укреплению границы, начатому вслед за Буринским договором 1727 года постройкой крепостей Селенгинской, Троицко-Савской и Цурухайтуйской и учреждением 18 караулов, возобновились в 1761 году и закончились в 1779 году. В последнем году пограничная линия была продолжена на восток до ст. Горбиченской на р. Шилке и по ее караулам было размещено 900 русских казаков, от 2 до 15 на караул. Русские же казаки усилили гарнизоны отчасти вновь выстроенных пограничных крепостей: Тунгинской и Харацайской (в 1774 г.) Кударинской и Акшинской (1761) Тарутуевской (Ендургаевской) и Чиндантской (1773) и Горбичевской на р. Шилке (1774 [2]).

Благодаря продолжающемуся заселению местности на восток от Иркутска и Забайкалья число населенных пунктов и зимовий на Иркутско-Кяхтинской и Верхнеудинско-Нерчинскозаводской дорогах в 1772 году, когда по ним проехал *Паллас*, увеличилось. По дороге от Иркутска до Кяхты им упоминаются следующие населенные пункты и зимовья: 1. д. Большая Разводная 2. д. Кренциновская, 3. д. Шаманина, 4. Сукнио зимовье. 5. Долганово зимовье 6. Пашково или Хромово зимовье, 7. Моледово зимовье, 8 Хенчтово зимовье, 9 Чеглово зимовье, 10. Лепешихино зимовье, 11. Гнилокурское зимовье, 12 Никольская станция. 13. Пашкова станция 14. Никольская застава и 15. Лиственичное зимовье—по правому берегу р. Ангары на только что проложенной с большим трудом сухопутной дороге [3]; 16 Антипино или Кадильное зимовье, 17 Артемьево зимовье и Голоустное зимовье в котором собиралось много народу для „тюленьяго" промысла—на юго-западном берегу Байкала [4]; 19. Посольский монастырь. 20 Степная монастырская деревня, 21. д. Колесова (Колесова?), 22. д. Каргина. 23. Кабанский острог, 24. д. Бреская (Береговая. Брянская?), 25. Трескова и другие деревни в стороне, 26. Архангельская слобода (Брянск?), 27. Таракановская станция в 10 дворов, 28. Троицкий или Фролов монастырь, 29. Пьяновское зимовье, 30. Ильинский острог или Большая заимка, 31. Половинная застава, на которой производился таможенный досмотр всех товаров, шедших с китайской границы, 32 Тайшихина, 33 Посельская. 34. Сотникова, 35. Верхнеудинск [5]). 36 Селенгинск, 37. Старая Стрелка, где ранее была крепость, 38. Петропавловская крепость или Стрелка, на р. Чикое, с главной пограничной таможней, в которой осматривались товары и платились пошлины, и с 20 дворами казаков и досмотрщиков; 39). Поворотная в 20 верстах от Петропавловской крепости, 40. Калиновшная в 33 в от Поворотной 41. Липовская станция или Чернеево зимовье в 17 верстах; 42. Троицкая крепость (Троицкосавск) и 43 Кяхта со 120 дворами [6]). На этой дороге участок от Иркутска до Байкала был только что к 1772 году построен и при том с большим трудом. Новыми на нем являются зимовья Чеглово, Лепешихино и Гнилокурское и станции Никольская и Пашкова. На юго западном берегу Байкала новым является Артемьево зимовье, а на восток

[1]) Щербачевъ, 43, 112, 116, 118. [2]) Щербачевъ. 59 61. Подробные расспросные сведения о возникновении пограничных казачьих станиц и караулов см. Выс. учрежденная под предсѣд. статсъ-секретаря Куломзина Коммисія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области Матеріалы. Вып 6. Составилъ П. Разумовъ и И Сосновскій. СПБ. 1898, стр. 12—17. [3]) Палласъ, III, 412—414. [4]) Там же, 410 и 137. [5]) Там же. 397—400, 140. [6]) Там же. 365—370 и 150.

[от] Байкала до Верхнеудинска, д. Каргина, Бреская (?), Таракановская станция, [Ильяновское] зимовье, Тайшихина, Посельская и Сотникова.

По Верхнеудинско-Нерчинскозаводскому участку московского тракта Паллас проехал не до самого Нерчинска. Им упоминаются следующие населенные пункты и станции: 1. первая братская (бурятская) станция на р. Нахой-Горехоне (Собачьей реке), 2. заимка Верхнеудинского купца Серебренникова, 3. вторая бурятская станция называвшаяся Курдункой, 4. Лосьево зимовье (кяхтинского мещанина) на р. Оне, правом притоке р. Уды, 5. Галсунский станец в 7 верстах от Лосьева зимовья, 6. Анинская станция, 7. бурятский станок за р. „Поперечной“, 8. Погромная деревня на р. Погромной, впадающей с правой стороны в Уду, 9. станок бурятов „Шарадканскаго поколѣнія“ в 8 в. от Погромной, 10. находившаяся при озере Укиноре (Коровьем) заимка удинского дворянина Новоселова, наблюдавшего над всеми братскими станциями; 11. станция хубдицких бурят у р. Догны, а по русски Домны, 12. землянка (зимовье?) по переезде через верховье р. Уды, 13. землянка на верховье р. Конды, 14. станция на р. Большой Конде, 15. зимовье у р. Урбу-Догно, впадающей в озеро Иргень; 16. братская станция в 2 в. от р. Урбу-Догно, в нескольких верстах от коей находилось рыбное озеро Шакша (Шакша-нооръ), при котором было „множество Русскихъ маленькихъ деревушекъ“, 17. деревушка Приступова (Преступова) из 5 дворов русских крестьян, 18. д. Засопочная (Засопошная) в 6 в. от Читы, на р. Читоде, 19. Читинский острог, 20. Кручинская станция (станица), 21. зимовье Болетуй, 22. д. Макарьева из двух дворов, 23. н. д. Улзутуева или Харамунгут в 50 в. за Читой [1]). Далее к Нерчинску Паллас не ездил.

Паллас знакомит нас и с состоянием в 1772 году Верхнеудинско-Нерчинско-заводского участка московского тракта. „Мимо Удинска проходитъ большая Нерчинская дорога, по которой не вездѣ столбы стоятъ и не вездѣ исправлена или мосты имеются, а оставлена такъ, какъ она есть, потому что по ней не всегда ѣздятъ, а перевозъ и другія казенныя посылки всѣ случаются зимою“. Все станции от Верхнеудинска до Читы в то время содержали „Братскіе купно съ Хоринскими Буретами“. На каждой из них было не 50 лошадей и несколько верблюдов для перевоза как „казенныхъ вещей“ так и проезжих. На каждой станции находился баргузинский или нерчинский казак, который осматривал подорожные и наблюдал за готовностью повозок. Главный же надзор над всем имел „Удинской дворянинъ“. Это — повидимому удинский дворянин Новоселов, заимка которого находилась между рр. Погромной и Домной, при озере Укиноре (Коровьем). Таким образом вдоль р. Уды и во времена Палласа жили почти исключительно одни буряты, которые содержали там станции. Но уже были сделаны попытки к заселению ее русскими. Тот же Паллас по поводу Погромной реки и деревни сообщает следующее: „На ней находилось нѣкогда только зимовье, но нынѣ засланные въ Сибирь за небольшія преступленія люди размножили оное въ деревню изъ 25 дворовъ [illegible]. На каждый дворъ прежде располагали по четыре человѣка; но [illegible] разрѣзавъ семьи, раздѣлили по другимъ мѣстамъ по Нерчинской [illegible] по дорогу мало помалу населить Русскими деревнями, а [illegible] станціи, чтобъ содержавшихъ досель [illegible]. Буретовъ [illegible]. К сожалению, Паллас не указывает, в каком именно [illegible] жителей д. Погромной

[illegible] 18 века и в первое десятилетие 19 века заселение Забайкалья [illegible] местностей по тракту [illegible] его продолжалось. [illegible] Сибири прилежащій къ границамъ [illegible], между Байкаломъ, [illegible] рѣк [illegible] природы [illegible] так мало, что [illegible] пользы, какую бы государство [illegible] получать [illegible] указом 17 [illegible] 1799 года [illegible] между Удинском и [illegible] 1000 [illegible] 2000 [illegible] распространить там [illegible] по [illegible]

[1]) Паллас, III, ч. 1, стр. [illegible] 315 [illegible] 327, 3[illegible]

нием государственных поселян, 2) преступники, не подлежавшие ссылке на каторжную работу, с наименованием ссыльных, и 3) отдаваемые помещиками в зачет рекрутов крестьяне не старше 45 лет, непременно с женами. До командирования в марте 1801 года за Байкал Лабы туда прибыло 2197 душ. При осмотре Лабой оказалось, что на землях, отведенных главным образом в Нерчинском уезде, были начаты 9 поселков. Лаба для переселенцев получил по р. Инголе у бурят, а также нашел в других местах по р. Чите 105 000 десятин плодородной земли и настаивал на помещении переселенцев не в Иркутском и смежных с ним уездах, так как Иркутский уезд к тому времени, по его мнению, был и без того населен, а за Байкалом, где люди нужны на пунктах главных сообщений. К концу 1805 года за Байкалом было водворено 610 человек и было заготовлено 322 дома для переселенцев предположенных 2000 душ. Общее число поселенцев, водворенных в Иркутской губернии (уездах Нижнеудинском, Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинском) с 1800 по 1810 год, исчислялось в 6 000 человек, а до 1800 года в Иркутской губернии было водворено, повидимому, около 7 990 душ. В Нерчинском уезде было [illegible] при Сперанском в составе сельского населения более 5 000 человек. Поселенцы [illegible] Иркутской губернии жили за Байкалом в 41 селении: именно, в 31 селении Нерчинского уезда, из коих помещалось 18 по р. Инголе (6 между Читой и Нерчинском [illegible] вероятно по тракту, а 12 выше Читы), 5 по правым притокам р. Инголы (р. Туре, Доровиной и другим), 11 селений по р. Онону близ границы; в 7 селениях Верхнеудинского уезда (2 по р. Джиде, 4 по Кругоморскому тракту и 1 при Туркинских теплицах) и до Байкала в 21 селении: в 3 селениях Иркутского уезда (2 по Кругоморской дороге и одно — Сатанкова заимка — в девяти верстах от Иркутска) и в 18 селениях Нижнеудинского уезда, именно по тракту от Нижнеудинска до границ тогдашней Томской губернии [1]). Судя по чертежным документам первого десятилетия 19 века, эти переселенцы положили начало в пределах нынешнего Читинского округа следующим 19 селениям: Арчинскому, Бальзойскому, [illegible], [illegible], Черемховскому, Татауровскому, Кукинскому и [illegible] (1800 — 1811) — по р. Инголе до Читы; Верхне-Нарымскому и Александровскому (1800 — 1803 гг.) — по р. Алеигую; Дарасунскому, Тыргитуйскому с Арахлейскому (1800 — 1803) — по р. Туре; Ундургинскому (1800 — 1803) — по р. Ундурге; [illegible] (1800 — 1803) и Улекерскому (1802 — 1803) по р. Инголе (ниже Читы); [illegible] (1802 — 1803) и Шаральскому (вверху 1801) — по р. Онону [2]). Поселившиеся в 1803 году за Байкал крестьяне Александровского уезда Кавказской губернии [illegible] в Читинском округе Николаевское селение (1810 г.) на р. Тунгуре, [illegible] верховий Инголы [3]). В это же время возникли еще следующие селения: [illegible] и Арбатуйское на верхней Инголе (1811), [illegible] (1800 — 1803) по р. Алеигую, Олинское, Старо-Олинское и Ново-Олинское (1801) [illegible] от Нерчинского тракта; кроме того, уже в 1793 году [illegible] [illegible] населенное после 1775 года, повидимому, крестьянами в зачет рекрутов [4]).

Точных сведений о происхождении этих переселенцев у нас, к сожалению, нет. До 1805 (во всяком случае) года Иркутское губернское начальство [illegible] оставить в Иркутском и соседних округах 1500 ссыльных и 611 [illegible] в зачет рекрутов; [illegible] прибыло в 1803 году 3515 душ, а в 1804 году — 3013 душ [5]). [illegible] 1806 [illegible] было [illegible] в [illegible] государственных крестьян, а в Иркутском [illegible] прочих, [illegible] [illegible] [illegible] считаться отдельно от поселенцев [illegible] в Сибирь. Из [illegible] Сперанского от [illegible] 1820 года мы знаем, что значительная часть поселенцев, водворенных в Нерчинском уезде и вокруг Байкала, [illegible] [illegible] [illegible] отправленные на поселение по указу 1799 года [illegible] [illegible] без вины и [illegible] [6]). Так как помещичьи крестьяне [illegible] [illegible] [illegible] губерний, то можно [illegible] значительная часть поселенцев этой категории [illegible] «...».

В [illegible] Нижнеудинском уезде в 1809 году было разрешено 45 домов [illegible] перенести на другое место [illegible] [illegible] [illegible] пленных «Фрикасов» в Усть-[illegible] слободу

[1]) [illegible] Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. С. [illegible] 708 — 729, 232 — 236. [2]) Андриевич. Сибирь в XIX столетии. Ч. I, стр. 69 — 85, [illegible] стр. 326 — 331 [illegible], 67, 68, 70. [3]) Щербаков, 21, примечание 2. [4]) Щербаков, 21 — 22. [5]) Щербаков, 15 — 16. [6]) Андриевич. II. 45 [illegible] Вагин. Исторические сведения о деятельности ..... стр. 708.

а хороших жителей в Троицкосавскую крепость, разрешив им на день приезжать в Кяхту в виду того, что Кяхтинские жители занимались главным образом перевозкою товаров [1]). В 1809 году ссылка помещичьих крестьян была прекращена и население с этого года пополнялось почти исключительно преступниками, ссылаемыми на поселение и каторгу, что было закреплено в 1822 году с изданием устава о ссыльных [2]).

В 1823—1824 годах, судя по упоминаниям проезжавшего через 50 лет после Палласа А. Мартоса на Иркутско Кяхтинском участке московского тракта были следующие населенные пункты: 1) д. Разводная Малая; 2) село Разводное с церковью Петра и Павла; 3) д. Крыжановщина; 4. д. Шукина в 18—20 домов; 5. зимовье Карильское; 6. ст. Пашкова в одной версте; 7. зимовье Мо[illegible] в 5 в.; 8. Тальцинская фаянсовая фабрика, основанная в 1784 году проф. Лаксманом и перешедшая к иркутянину Солдатову, с 65 рабочими, имевшими 15 своих домов; 9. село Никольское в 20 в., в котором зимовали суда; 10. [illegible]; 11. урочище Голоустное в 4 дома; 12. Посольский монастырь, который был основан в 1681 году и владел 220 душами и при котором было Посольское село в 20 домов с 50 душами; 13. селение Истов; 14. селение Степнинское; 15. селение Загу[illegible]ское; 16. [illegible] станция Стечная; 17. село Творогово; 18. д. Ко[illegible]; 19. д. Корбина; 20. обширный острог Кабанск в 75 дворов, жители которого занимались земледелием и рыболовством; 21. д. Пино; 22. д. [illegible]; 23. село [illegible]ское с церковью архангела Михаила; 24. ст. [illegible]; 25. Верхнеудинск, купечество которого вело значительные торги [illegible]. Далее, согласно указаниям Мартоса, были следующие населенные пункты по зимнему пути от Верхнеудинска в Кяхту. 1. ст. [illegible]; 2. русская деревня [illegible] на левом берегу р. Селенги, в 13 верстах от [illegible]; 3. ст. [illegible] с деревней того же имени в версте [illegible] 4. [illegible] Чечеткиным принадлежавший [illegible], а с 1803 года [illegible] солеваренный завод с [illegible] 200—210 человек [illegible] которых было до 20 человек учеников с 12 до 25 лет, детей рабочих [illegible] Загустей; 6. Гусино-Озерский дацан; 7. д. Верхняя [illegible] на Селенге; 8. город Селенгинск с 2000 жителей и 250 обывательскими домами; 9. [illegible] на месте крепости и деревни Стрелка в 5 домов, почему была названа [illegible] частью [illegible] и в которой, как и в селе [illegible] делались суда [illegible] товаров через Байкал и до Амура [illegible] 10. [illegible] Ман[illegible] [illegible] 11. дер. Бугинская в 35 верстах от [illegible] и в 25 верстах от Усть-Кяхты [illegible]; 12. Усть-Кяхта [illegible] в русской [illegible] сходились две дороги: [illegible] через Байкал и [illegible]; 13. Троицко-Савская крепость с 471 домами и [illegible] 156 [illegible] [illegible]).

В 1851 году все [illegible] в Посольском [illegible] крестьяне были перечислены в количестве 25 [illegible] человек в состав [illegible] казачьего войска. В 1857 году [illegible] было [illegible] несколько тысяч штрафованных [illegible] находившихся [illegible] в гарнизонных батальонах внутренних губерний России. Через 10 лет [illegible] насчитывалось 3511 человек [illegible].

Кроме этих данных о [illegible] Забайкалья вообще есть сведения о [illegible] некоторых отдельных населенных пунктов по Иркутско-Кяхтинскому и Верхнеудинско-Нерчинскому участкам московского тракта.

На Иркутско-Кяхтинском участке село [illegible] Троицкой [illegible] нем течении Селенги было образовано [illegible] монастыря, основанного в 1681 или 1682 году, вывезено [illegible] из России, [illegible] к монастырю. Селения *Ильинск*, *Тимлюйское*, *Талинское*, основанное в [illegible] 10 [illegible].

[1]) Ан[illegible] II, [illegible] стр. [illegible] Щербатов, 22 [illegible] Москва 1827 [illegible] 117 [illegible] 128 [illegible] [2]) В сторону [illegible] село Т[illegible] со 110 [illegible] 700 [illegible] в 1765 году [illegible] в Сибирь. От [illegible] до Верхнеудинска [illegible] Тобольске [illegible] [illegible] Так как они прибыли с семьями, то [illegible] 62. [illegible] Мартос, 58, 62. [3]) [illegible] 2, [illegible]

и *Сылотово*, возникшее еще раньше, прежде составляли одно общество, дававшее монастырю по 9 штатных служителей. По основании в начале 18 века Посольского Преображенского монастыря на его землях, дарованных Петром Первым, стали селиться разные вольные, беглые и ссыльные люди. Принадлежавшее этому монастырю с. *Рудыниво* основано около 1770 года. В Троицкой волости по р. Селенге возникли селения *Мостовское* и *Таговка* около 1800 года, а в 60-х или 70-х годах 19 века *Тамаурушка*, основанная выселившимися из Покровского. Селение *Киджинское* на зимней дороге в Селенгинск было основано в 1794 году несколькими крестьянами, стесненными в Хободольской пади заводскими рабочими [1]).

По Верхнеудинско-Нерчинскозаводскому участку тракта были образованы по р. Уде помещичьими крестьянами в зачет рекрут *Верхне-Талинское* и *Ониноборское* (последнее около 1760 года). Вызванными охотниками селиться по тракту были образованы на перевале с р. Уды на р. Ингоду селения *Домно-Еравинское* (в 1860 году), *Беклемишевские* (в 1856 году), получившее свое имя от пристава, принимавшего деятельное участие в заселении этого пункта, и *Домно-Ключевское* вблизи р. Ингоды. На р. Ингоде по дороге к Нерчинску *Размахнинский* поселок Размахнинской станицы основан казаками, присланными в Сибирь для защиты Албазина и поселившимися здесь по взятии его китайцами; на той же реке Ингоде против Нерчинска, крестьянами, высланными из России, были образованы сначала с. *Монастырское*, стоящее на месте бывшего здесь некогда монастыря, а затем *Шивки*. *Дучарская* волость Нерчинскозаводского уезда почти сплошь населена потомками каторжников, причем большая часть ее селений возникла в конце 18 и самом начале 19 века и назывались прежде рудниками. Из них наиболее старыми южнее тракта являются село *Дучарское* с каменной церковью, построенной в 1810 году, Кутомарское, Яленское, Казанское, Благодатское, Ивановское, Горно-Зерентуй и выселки Челбучинские (ранее Кожевенный завод), Покровский, Воздвиженский и Верхне-Борзинский. В 1895 году в Дучарской волости возникли Золотоноша, основанная переселенцами из Малороссии, и Сергиевское, основанное каторжными из Кутомарской тюрьмы [2]).

§ 15. *Устройство и заселение Кругобайкальского (Кругоморского) участка московского тракта.*

Сообщение по Иркутско-Кяхтинскому участку московского тракта, проходившего через озеро Байкал, было неудобно и по временам совершенно прекращалось: во время сильных штормов — особенно осенью — купеческие суда часто разбивались, а во время распутицы весною и осенью купеческие товары долго лежали на месте в ожидании отправки, вследствие чего осенью, объезжая Байкал, ехали в крайних случаях по р. Иркуту до Тунки, а затем по нагорным рекам Джиде и Джиде до Селенгинска или же по юго-восточному берегу Байкала начиная с Култука. Поэтому с 1781 года возникла мысль провести из Иркутска в Кяхту в обход Байкала исключительно сухопутную дорогу, полезную, по мнению Сената, не только для коммерции, но и для сообщения с Нерчинскими заводами и вообще с пограничными таможенными властями. В 1794 году иркутский губернатор Нагель, согласно указанию иркутского мещанина Родионова, предложил провести дорогу из Иркутска в Кяхту. Эта дорога должна была иметь в длину [illegible] версты, т. е. быть на 102 версты короче существовавшего в то время Иркутско-Кяхтинского участка московского тракта. Ее постройка была начата в 1797 году. Строилась она долго и дала повод [illegible] купечество, которому [illegible] губернатор [illegible] через Байкал [illegible] 23 мая 1803 года [illegible] Кяхтинской и Цурухайтуевской застав.

[1]) [illegible]

[2]) [illegible] И. Ф. Сазонов и П. Соснинский. [illegible]

и селить по ней отставных солдат. В 1805 году дорога была уже закончена и поступила в ведение земской полиции. Согласно указу 14 января 1801 года заселять ее нужно было не ссыльными, а отставными солдатами для сохранения доверия в торгующем классе [1]). К 1805 году на ней было водворено 120 человек [2]).

Когда через 18 лет по окончании Кругобайкальской дороги по ней проезжал Алексей Мартос, на ней находились следующие селения, начиная с Иркутска: 1. слобода Введенская в 25 верстах; 2. поселение Моткое, в 19 верстах; 3. поселение Кругосланское (Глубоковская) в 20 в.; 4. селение Култук с 21 домом, в 29 верстах, от которого начиналась верховая почта; 5. зимовье при реке Слюденке; 6. зимовье заведывавшего проложением дороги и водворением селений инженера Камкова, по дороге к которому (зимовью) А. Мартос видел остатки костров, разложенных проводниками обозов; 7. *зимовье или Большое Шубутуй*; 8. [illegible] станция (зимовье) *Шибет*; 9) деревня *Снежная* с 33 бедными душами, из которых было 6 военных поселян и 27 сданных в 1801 году в зачет рекрутов и которые кормились от проходивших обозов; 10. селение *Облок* (*Обгок*), населенное такими же людьми; 11. юрты при р. Темнике в $19^{1}/_{2}$ в.; 12. д. *[illegible]* (*[illegible]*), у которой оканчивалась верховая почта и которая состояла из 14 домов с 23 душами военных поселенцев 1801 года, бывших ранее сослуживцами Суворова, получивших пашню в Комиссарской заимке в 10 в. от деревни, поженившихся здесь на бурятках и имевших от них взрослых детей; 13. станция *Торейская*, в 12 верстах на юг от которой на р. Джиде находилось село Торейское с 100 дворами русских поселенцев; 14. д. Хангарайская (на карте Колчеранская) в 20 домов во[illegible] поселенцев, занимавшихся хлебопашеством и живших исправно; 15. станция *Нарым* в $21^{1}/_{2}$ в. от Торейской; 16. бурятское селение Салан в 10 в. на р. Джиде, в полуверсте от почтовой дороги; 17. *Сагатэйский караул* в 4 в. от Салана, с 15 домами и 21 казаком; 18. д. *Папинская* с 15 домами русских крестьян в $1^{1}/_{2}$ в. от караула, на р. Джиде; 19. станция *Ичелон*; 20. большая деревня *[illegible]* с 30 домами русских и ясачных, от которой в 6 верстах находилось до 50 бурятских юрт, а в 20 в. до 20 юрт; 21. станция *Малый* на левом берегу р. Селенги, в 26 верстах; 22. населенная кяхтинскими мещанами деревня *Гердень* на р. Селенге; 23. *Усть-Кяхта*, в которой было 83 дома кяхтинских мещан и русских крестьян и сходились две дороги, кругобайкальская (кругоморская) и обыкновенная через Байкал; 24. *Троицко Савская* крепость с 174 домами и 456 жителями [3]).

По вопросу о составе населения населенных пунктов по кругобайкальской дороге нам до сих пор известно следующее.

К станице Введенской были причислены в 1858—61 годах новые казаки из бывших оброченных солдат [4]); Моткое было основано в начале 18 века ссыльными [5]). Деревня Снежная и Облок были населены крестьянами в зачет рекрут и бывшими солдатами, [illegible] в Снежной крестьяне-рекруты составляли почти [illegible] всего населения; [illegible] и д. Ханхарайская (Колчеранская) были населены бывшими солдатами и [illegible] [6]); Торейское и Нарынское (Торейское) [illegible] были образованы [illegible] крестьянами в зачет рекрутов, а д. [illegible]-Дмитриевская [illegible] Торейское [illegible] селением партией семейских старообрядцев, вышедших из [illegible] Черниговской [illegible] губерний в 1765 году, достигнув Забайкалья [illegible] 1765 году [illegible] (26 семей), поселившиеся сначала по р. [illegible] в Селенгинском, а затем здесь.

Если бывшие солдаты и ссыльные, происходя из разных местностей [illegible], то крестьяне-рекруты и семейские старообрядцы преимущественно [illegible].

§ 11. *Изменение направления средней части кругобайкальской дороги [illegible] участка [illegible].*

[illegible]

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

[4]) [illegible]

[5]) [illegible]

[6]) [illegible]

шение поддерживалось только летом, с половины июня до конца декабря, и то при помощи верховых лошадей. В течение же апреля, мая и первой половины июня проезда по ней не было из-за глубоких снегов, вследствие чего на это время тракт переводился, до освобождения Байкала от льдов, на старую длинную и тоже трудную кругоморскую дорогу через Тункинскую крепость. Затем летом, с июня по октябрь-ноябрь, пассажиры и товары перевозились через Байкал на судах, а зимой по льду. Необходимость содержать три тракта и иметь на озере Байкале казенные суда, а в Иркутске адмиралтейскую команду влекла за собою большие расходы для казны. Неудобство путей сообщения создавало для русских купцов затруднения, так как они, чтобы успеть своевременно переправлять товары через Байкал, должны были делать невольные уступки китайцам для ускорения размена. Все это заставляло проложить новую, более удобную, дорогу. Возникло несколько проектов проведения ее вдоль южного берега Байкала с заселением этого берега военно-поселенцами из Снежного, Алагаевского и Оловского селений с Хамар-Дабанского тракта. Из них получил осуществление проект купца Игумнова. По положению совета министров от 19 марта 18.0 года кяхтинскому купечеству было разрешено в течение двух лет закончить проектируемую дорогу по Игумновскому проекту. К лету 1843 года она была готова. В 1847 году состоялось повеление соединить северную часть Игумновской дороги с южной частью Хамар-Дабанской. В связи с устройством этой дороги почтовый тракт от Култука до Снежной станции был закрыт с уничтожением Слюдянской, Шибетской, Шебутуйской и Снежной станций и с учреждением зато на Игумновской дороге пяти станций: Утуликской, Хара-Мурийской, Лангатуйской, Нукен-Дабанской и Снежной. Сообщение по Игумновской дороге было открыто в 1850 году[1].

III.

Занятия трактового населения, способствовавшие его общению и упрочению особенностей его первоначальных говоров.

Из предыдущей истории заселения московского тракта, конченного в 1733 г. и установившегося в своих главных чертах приблизительно лет 150 тому назад, мы видели, что на [illegible] от Иркутска через [illegible], Тюмень и Тобольск почти до Тары [illegible] северно-[illegible] с [illegible] шее [illegible] от Тары и даже от [illegible] пункт, [illegible] от с. Ишима и вплоть до Иркутска, Кяхты и Нерчинска [illegible] в составе его населения [illegible] две струи [illegible] [illegible] с [illegible] северных губерний Европейской России [illegible] на [illegible] северных частей Тобольской, Енисейской и Иркутской [illegible] в [illegible] часть [illegible] в Сибирь [illegible] [illegible] и [illegible] Белоруссии [illegible]

Если остановиться подробнее на вопросе об [illegible] жителей [illegible], расположенных по [illegible] тракту, то увидим, что они были [illegible] тесной [illegible] общения [illegible] и при этом не только в [illegible] и том же [illegible] в соседних [illegible] тракта.

[illegible] они вместе [illegible] устройством [illegible] работы в течение нескольких [illegible] в своем [illegible] соседних [illegible] взаимное [illegible] вследствие [illegible] уже через 100 лет [illegible] местных [illegible] в 1814 году в [illegible]

1) А. Пономарев, 105, 115, 117, 137. [illegible] I, 325—326. 2) [illegible] Абрамов „Об [illegible] Тобольск [illegible] 1763 г. [illegible] 1724 [illegible] 1754 [illegible] В 1800 году был учрежден в Тобольске [illegible]

пишетъ: „Подъ именемъ крестьянъ старожиловъ должно разумѣть во-первыхъ потомковъ тѣхъ Сибиряковъ разнаго званія, которые стали заселять Барабу съ самаго начала присоединенія этой мѣстности къ русскому государству, и во вторыхъ потомковъ тѣхъ переселенцевъ, которые въ минувшемъ столѣтіи, особенно при генералъ-губернаторѣ Чичеринѣ, были высланы сюда для заселенія дороги, проложенной между Тарою и Томскомъ. Въ настоящее время эти послѣдніе до того осибирячились, т. е. поживши между коренными Сибиряками и породнившись съ ними, приняли ихъ типъ, образъ жизни, нравы и обычаи, что въ нихъ весьма трудно подмѣтить даже малѣйшую черту, которая указывала бы на мѣстныя особенности прежней родины ихъ предковъ; короче, они стали такими же коренными Сибиряками, какъ и всѣ другіе коренные Сибиряки"[1]).

Взаимное объединение трактовых жителей распространялось и на большие пространства по тракту, так как на нем были такие занятия, которые приводили к тесному общению жителей не только соседних, но и отдаленных его селений, а именно: 1) ямщина, или гоньба, т. е. перевозка пассажиров; 2) извоз, т. е. перевозка товаров, и 3) дворничество, т. е. содержание постоялых дворов для проезжающих пассажиров, ямщиков и лошадей. Эти занятия играли главную роль в жизни трактового населения и совершенно затмевали по своему значению другие занятия. Вот как выражается об их значении исследователь „Общинныхъ порядковъ восточныхъ волостей Томскаго округа и сѣверо-западной половины Маріинскаго округа" Кауфман в 1894 году: „Мы [illegible] совершенно игнорировали до сихъ поръ вліяніе одного чрезвычайно [illegible] фактора—главнаго Сибирскаго тракта, который перерѣзываетъ [illegible] средней всю описываемую половину Маріинскаго округа, а также [illegible] и Семилуженую волости Томскаго округа. Между тѣмъ вліяніе тракта на [illegible] жизнь притрактоваго населенія чрезвычайно сильно. Принадлежащіе [illegible] своему мѣстоположенію къ Чулымскому или Томскому [illegible] населеніе земледѣльческое [illegible] доходъ въ своей [illegible] — разъ селеніе находится на Сибирскомъ трактѣ, значеніе [illegible] источниковъ [illegible] состоянія во многихъ случаяхъ меркнетъ передъ значеніемъ „большой дороги". [illegible] пашня насъ кормитъ, а большой дороги [illegible] [illegible] трактовый мужикъ. И въ самомъ дѣлѣ, трактъ [illegible] все притрактовое населеніе и который [illegible] [illegible]"[2]). Чтобы выяснить значение этих занятий [illegible] между собою жителей [illegible] отдаленных трактовых [illegible] познакомимся с ними несколько подробнее по Выборке из [illegible] Томской губернии за 1893, 1894 и 1895 год[3]), Енисейской за 1893 год[4]) Иркутской за 1890 год[5]) и Забайкальской области за 1896 год[6]).

Ямщина, или гоньба, была контрактовой, когда [illegible] производилась по контракту, иначе гоньба почтовая, [illegible] и вольной. Почтовая гоньба, требовавшая значительных затрат [illegible] начальное обзаведение, так и на содержание [illegible] и пр., сосредоточивалась в руках самой зажиточной части населения [illegible] попадая и в руки посторонних лиц. Так, [illegible] на 8 станциях [illegible] в пределах Томского и Мариинского округов непосредственное участие в содержании почтовой гоньбы принимали лишь 38 зажиточных лиц [illegible] содержалось 5—9 пар лошадей. В с. [illegible] — 8 [illegible] артели, а в действительности 11. [illegible] в мелко-обывательской гоньбе, не требующей почти никаких первоначальных затрат, [illegible] жается целой группой крестьян средней зажиточности. [illegible] гоньба, т. е. [illegible] лошадей для следующих при партиях [illegible]

---

[1]) Князь Костровъ. Крестьяне Барабы. Стр. 56. [2]) Алтайскій Сборникъ. [illegible] Вып. I. Томскъ. 1894. Стр. 10—11. [3]) [illegible] выпускъ 10. Томская губернія. СПБ. 1894. Стр. 221—251. — [illegible] юридическаго изслѣдованія въ Томскомъ округѣ. Т. II, вып. 2. [illegible] 1898. Стр. 17—25. [4]) [illegible] по изслѣдованію землепользованія и хозяйства [illegible] Енисейской губерніи. Т. 5, 1893. [5]) Матеріалы [illegible] Т. 2, вып. 4. [6]) [illegible] статьи секретаря [illegible] въ Забайкальской области. [illegible] СПБ. 1898. Стр. 1—4, 79—85. — Переселеніе и землеустройство [illegible] въ Забайкальскую область лѣтомъ 1909 г. ревизора землеустройства Чиркина. Стр. 37.

[illegible] сосредоточивалась в немногих руках. Первоначально возили одну партию в неделю, запрягая летом по 4—5, а зимой по 2 лошади с „пары“. Впоследствии [illegible] движение значительно усилилось: в течение целого лета приходилось [illegible] по две большие партии по направлению на восток и одну небольшую обратную. Кроме того существовала перевозка запасных солдат, следовавших на родину с Амура. Эта гоньба была обязательна для населения „станочныхъ селений“. Вольная перевозка пассажиров была в значительной степени сосредоточена в руках населения определенных пунктов. В летнее время она производилась [illegible] по почтовым станциям, а зимой для сокращения пути делались значительные отклонения в сторону. При этом в Томской губернии проезжающего на „вольныхъ“ ловили все желающие, хотя имелась и гоньба вольных дружков, а в Тобольской он передвигался благодаря правильно организованным „веревочкам“ [illegible] помощи „дружков“, передававших пассажира один другому. Благодаря вольной гоньбе заработок имели многие. Если в последнее время вольная гоньба на [illegible] тракте была в упадке, то раньше она процветала: прежде по московскому тракту проходило все пассажирское движение между Восточной Сибирью и Европейской Россией и, кроме того, по нему во время блестящего положения золотопромышленности в Енисейской тайге туда двигались огромные партии [illegible] и цены за провоз стояли высокие. Ямщина была исключительно [illegible] из томских селений в с. Тырышкине, с. Дубровине и с. Проскокове.

Товарный извоз имел еще большее значение для сближения жителей не только соседних, но и отдаленных трактовых селений. Он был двух видов: дальний извоз, перевозка товаров между отдаленными пунктами, лежащими иногда [illegible] пределов данной губернии, напр., между Томском и Тюменью, Томском и [illegible], Томском и Иркутском,—и ближний извоз, называвшийся также „[illegible]“, при котором товары доставлялись или в недалекие пункты, или [illegible] или в отдаленные пункты, то с переменой коней на каждой „пряжкѣ“.

Перевозка товаров на дальние расстояния имела особенное значение для населения московского тракта. По последнему перевозилась значительная часть товаров, шедших из Европейской России в Томск и далее на восток в Восточную Сибирь и в Китай, именно мануфактурные изделия, москательные и колониальные товары с одной стороны, и с другой стороны по нему шли в Европейскую Россию, главным образом на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, кожи, сало, [illegible] масло, мягкая рухлядь, благородные металлы и в особенности чай, провозимый через Кяхту. Дальний товарный извоз сосредоточивался в руках нескольких крупных фирм, так называемых „доставщиков“ (в Томске Кухтериных, [illegible], Королевых, Корниловых и транспортных контор), которые за определенную поп[illegible] плату, а при перевозке чая за определенную плату с веса, принимали на себя доставку товаров, но сами были при этом только посредниками. Они [illegible] так называемым „подрядчикам“, т. е. знакомым зажиточным крестьянам, из которых каждый брал на себя перевозку части товара на 40—60 подвод и отвечал за пропажу товара, его порчу и т. п. Подрядчики сами запрягали [illegible] 20—30 лошадей, а для получения недостающего числа их приглашали [illegible] или „связчиков“, которые составляли с подрядчиком артель. Каждый [illegible] являлся с четырьмя лошадьми или, что было реже, присылал вместо [illegible] рабочих. К помощи последних прибегал часто подрядчик, который [illegible] должен был быть свободным для исправления своих разнообразных обязанностей по [illegible] за целостью перевозимого товара, по переговорам и расчетам [illegible] и т. п.

[illegible] можно сказать, что в Тобольской [illegible], время извозом жители трактовых [illegible] селений, лежащих на запад от тракта [illegible] в Тарском округе [illegible] в с. Знаменском [illegible] извозом и ямщиной 70 [illegible] кроме того, [illegible]

ревозка товаров между Европейской Россией и Восточной Сибирью была сосре[доточена] в руках жителей Каинского, Томского и Мариинского округов, через которые проходит московский тракт. В Томском округе на запад от Томска, в пределах Алтайского горного округа, дальним извозом и ближкой ямщиной занимались в Чаусской волости 19,1% наличных хозяйств (именно 392 из 2047), в Ояшинской — 27,4% (590 из 2155), в Тутальской 9,2% (211 из 2379), Спасской — 13,9% (46 из 330), на юг от Томска в Кривощековской — 6,7% (251 из 3727) и Кайлинской — 8% (244 из 2745), причем в волостях Чаусской, Ояшинской, Тутальской и Кайлинской дворы, занятые извозно-ямщицким промыслом, составляли более четверти всех промысловых хозяйств, а в Спасской несколько менее (23,1%). Ямщиной занималась кроме того по правому берегу Томи (где тракт проходил ранее) в с. Спасском — 20 русских дворов (из 138) и в Батурине 23 старожильческих и 1 переселенческий (из 140 дворов), Косогорове — 13 старож. (из 17), Усть Сосновке — 6 (из 11) и Сосновом Острове 13 старож. (из 31), по нынешнему тракту: в Ка[illegible]е — 25 старож. 1 новос. и 2[illegible] [illegible]ный (из 81), Варюхиной — 19 старож. 9 новос. и 4 ямщиных (из 118), Проскок[illegible] 63 старож. и 1 новос. (из 106), Болотном — 63 старож. и 1 новос. (из 1[illegible]6), [illegible]е — 38 старож. и 1 новос. (из 53), Ояше — 70 старож. и 3 новос. (из 151) [illegible]ре — 38 старож. и 1 новос. (из 87), Деревянском — 5 старож. (из 37), Добр[illegible] 41 старож., 2 новос. и 1 посторонний (из 137), Оз[illegible] — 30 старож. [illegible] Вьюне — 21 старож. (из 102), Либе — 18 старож. (из 81), С[illegible]е — 9 стар[illegible] новос. (из 95), Чаусе — 35 старож. и 2 нов. с. (из 131), Подгорном — 14 [illegible] 2 новос. (из 76), Б. Оёше — 15 старож. (из 140), М. Оёше — 19 (из 56) и [illegible]кина — 79 старож., 1 новос. и 1 посторонний (из 116)[3].

По данным Кауфмана, извозчиков в Томской губернии больше всего бы[ло в] пригородных волостях. Центром извозчиков являлась Спасская волость, особенно ее южная половина. В целом ряде ее селений (Лучановой, с. Спасском, [illegible]вой, [illegible]ковой, д. Батуриной и других) извозом занималось от 15 до 20 хозяйств, в деревнях [illegible], Алексеевой и Белоусовой им занимались все почти [illegible] остальных селениях отдельные лица. В Ояшинской волости извозом занимались жители [illegible] (21), [illegible] (12), [illegible]ой, с. Дубровского (из 6), Дуб[illegible]ского, 15 и др. Много извозчиков было в Тутальской волости. Также в Чаусской волости на восток от Томска извоз являлся одним из наиболее важных побочных занятий притрактовых селений: с. Малиново, д. Медведчиковой, с. [illegible]ского, д. Н. [illegible], так и более южных селений: с. Ояшинское ([illegible] дворов), с. Жарковское (21 двор, запрягавший 120—150 лошадей) и другие. Не имевшие лошадей или имевшие их в недостаточном количестве занимались в работниках [illegible] ухода за чужими лошадьми или в „сбломъ“ со своими лошадьми.

Большое значение извоз имел в Почитанской и Б[illegible]ской волостях Мариинского округа. В целом ряде притрактовых селений Почитанской волости крестьяне уходили в извоз с 500—1000 лошадьми; так из с. Колыонского выступало до 1000 лошадей, из сел Постниковского и Берикульского до 500 лошадей из каждого, из татарской деревни Теплой речки до 800 лошадей. Из нетрактовых селений этой волости извозный промысел был развит в д. Н. Почитанке (до 300 лошадей), селах Тундинском и Летяжском (до 20 дворов в каждом) и др. В Б[illegible]ской [illegible]

[1]) Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпускъ I. СПБ. 1888. Экономическій бытъ госуд. крестьянъ Богандинской, Бухаровской, [illegible]ской, Червишевской и Яровской волостей Тюменскаго округа. Тобольской губерніи. Изслѣдованіе С. К. Патканова. Стр. 51, 42. Кстати следует отметить, что жители Заводо-Успенского села Червишевской волости, возникшего после 1858 года и развившегося из казенного винокуренного завода, который был основан в конце 18-го века, в соседней деревне Земляной, являются потомками почти исключительно ссыльно-каторжных (40—43, 46 стр.); что деревня „Чернорѣченскій заводъ“ населена потомками крепостных крестьян-переведенцев, которых было переселено из Костромской губ. 35 семей и из Пензенской 41 семей (44 стр.); что в Б. и М. Балдах живут экономические крестьяне, принадлежавшие до 1763 года [illegible] монастырям (44 стр.); что в Друганиной, Червишевой, Онохиной и Зырянском Червишевской волости [illegible] потомков ямщиков (40 стр.); что в Тюменском округе поселились, кроме вольных татарей [illegible] кочевников, также поселенцы, сосланные за маловажные преступления (40, 48—49). [2]) Матеріалы для изученія и т. д. Вып. 7. СПб. 1890. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Тарскаго округа, Тобольской губерніи. Изслѣдованіе П. И. Соколова. Стр. 119, 120, 117, 118 и 113. [3]) Статистическій Отдѣлъ при Главномъ Управленіи Алтайскаго округа. Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго и инородческаго хозяйства въ Томскомъ округѣ. Томъ II. Выпускъ III. Промыслы населенія. Составилъ [illegible] М. С[illegible]невъ и С. П. Швецовъ. Барнаулъ, 1900. Стр. 179—184.

лости извозный промысел был сосредоточен главным образом в д. Тюменевой (до 60 лошадей), д. Подтельничной (до 320 лошадей), Тенгулах и обоих Антибесах (по 200—350 лошадей), в с. Суслово (около 400 лошадей) и т. д.

Летом дальний извозный промысел, вследствие конкуренции развившегося пароходства, сильно сокращался. В летнее время перевозка товаров происходила между Томском и Иркутском—выезжали немногие крестьяне из трактовых селений и только из Теплой речки выходило до 500 лошадей; между Мариинском и Томском (210 верст)—крестьяне ближайших к Мариинску селений Баимской волости и между Томском и Минусинском (700 верст)—крестьяне Спасской волости.

При втором виде товарного извоза, так называемом „безконном“ извозе, перевозка товаров происходила на перекладных, причем воз навьючивался двойным количеством товара, но зато в него запрягалась пара лошадей. Так как при этом способе на станциях теряюсь только полчаса времени, для перепряжки лошадей, то он отличался быстротой доставки товаров. Он был доступен огромной массе трактового населения, так как в нем участвовали и крестьяне, имевшие только одних лошадей, а для двухлошадных он составлял один из важнейших источников благосостояния. В прежние годы безконный извоз был настолько значителен, что в больших трактовых селениях запрягали в день 1000—1200 лошадей, но в последние годы он уменьшился в виду развития судоходства по Чулыму и увеличения числа ямщиков, занимавшихся извозом „на протяжных“, но зато стала развиваться так называемая „возка конных возов“, т. е. замена уставших и захромавших лошадей в обозах, следующих „на протяжных“. От этой последней возки получали не малый заработок крестьяне всех селений, расположенных по тракту.—В Ишимской волости Ачинского уезда ближним извозом занималось 284 двора, в Заледеевской вол. Красноярского уезда—210, в Вознесенской вол. того же уезда—198, в Канском уезде в волости Рыбинской—223, Уринской—108 и Тинской—263; в Нижнеудинском уезде Иркутской губ. ближним извозом занимались 751 двор: (в волости Алзамайской—24, Тулуновской—498, Куйтунской—154, Кимильтейской—75; в Балаганском уезде—313 (в волости Зиминской—136, Заларинской—165, Бельской—20, Черемховской—27); в Иркутском—53 (в вол. Мальтинской—12, Тельминской—4, Суховской—27, Смоленской—10).

В Иркутской губернии дальний товарный извоз был очень распространен и постепенно развился из ближнего, вследствие близости трактовых селений к Иркутску и пристаням на Ангаре, Бархатову, Коновалову и Кузнецову, куда сплавляется часть выпущенных из Иркутской таможни чаев, и откуда она перевозится затем на московский тракт [1]. Подрядившиеся ямщики приезжают на пункт отправления товар в порожняком из дому иногда за 200—300 верст. Об интенсивности движения по московскому тракту говорят данные по Иркутску за 1888 год, когда через московскую заставу прошло более 75 тысяч возов, сделавших весь путь от Иркутска до Томска или от Томска до Иркутска, т. е. иными словами более 1500 обозов, считая в каждом по 50 возов.

Значение извоза в жизни русского населения Иркутской губернии, находящегося в притрактовых селениях московского тракта, видно из того, что им занимается в Нижнеудинском уезде 29,1% всего русского рабочего населения уезда, в Иркутском—11,3% и Балаганском—11,4%. Именно дальним извозом по московскому тракту занимаются в Нижнеудинском уезде 1247 дворов (в волостях Алзамайской—405, Тулуновской—180, Куйтунской—46 и Кимильтейской—616), в Балаганском—580 дворов (в волости Зиминской—128, Заларинской—283, Бельской—14 и Черемховской—155) и в Иркутском—622 двора (в волости Мальтинской—313, Тельминской—176, Суховской—88 и Смоленской—15).

В Забайкальской области извозный промысел из всех местных промыслов пользуется наибольшим распространением и приурочивается обыкновенно к зиме, когда устанавливается наиболее удобный санный путь. Здесь им занимается 14 165 хозяйств, составляющих 15,2% общего числа хозяйств Забайкальской области. По округам он распространен неравномерно: в Селенгинском округе им занимается 4 103 хозяйства, т. е. 23,5% всех хозяйств этого округа; в Верхнеудинском—2 641 хозяйства, т. е. 10,2%; в Троицкосавском—799, т. е. 13,6%; в Читинском—1782, т. е. 10,1%; в Нерчинском—2 348, т. е. 21,6%; в Нерчинскозаводском—1 514.

[1] В Тулуновской волости дальний извоз стал развиваться приблизительно с 1870 года.

т. е. 13,9%, при чем увеличение в Селенгинском и Нерчинском округах процента хозяйств, занимающихся извозом, объясняется перегрузкой товаров в станциях Мысовой и в Сретенской станице на Шилке. Извозчики нанимаются здесь обыкновенно не на весь путь, а на один из участков: от Мысовой (или зимою Иркутска) до Верхнеудинска, от Верхнеудинска до Кяхты, от Верхнеудинска до Читы, от Читы до Сретенской. Кроме московского тракта, пользуются также (новым) купеческим трактом от Кяхты до Мысовой через р. Темник и вдоль р. Удунги, который делится на участки: Иркутск-Мысовая, Мысовая-Удунга и Удунга-Кяхта. В извоз ходят с мая до начала сенокоса, в сентябре, а также в течение двух зимних месяцев января и февраля. В течение года каждый успевает сделать от 3 до 5 концов. Из Иркутска везут в Верхнеудинск, Кяхту, Читу, Сретенск и на Амур мануфактурные товары; кроме того от Чертовкиной в устье Селенги окуль, из Верхнеудинского округа—хлеб и спирт. С востока на запад везут чай и другие иностранные, преимущественно американские товары, при чем все чая из Кяхты зимою следует по купеческому тракту, а летом подвозятся к пристани Билютойской на р. Селенге, а оттуда на баржах в Иркутск. По тракту от Нерчинска до Нерчинского завода доставлялись товары для Аргунского края и разные грузы для Нерчинской каторги [1]. Для некоторых селений московского тракта извоз имеет очень большое значение. Так на Верхнеудинско-Нерчинском участке в селениях Укыро и Домне Еравнинской главным занятием является извоз и рыболовство, а не земледелие, находящееся у местных жителей в пренебрежении [2]).

В тесной связи с ямщиной и извозом находится третье занятие трактового населения, *дворничество*. Последнее однако имело значение не во всех селениях, расположенных по пути следования обозов. В некоторых более крупных селениях останавливалось большинство всех подвод, так как в них ямщики находили все нужное им во время таких остановок: обширные помещения, хороший стол, изобильный корм и возможность починить „ямщицкую снасть“ и т. п. Другие селения лишь отчасти являлись местом остановки обозов, так как в них останавливались обычно ямщики, которые ехали „половинками“, т. е. миновали главные станки и заезжали в полустанки, привлекавшие их дешевизною постоя и сравнительной безопасностью от мошенничеств и краж товаров, и только в исключительных случаях ямщики, останавливавшиеся в главных селениях. Во всех этих селениях часть крестьян почти специально занималась дворничеством; но, кроме них, получали заработок и другие крестьяне, так как, при большом стечении ямщиков, часть их останавливалась не у настоящих дворников, а у простых крестьян, имевших достаточный запас сена и овса.

На запад от Томска больших постоялых дворов было в с. Дубровине—2, в с. Оше—9, в с. Болотном—6, в с. Проскокове—7; мелким же дворничеством занимался всякий домохозяин [3]).

Общее число остановок или „пряжекъ“ при обыкновенном следовании обозов зимою от Иркутска до Томска доходило от 42 до 45 в зависимости от времени года и состояния дороги, а также от степени срочности доставки. При плохой дороге и погоде среднее расстояние, проходимое обозом в сутки, сокращалось до 30—35 верст (вместо обычных 45—55 верст), пребывание в дороге доходило до 40—50 дней (вместо 30—35), а число остановок в дороге доходило до 60 [4]).

Главными пунктами для остановки по пути от Томска до границ Енисейской губернии являлись одиннадцать селений: с. Семилужное, в котором дворничеством занималось до 60 дворов; с Подломное Семилужск. вол., в котором из 20 дворов 12 занимались своим промыслом в крупных размерах; д. Медведчикова Ишимской вол., в которой было до 50 дворников; с. Колыонское (до 40 дворов); с. Постникова (около 30); д. Тюменева (20); села Суслово (40); Тяжинское (60); Итатское, Боготольское и Краснореченское. К менее значительным пунктам остановок, в которых было 4—7 и наиболее 8—10 дворников, относились Воронина, Сурова, Халдеева и др. Дворники существовали и на зимних ветках, сокращавших постоянный московский тракт, как, напр., на ветке от Томска

[1]) Матеріалы Вып. 14. Стр. 79—85. [2]) Переселеніе и землеустройство в Забайкалье, 17. [3]) Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго и инородческаго хозяйства въ Томскомъ округѣ. Томъ II, Выпускъ III. Составили П. М. Юхневъ и С. П. Швецовъ. Барнаулъ. 1900. Стр. 197—198. [4]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія. Т. II. Вып. 4. Москва 1890. Стр. 412.

через д. Емельяновку и с. Ольгинское, выходившей на постоянный тракт у с. Подъемкова; но на них дворники совершенно не отрывались от сельско хозяйственных занятий.

Сведений о главных пунктах остановок в пути на восток от Ачинска у нас нет. Зато у нас имеются сведения о количестве дворов, занятых дворничеством на этом пространстве, а именно в Покровской волости Ачинского уезда—55 дворов, в Красноярском уезде—118 дворов (в волостях Заледеевой—61 и Вознесенской—57), в Канском уезде—202 двора (в волостях Рыбинской—106, Уринской—38, Тинской—58), в Нижнеудинском—348 дворов (в волостях Алзамайской—114, Тулуновской—121, Куйтунской—27 и Кимильтейской—86), в Балаганском—96 дворов (в волостях Заларинс[illegible]—35, Заларинской—44 и Черемховой—17), в Иркутском—69 дворов; в волости Мальтинской 22, Тельминской—3, Суховой—38 и Смоленской—6)[1]. Но так как во время усиленного товарного движения редко какой из дворов в [illegible] селениях не принимает обозов, то можно предполагать, что дворничеством занимаются почти все притрактовые жители.

Таковы были главные занятия населения тракта в 1890—1898 годах. Они, конечно, *существовали на тракте со времени его основания*, но от более ранней эпохи у нас имеются лишь сравнительно короткие упоминания. Так князь Костров в 1874 г., описывающий поездку на вольных лошадях при помощи дружков, с [illegible] главного тракта на 150 верст [illegible] Ишима и Омска, отмечает, что ранее при появлении в деревне проезжего барабинские дружки выбегали на дорогу и каждый из поселенцев тащил его на свой двор, вследствие чего поднимались [illegible] крики и драки. У него имеются также два упоминания о движении [illegible] в его время [illegible] с запада к Колывани [illegible] рисует такую картину: „Остальныя впечатлѣнія Барабинской степи ничтожны и утомительны: [illegible] длинные обозы съ [illegible] всегда распущенные [illegible] лошади въ заброду по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только можно проѣхать верхомъ. Валитъ съ сѣдла самые сани, вашу тройку, летитъ ямщикъ вашъ, летите и [illegible] вы сами; переворачивается [illegible] и все одно и тоже по нѣскольку разъ въ день. Понявъ „стой“ и опять вы въ степной теплой избѣ [illegible] ямщика вашего. Къ другому васъ не повезутъ, да другіе уже и не выбѣгаютъ“. А вот в дополнение к первой другая картина движения по тракту от Колывани до Тюмени: „И снова остальныя впечатлѣнія сводятся на одно: на безконечные [illegible] съ [illegible], на желтенькіе домики этаповъ въ каждомъ селеніи [illegible], [illegible] только въ назначенный день прихода кандальной партии [illegible] разнообразятъ впечатлѣнія и самая эта кандальная партія; но уже лучше, если бы она не разнообразила. Медленнымъ шагомъ побрякивая цѣпями тянется она во всю длину селенія и мучительно-тоскливымъ голосомъ поетъ свою такъ называемую „милосердную“, и выбѣгаетъ на эту пѣсню народъ изъ домовъ, и тянутся руки туземцевъ съ подаяніемъ грошика, семитки, куска пирога, чернаго хлѣба. Черезъ часъ пойдетъ по селенію одинъ изъ кандальныхъ—артельный староста—за новымъ одиночнымъ сборомъ. На третій—на четвертый день обгоняете вы новую партію, впереди которой на отдѣльной въ одну лошади мелькнетъ мимо васъ этапный офицеръ: онъ только обогналъ партію, но не отошелъ отъ нея, вѣрно служа свою трудную, безпокойную и опасную службу“[2]).

Проезжавший в декабре 1823 года из Красноярска в Иркутск А. Мартос сообщает, что жители Черемхова (а. м. б, Залари и Кутулика) „занимаются извозомъ купеческихъ товаровъ; они обыкновенно берутъ кладь на Кяхтѣ, въ Иркутскѣ, и везутъ ее до Томска, гдѣ смѣняютъ ихъ другіе извозчики; а слѣдніе уже идутъ до Тюмени“[3]) Из описания путешествия мы узнаем, что извоз и дворничество были распространены также на обыкновенном Иркутско-Кяхтинском пути через Байкал. Так, по его словам, в зимовье Каральском (в одной версте от Пашкова), на р. Ангаре, у крестьянина Апайкова „пристаютъ обозы въ большемъ числѣ, проходящіе здѣшнимъ трактомъ“[4]). Относительно занятий жителей селения Посольского (на восточном берегу Байкала), коих было до 50 человек, он выражается так: „Перевозка товаровъ и рыбные промыслы составляютъ средство ихъ жизни; отчасти

[1]) Матерьялы. Таблица VII, М. 50; также стр. 422 текста. [2]) Кн. Н. Костровъ. Каинская Бараба. Томскъ. 1874 42—45, 46. [3]) А. Мартосъ. Письма Восточной Сибири 20. [4]) Там же. 144.

сѣютъ и хлѣбъ" [1]). Следующее его указание касается жителей, повидимому, нескольких селений, расположенных по тракту почти у устья реки Селенги (а не одной Степной): „Въ 9½ часу пріѣхалъ на станцію Степную. Населенія много. Миновали (до нее) деревни: Коргино, Колесово, село Творогово съ каменною церковью Рождества Богородицы.—Жители, вообще хорошіе хлѣбопашцы, имѣютъ значительные рыбные промыслы и занимаются извозомъ купеческихъ кладей на Кяхту и въ Иркутскъ" [2]). Наконецъ подобное же известие мы находим у Мартоса и относительно жителей слободы Усть-Кяхты в 83 дома, находящейся почти при конце этого тракта вблизи Кяхты: „Здѣшніе жители состоятъ изъ двухъ сословій: Кяхтинскихъ мѣщанъ и крестьянъ Русскихъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и извозомъ купеческихъ кладей и сверхъ того они держатъ много скота" [3]).

Кроме того, жители Иркутско-Кяхтинского участка московского тракта принимали участие в постройке судов и сплаве на них купеческих товаров по р. Селенге, Байкалу и р. Ангаре. Купеческие суда для сплава товаров строились на нижнем течении р. Чикоя, впадающего справа в Селенгу, в д. Стрелке и в с. Поворотном, а также по Селенге [4]). Центром водной перевозки был здесь Иркутск, судя по словам Мартоса: „Сверхъ разныхъ оборотовъ, Иркутскіе купцы имѣютъ суда для перевозки товаровъ чрезъ Байкалъ и далѣе по Ангарѣ къ городу Енисейску. Они плаваютъ отъ Лиственишнаго мыса до гавани при Посольскомъ монастырѣ, къ устьямъ рѣкъ Селенги, Баргузина, Верхней Ангары, посѣщаютъ островъ Ольхонъ, урочище Култукъ и еще нѣкоторыя приморскія мѣста" [5]). Паллас сообщает еще больше подробностей об этой водной перевозке: с весны до поздней осени товары перевозятся по тракту гужом на р. Чикой, несколько выше крепости или Стрелки; там они перегружаются в дощаники („дощеники") и идут водой вниз по реке через Байкал, затем „въ Ангару, Тунгузку и въ Енисей"; в обратном направлении „такимъ же образомъ ходятъ и изъ Ангары черезъ Байкалъ въ Селенгу съ товарами большія лодки, а по Селенгѣ вверхъ тянутъ до сихъ мѣстъ (т. е. до Стрѣлки) бечевою" [6]).

Извоз играл большую роль в жизни русского населения на Верхнеудинско-Нерчинском участке тракта уже во время Палласа (в 1772 году), когда заселение его русскими только начиналось. На это мы находим такое указание у Палласа: „Также изрядный бываетъ выигрышъ для Удинскихъ жителей какъ и по всѣмъ мѣстамъ по Нерчинской дорогѣ лежащимъ на Даурскіе заводы отъ провоза хлѣба и соли, и подряду на обратной путь подъ свинецъ, равнымъ образомъ отъ поставленія соленой рыбы, наипаче омулей, въ мѣста по ту сторону горъ рыбой недостаточныя" [7]).

Ранее эти занятия имели еще больше значения в жизни трактового населения. Особенное же значение они приобретали в тех местах, которые были мало пригодны или совсем не пригодны для земледелия, как, напр., болотистая местность Убинской и Иткульской волостей, описанная Костровым и Миддендорфом [8]), болотистая местность за Колыоном [9]) и топкая местность между реками Каном и Ией [10]).

Благодаря этим трем занятиям, жители селений по московскому тракту приходили в тесное общение с жителями не только своих ближайших соседних селений но и с жителями весьма удаленных от них трактовых селений: напр., некоторые из них возили товары от Кяхты до Иркутска, другие от Иркутска до Томска, третьи от Томска до Тюмени. А это тесное общение постепенно вело к объединению их не только в быте, но и в языке. Постепенно и северно-великорусы, и южно-великорусы отказывались от некоторых своих особенностей, воспринимая некоторые особенности своих соседей, говоривших несколько иначе. Известным регулятором при этом процессе являлся говор часто проезжавшего по тракту разнообразного начальства, который в большинстве случаев был московским, а в остальных случаях был лишен под влиянием полученного образования и предыдущей службы особенно ярких местных особенностей и приближался к московскому.

Значительная роль московского тракта не ограничивалась содействием образованию на значительном его протяжении однообразного переходного говора или однообразных переходных говоров. Образовывавшийся на тракте говор должен был оказывать известное влияние и на говоры селений, расположенных вне тракта.

[1]) А. Мартосъ. Письма о Восточной Сибири, 126. [2]) Там же, 119. [3]) Там же, 58. [4]) Там же, 66 Паллас. III, 1, стр. 366. [5]) А. Мартосъ. 157—158. [6]) Палласъ, III, 1, стр. 366. [7]) Там же, 235. [8]) Костровъ 48—49. А. Ѳ. Миддендорфъ. Бараба. СПБ. 1871. 29, 34,63. (Записки И. Академии Наукъ т. XIX кн. 2) [9]). Палласъ. II, 2, стр. 434. [10]) Палласъ, III, 1, стр. 421; 426—8.

особенно поближе к нему. Дело в том, что первоначальное население московского
тракта на протяжении от Тары и даже от какого-то более западного пункта, вбли-
зи р. Ишима, до Иркутска, Кяхты и Нерчинска, сначала являлось единственным
или почти единственным русским населением в тех местностях, через которые око-
ло 150 лет тому назад проводился тракт (напр. в Барабе и на восток от Канска).
Вновь прибывавшее население долгие годы распределялось также по тракту, как
по воле начальства, так и по собственному почину в виду возможности получить
на тракте заработок. Впоследствии вновь прибывшие поселенцы и переселенцы
принуждены были селиться уже в стороне от тракта, но они по мере возможности
держались его и его уже значительных селений, чтобы с одной стороны найти в
них сельско-хозяйственный инвентарь, скот и инструменты, необходимые им при
устройстве на новых пустынных местах, а с другой стороны сбывать в них изли-
шек своего хлеба и скота в обмен на нужные им товары. Кроме того, работоспо-
собное население внетрактовых селений даже за 100, 150, 200 и почти за 300 верст
два раза в году являлось на 4—5 недель на тракт для его починки, не говоря уже
об экстренных случаях вызова туда в виду проезда важных сановников [1].
Благодаря этому общению с жителями трактовых селений, говор вначале немного-
численного внетрактового населения должен был подвергаться известному влиянию
со стороны говора многолюдного трактового населения. Такое отношение и влияние
продолжалось многие десятки лет. Чтобы не быть голословным, я приведу цифры
распределения в 1808, 1811 и 1817 годах, т. е. приблизительно через 50 лет по про-
ведении тракта, населения Томской губернии, обнимавшей нынешние Томскую, Ени-
сейскую и Алтайскую губернии. В 1808 году во всей тогдашней Томской губернии
числилось 67.916 душ, на которые распределялась раскладка на губернские земские
повинности. Из них было купцов—356, мещан—11,933, крестьян по тракту—23 609 и
в стороне от тракта—31,080, дворовых—243, переселенцев с Кавказа—136, цыган—
57 и ямщиков—503. В 1811 году в ней было—72 641 душа; из них купцов 263,
мещан—11.582, крестьян по тракту—23 665 и в стороне от тракта—33 326, дворо-
вых—241, ясачных—3 050, ямщиков—504. В 1817 году в Томской губернии состо-
яло без купцов—106 025 душ; из них мещан—12.190, крестьян по тракту—40.132,
в стороне—22 323 и бедных волостей—3 548 ямщиков—605, ясачных 1-ой катего-
рии—18 660, ясачных 2-ой категории—7 363 и дворовых—204. Для нас в данном
случае важно распределение крестьян: несмотря на то, что со времени устройства
московского тракта прошло 50 лет, на тракте жила тогда почти половина всех
крестьян в губернии, а именно в 1808 году—23 609, в 1811—23 665 в 1817—40 132,
между тем как в стороне от тракта жило в 1808 году—31,080, в 1811—33.326 и в
1817—25 871 (22.323 и 3 548) душ. В прежние десятилетия трактовое население
превышало, несомненно, своею численностью внетрактовое население. Поэтому
влияние его говора, стремившегося к известному однообразию, на говор внетракто-
вого населения, разбросанного в разных местах без какого-либо другого объединя-
ющего центра, должно было быть значительным, особенно, если к трактовому на-
селению причислить мещан, живших также на тракте и говоривших на говоре,
близком к трактовому говору. А мещан числилось в 1808 году—11.933, в 1811—
11.582 и в 1817—12.190.

IV.

ВЫВОДЫ.

Предыдущее ознакомление с проведением и заселением московского тракта в Сиби-
ри, этого громадного и трудного по тому времени предприятия, приводит нас к несколь-
ким выводам, важным для изучения истории образования русских говоров в Сибири.

1. Московский тракт в Сибири через города Кунгур, Екатеринбург, Тюмень,
Тобольск, Тару, Каинск, Чаус (Колывань), Томск, Мариинск (Кийское село),
Ачинск, Красноярск, Канск, Нижнеудинск, Иркутск, Верхнеудинск до К...
Нерчинск до Нерчинска Заводского возник после распоряжения Сената в ...
1733 года устроить ординарную почту от Москвы до Тобольска и по разным ...
там Сибири до Нерчинска (4 стр.). К 1735 году он был уже готов, и им ...
вались не только почта, но и путешествовавшие по казенной и ученой надо...
(напр. Гмелин). В это время он был уже вымерен, в большей части снабже...

[1] Миддендорфъ. Бараба. Стр. 63, 78—79.

стовыми столбами и обеспечен лошадьми русского или инородческого населения, но в некоторых, сравнительно немногих, местах оставался еще верховой дорогой (65).

2. Он составился из наметившихся значительно ранее сухопутных дорог между южными городами тогдашней Сибири, проходивших вдоль прежней или новой южной границы Сибири. Самой древней составной его частью является участок от Тюмени до Тобольска, обеспеченный русскими ямщиками уже с 1601 года (7). Правильное конное сообщение по остальным частям московского тракта открылось через сто лет слишком. Именно Кунгурско-Екатеринбургско-Тюменский участок к 1733—4 году был вымерен и обеспечивался лошадьми татарских селений и немногочисленных солдатских постов, в 1754 году получил первые почтовые станции и только в 1763 году был открыт для всеобщего пользования (6). Тобольско-Тарский участок стал более проездным в начале 18-го века, по основании Зудиловского форпоста, в 1741 году имел несколько почтовых станций, число коих в 1744 и 1745 годах было доведено до двадцати (10 и 9). Тарско-Томский участок тракта стал более проездным по основании в 1722 году в Барабе Усть-Тартасского, Каинского и Убинского (Каргатского) укреплений, к 1741 году был снабжен верстовыми столбами и доступен для проезда в повозках (17, 18). Прямая колесная „летняя" дорога между Томском и Красноярском возникла между 1726 и 1735 годами, а в 1760 году была проведена в своей средней части севернее прежнего, через Ачинск (35, 37). Красноярско-Иркутская летняя дорога была измерена в 1726 году, к 1735 году была снабжена верстовыми столбами, но оставалась только летней дорогой, в 1740 году получила почтовые станции в своей западной части, а к 1768 году уже „изрядныя" почтовые станции (46, 47, 48, 49). Иркутско-Верхнеудинская и Верхнеудинско-Нерчинская сухопутные дороги возникли после закрепления к 1690 году нижнего и среднего течения р. Селенги и к 1735 году были снабжены верстовыми столбами и обеспечивались зимовьями, редкими станциями и лошадьми (61, 63). Верхнеудинско-Кяхтинская дорога возникла между 1727 и 1735 годами (62—63), дорога от Нерчинска до Нерчинска Заводского к 1735 году была уже вымерена, но оставалась летней верховой дорогой (65).

3. В Западной Сибири участок тракта от Готопутовского до Вознесенской через Тюкалу в обход Тары возник в 1763 году (28—29), а участок Тюмень-Ланское, прошедший через Омск, в 1825 году (30); в Восточной Сибири Кругобайкальский (Кругоморский) участок тракта через хребет Хамар-Дабан был закончен в 1805 году (73), а часть его от Култука до Снежной была переведена на южный берег Байкала и открыта для сообщения в 1850 году (74).

4. Окончательное устройство и заселение русскими московского тракта по южной окраине тогдашней Сибири на пространстве от Екатеринбурга до Кяхты и Нерчинска было произведено приблизительно одновременно, в начале царствования Екатерины Второй; оно началось, повидимому, с 1763 года, когда губернатором Сибири стал Чичерин, ревностный исполнитель этого важного дела [1]; ко времени проезда по Сибири Фалька и Палласа (с 1771 года) московский тракт в главном был готов.

5. На протяжении от Кунгура через Екатеринбург приблизительно до р. Ишима московский тракт заселялся преимущественно (если не исключительно) уроженцами северных великорусских губерний (Пермской, Вятской, Вологодской, Архангельской и других) (10—11, 30—31, 74).

6. На протяжении приблизительно от реки Ишима (западнее Тары и Тюкалы) до Кяхты и Нерчинска он заселялся главным образом одними и теми же элементами: 1. сибиряками (ямщиками и крестьянами), переводимыми на тракт из более северных частей нынешних Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний; 2. ссыльными из разных частей Европейской России, 3. помещичьими крестьянами, ссылаемыми сюда вместе с семьями в зачет рекрутов, и 4. отчасти бывшими солдатами. Иными словами, он здесь заселялся не только северновеликорусами, но также средневеликорусами и южновеликорусами. Последующие волны переселенцев, насколько нам известно в настоящее время, приносили сюда людей, как из северных, что бывало реже, так и из средних и южных губерний Великороссии.

[1]) По Андріевичу (Историческій очеркъ Сибири. Т. V. Екатерининскій періодъ. Красноярскъ 1889. Стр. 129—130), заселеніе тракта крестьянами от Тюмени на Омск, Каинск, Колывань и Томск началось по представленію губернатора Соймонова (1757—1763), по почину котораго разведан (?) тракт от Ачинска на Красноярск, Удинск, Тулун и Иркутску.

что бывало чаще (12, 14,—16, 17,—18, 20—21, 22, 23—28, 28—29, 32—33, 38—39, 40—42, 43—44, 50—51, 52—54, 54—59, 63, 66, 73—74).

7. Население московского тракта благодаря своим главным занятиям (ямской гоньбе, товарному извозу и дворничеству) находилось на значительном протяжении тракта в тесном общении (74—80, 80—81).

8. Всегдашнее общение со своими соседями по деревне и с жителями соседних, а часто и отдаленных деревень вело к слиянию разнородных по своему происхождению жителей тракта в особый новый тип, а также к выработке однообразного говора в пределах каждой деревни и к подравнению говоров отдельных деревень, что должно было привести после процесса, продолжавшегося более 150 лет, к образованию в главных чертах однородного говора или однородных говоров на тех участках московского тракта, на которых нам удалось проследить одни и те же составные элементы населения, т. е. от Кунгура приблизительно до р. Ишима и от р. Ишима до Кяхты и Нерчинска (74, 82).

9. Так как в состав первоначального населения московского тракта вошли на западе до р. Ишима преимущественно северновеликорусы, а на восток от Ишима как жители северных окающих губерний и северных частей сибирских губерний, так и жители средних и южных губерний тогдашней Европейской России, т. е. главным образом Великороссии, то образовавшийся на тракте однообразный говор должен принадлежать на запад от р. Ишима к северновеликорусским говорам и на восток от р. Ишима к переходным, средне великорусским говорам (24, 33, 38, 39, 44, 51, 53, 56, 57, 58—59, 63, 66, 74).

10. В виду того, что внетрактовое население по своим интересам и занятиям было в значительной части связано с трактовым населением, говор последнего должен был оказывать известное влияние на говоры внетрактового населения (82).

A. D. Grigorjev.

Geschichte der Entstehung und Besiedelung der „moskauer Strasse" (moskovskij trakt) in Sibirien und ihre Bedeutung fur die Erforschung der russischen Mundarten Sibiriens.

Im Vorwort wird darauf hingewiesen, dass die Meinung, es gäbe in Sibirien nur nord-grossrussische o-Dialekte, unrichtig sei, und dass ein Verständnis der Entstehungsgeschichte der russischen Mundarten Sibiriens nur auf Grund geschichtlicher Studien, im besonderen die grosse moskauer Strass betreffend, möglich sei.

Kapitel I handelt von den Verbindungswegen zwischen dem europäischen Russland und Sibirien vor Entsethung der moskauer Strasse. Es gab drei Wege, vornehmlich zu Wasser, nach Tobolsk (über Čerdyn, über Solikamsk und über Stroganovskije Gorodki); von Tobolsk nach Osten fuhr nach die Strasse hinauf.

Kapitel II behandelt die Entstehunsund Besiedelungsgeschichte der moskauer Strasse auf Grund von Alrchivakten und Reiseberichten, vornehmlich des XVIII Jahrhunderts (Pallas, Gmelin, u. a) mit genauer Feststellung aller chronologiichen Daten. Verzeichnissen aller in Betracht kommenden Siedelungen zu verschiedenen Zeiten, Zahl und Herkunft der russischen Bevölkerung. § 1 Die Strecke Kungur—Ekaterinburg—Tara. § 2. Tobolsk—Tara. § 3. Die Bevölkerung dieser Strecken. § 4. Tara—Tomsk. § 5. Goroputovskoje—Tinkala—Voznesenskoje mit Umgehung von Tara. § 6. Geradrichtung der Strasse 1825 mit Umgehung von Tobolsk und Berührung von Omsk. § 7. Tomsk—Krasnojarsk. § 8. Krasnojarsk—Irkutsk. § 9. Irkutsk—Kiachta und Verchneudinsk—Nerčinskij Zavod. § 10. Umgehung des Baikal (Krugobaikalskaja=Krugomorskaja doroga). § 11. Veränderungen an der Strecke im Süden des Baikal.

Kapitol III ist einer Untersuchung der Lebensbedingungen der russischen Sprache langs der moskaner Strasse gewidmet. Der Zusammenschluss bedeutender Teile der Bevölkerung infolge beständigen Verkehrs (Post-und Fuhrmannswesen die Hauptiebschaftigung des überwiegenden Teils der Anwohner der Strasse) bedingt eine Vereinheitliehung der ursprünglich zahlreichen Mundarten und führt zur Bildung grosser homogener Dialektgruppen. Einfluss der Sprache der moskauer Strasse auf den nächstliegenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.

Kapitel IV. Ergebnisse.

А. Д. Григорьев.

Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров.

(Известия Института Исследования Сибири. Вып. 6. Томск. 1921).

Указатель названий мест и лиц.

Первоначальный план указателя во время его составления расширился: в указатель постепенно вводились и нарицательные имена, интересные для изучающего русскую диалектологию. - Цифра в указателе обозначает как одно, так и несколько упоминаний данного имени на одной и той же странице. Сокращения: г. - город; губ. - губерния; д. - деревня, селение; р. - река; у. - уезд.

homogener Dialektgruppen. Einfluss der Sprache der moskauer Strasse auf den nächts liegenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

homogener Dialektgruppen. Einfluss der Sprache der moskauer Strasse auf den nächstliegenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

homogener Dialektgruppen. Einfluss der Sprache der moskauer Strasse auf den nächstliegenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.

Kapitel IV. Ergebnisse.

Homogener Dialektgruppen. Einfluss der Sprache der moskauer Strasse auf den nächstliegenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

Legenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

Fegenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

Homogen
Legenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

homoger
legenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

homogei
legenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

Homogei
Legenden Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

Legender Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

homoge...
legender Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV Ergebnisse.

Оглавление.

Стран.

лей г. Оси и г. Кунгура (10); выводы Буцинского (10) и Словцева (10-11) о происхождении первоначальных русских жителей Сибири, северно великорусское происхождение первоначальных жителей селений по этим участкам тракта почти до г. Тары (11), происхождение позднейших жителей Тарского уезда и из каких местностей (12).

§4. Устройство и заселение Тарско-Томского участка московского тракта: Тарско-Томская летняя сухопутная дорога в 17 веке (12-1?), русские населенные пункты к 1701 году по западной части от Тары до Такмыцкой (13), татарские волости по ее центральной части (13), возникновение по западной части ее новых русских населенных пунктов в начале 18 века (13); заселение русскими восточной части Тарско-Томской дороги: постепенное возникновение в 17 веке русских населенных пунктов по р. Томи (13-14) и происхождение первоначального населения Томска и притомских старых русских деревень (14-15), появление русских селений в 17 веке по р. Оби (15), заселение томского края в 17 веке и происхождение его жителей (15-16), русские населенные пункты находившиеся к 1701 году вокруг Томска (16) и Кузнецка (17) и вдоль восточной части Тарско-Томского участка московского тракта (17); постройка в начале 18 века укреплений по р. Оби, Барабинской степи, Иртышу (17), заселение в первой половине 18 века местностей по обоим берегам р. Оби (17-18); Тарско-Томская сухопутная дорога во время проезда по ней в 1741 году Гмелина (19-20), изменение направления северозападной части ее к 1773 году и существовавшие на ней к этому времени селения (20); заселение барабинской части Тарско-Томского участка тракта с 1746 года до 1760 года жителями Сибири (20-21) а с 1760 года по 1771 год крестьянами из центральной России (21); состояние Тарско-Томского участка московского тракта в 70-х годах 18 века по свидетельствам Фалька (21-22), Палласа (22-23) и князя Щербатова (23); выводы о его населенных пунктах и населении к 17?? году (23); заселение барабинской части Тарско-Томского участка тракта в 70, 80 и 90-х годах 18 века и в начале 19-го века (23-25); заселение той же барабинской части тракта в 40, 50 и 60 годах 19-го

Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

века (25), а Спасского участка ее, к 1890 году (25-26); заселение во второй половине 19 века восточной части Тарско-Томского участка московского тракта: состав в 1894 и 1898 годах в волостях Чаусской, Ояшинской, Тутальской, Кривощековской и Каинской и в частях Урталской и Спасской волостей населения и увеличение его с 1851 года (26), количество, время выхода и происхождение переселенцев и распределение их по селениям (26-27), ссылка в Спасскую и Урталскую волости преступников (27); заселение в 19 веке Урталской, Богородской, Николаевской и Елгайской волостей ссыльными (27); заселение во второй половине 19 века нынешних волостей Богородской и Елгайской и отчасти Николаевской свободными переселенцами и происхождение последних (28); увеличение населения Томска в 18 и 19 веках (28).

§5. Устройство и заселение части тракта от Готопутовского до Вознесенской через Тюкалу в обход Тары (28-29).

§6. Устройство в 1825 году в Западной Сибири выпрямленного московского тракта с заходом в Омск и обходом Тобольска и заселение его: состояние западной его части от Тюмени до Абатской слободы в 1741 году (29-30) и существовавшие на ней к 1825 году селения (30-31), появление селений по центральной его части от Абатской слободы до Омска (31-32); возникновение селений по его восточной части в 17, 18 и 19 веках (32-33); происхождение жителей его центральной и восточной частей (33).

§7. Устройство и заселение Томско-Красноярского участка московского тракта: первоначальная верховая дорога из Томска в Красноярск (ее направление и недостатки) (34); первоначальная летняя почтовая дорога из Томска в Красноярск (упоминание о ней Гмелина в 1735 году, время ее возникновения, ее направление, особенности и недостатки, суда по маршрутам Гмелина и Палласа (34-35); время проведения Томско-Красноярского участка московского тракта через Ачинск (37); его населенные пункты (37-38), организация заселения (38), происхождение и численность жителей его селений во время путешествия Палласа в 1770-1773 годах и вскоре после его проезда (38-39); заселение Томско-

Красноярского участка тракта с 1805 по 1808 год (39); заселение в 19 веке подгородного района Томской губернии (40), заселение крестьянами Чулымских (Ишимской, Почитанской, Баимской и Дмитриевской) волостей с начала до 50-х годов 19 века (40-41); численность и происхождение переселенцев, водворившихся в подгородном и Чулымском районах с 1852 по 1863 год (41); заселение чулымских волостей в 60-х годах 19 века и происхождение водворившихся тогда переселенцев (41-42), ослабление заселения их с конца 60-х до половины 80-х годов (42), размещение переселенцев по тракту и вне его (42) и выселение их в другие места Сибири (42); расселение в подгородном и Чулымском районах сельчан (42); заселение русскими Енисейской губернии и заселение местностей по рр. Чулыму и Оби и тракту и происхождение их жителей (42-44).

§ 8. Устройство и заселение Красноярско-Иркутского участка московского тракта: занятие русскими южной части Енисейской губернии и Иркутской губернии (44-45); возникновение сухопутной дороги из Красноярска в Иркутск по Словцову (46) и Гмелину (46) и измерение в 1736 году летней Красноярско-Иркутской дороги (46), зимняя Красноярско-Иркутская дорога во время проезда по ней Гмелина в 1735 году (46-47), летняя Красноярско-Иркутская дорога во время проезда по ней Гмелина в 1740, 1735 и 1738 годах (47-48), состояние ее по Словцову в 1742-1765 годах (48-49); Красноярско-Иркутский участок московского тракта во время проезда по нему Палласа в 1772 и 1773 годах (его населенные пункты, организация на нем движения, состояние его, заселение его и происхождение его жителей) (49-51); Красноярско-Иркутский участок тракта во время проезда по нему А. Мартоса в 1823 году (51-52); заселение тракта с прилегающей к нему местностью в 19 веке в уездах Красноярском (52) и Нижнеудинском (52-53), заселение Канского округа в 17, 18 и 19 веках (53-54); заселение местности от Тулуна до Иркутска в 17, 18 и 19 веках, происхождение современных селений в Нижнеудинском, Балаганском и Иркутском уездах (54), заселение местностей по Ангаре и по зимнему тракту (54-55), существование в 1735 и 1738 годах селения по тракту вблизи Иркутска (55-56) и происхождение первоначальных жителей селений от Тулуна до Иркутска в 17 и в начале 18 века (56); засе-

Legende der Straßen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV. Ergebnisse.

ние этой части тракта и прилегающей к нему местности в конце 18 и в 19 веке (56-57); заселение Иркутского Вознесенского монастыря и Иркутска (58); происхождение населения по всему Красноярско-Иркутскому участку московского тракта (58-59).

§9. Устройство и заселение Иркутско-Кяхтинского и Верхнеудинско-Нерчинскозаводского участков московского тракта: занятие русскими Забайкальской области (59-61), северные пути в Забайкальскую область (61), южные Иркутско-Селенгинская и Верхнеудинско-Нерчинско-Аргунская дорога в 17 веке (61-62), заселение Забайкалья в 17 веке служилыми людьми и крестьянами (62-63), населенные пункты по дорогам Иркутско-Селенгинской и Верхнеудинско-Аргунской к началу 1701 года и происхождение их населения (63), заселение в первое тридцатилетие 18 века Нерчинских заводов и происхождение их жителей (63), населенные пункты, находившиеся во время поездки Гмелина в 1735 году по Иркутско-Кяхтинской (63-64) и Верхнеудинско-Нерчинско-Аргунской (Нерчинскозаводской) (64-66), заселение местностей по Иркутско-Кяхтинскому и Верхнеудинско-Нерчинскозаводскому участкам тракта в 50 и 60-х годах 18 века (66-68), населенные пункты по Иркутско-Кяхтинскому (68-69) и Верхнеудинско-Нерчинскозаводскому (69) участкам московского тракта во время поездки Палласа в 1772 году и состояние в то время обоих этих участков (68), заселение Забайкалья в конце 18 века и в первое десятилетие 19 века (69-71), населенные пункты по Иркутско-Кяхтинскому участку московского тракта во время поездки А. Мартоса в 1823-1824 годах (71), увеличение населения Забайкалья в 1857 году штрафованными солдатами (71), дополнительные сведения об основании отдельных населенных пунктов по Иркутско-Кяхтинскому (71-72) и Верхнеудинско-Нерчинскозаводскому (72) участкам тракта.

§10. Устройство и заселение Кругобайкальского (Кругоморского) участка московского тракта: неудобства сообщения по Иркутско-Кяхтинскому участку московского тракта (72), проведение единопутной кругобайкальской дороги (72-73), населенные пункты на ней

ТОМСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

(Р. В. Ц.) Томск, Народная … № 1. Печатано 850 экз.

…Legender Streifen der russischen Bevölkerung Sibiriens.
Kapitel IV Ergebnisse.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка: сверху.	Строка: снизу.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
4	8	—	Тобольска	Тобелска
„	10	—	Чюлым	Чюлымъ
„	11	—	—ного	—наго
„	12	—	Селегчинског	Селенгинскаго
„	23	—	уклоняя	уклонясь
„	—	24	[redacted]	[redacted]
„	—	21	месяц)	месяц [4]).
„	—	9	местыми..... По	местами. . Но
„	—	6	Сибири	Сибри:
6	—	2	но да	дано
7	1	—	Кунгурск	Кунгурско-
8	9	—	крестьян.	крестьянина.
10	22	—	*Екатеринбурско·*	*Екатеринбургско-*
„	24	—	Екатеринбурском	Екатеринбургском
11	1	—	обозренія	обозрѣнія
„	5	—	темъ	тѣмъ
„	6	—	наречіемъ .. земледельцонт.	нарѣчіемъ .. земледѣльцевъ
„	11	—	казачьи	козачьи
„	18	—	успелъ	успѣлъ
„	21	—	презреніе.. чемъ	презрѣніе... чѣмъ
12	26	—	[redacted]	помещичьи
13	—	29	поотдаль	поодаль
„	—	25	Тукуоской	Тукурасской
14	9—10	—	в 524 верстах	в 421 зерсте
15	—	—	Кутуни	Катуни
21	—	21	помещечьих	помещичьих
„	—	13	срт.	ср.
„	—	12	выше	выше
22	—	2	п о въ	и въ
„	—	1	р. с	стр
26	29	—	процеат	процент
„	—	3	Филинововъ	Филимоновъ
32	11	—	Ямышевской I, в	Ямышевской в
„	—	9	*Чи явина*	*Чинявина*
34	8	—	До (надо: Отъ)	Отъ
36	—	30	возникшато	[redacted]
37	12	—	*Ачинск,*	*Ачинск* (на новом месте).
„	—	23	*Ха деееу*	*Халдееву*
40	—	14	и	из
41	—	22	Маринского	Мариинского
„	—	19	райнон	район
43	—	5	).	[3]).
45		20	залиты	защиты
57	—	7	говоръ	(говоръ
65	11	-	Иоетому	Поэтому
„	18	—	Княжной	Княжой
66	19	-	преимущественво	преимущественно
68	—	4	[redacted]	подъ
„	—	3	исслѣдованія	изслѣдованія
71	11	—	Карильское	Карольское
77	—	28	южным селениям: с. Ольгинское	южных селений: с. Ольгинского
„	—	27	Жарковекое... другие	Жарковского... других
78	25	—	Каинском	Каинском
„	30	—	Гельминской	Тельминскій
80	—	24	[redacted]	холодные
„	—	7	Каральском	Карольском
„	—	1	Восточной	о Восточной

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВЫХ ПЯТИ ВЫПУСКОВ

„*Известий Института исследования Сибири*“.

